

Выпуск 1 (20), 2020

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2020. Вып. 1

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е. М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г. С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В. М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О. С. Горелов, канд. филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А. Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М. В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К. В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н. Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д. И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А. И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А. А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф. И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е. В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р. Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д. И. Польшанский, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф. А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц. Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А. А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В. Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З. А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю. Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В. Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К. А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 37, к. 406
тел. (4932)30-02-16
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2020. Issue 1

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Registration certificate III № ФС77-60993 of March 5, 2015

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

- E. M. Tyuleneva*, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
G. S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V. M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O. S. Gorelov, Candidate of Science, Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)
A. Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M. V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K. V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocherkassk)
N. Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D. I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A. I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A. A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F. I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
E. V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)
R. Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D. I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F. A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
D. G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
C. Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)
A. A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V. N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z. A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu. L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V. L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K. A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo, Ermak str., 37, office 406
tel. (4932) 30-02-16
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512
Electronic copy of the journal can be found
on the web-sites www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Гавриков В. А. Темпоральная структура тетралогии «Путешествие Глеба» Бориса Зайцева: библейский ракурс	5
Коптелова Н. Г. «Отголоски» драмы «Балаганчик» в лирическом цикле А. Блока «Снежная маска»	13
Лакербай Д. Л. О терминах «текст» и «произведение»	22
Прохорова Т. Г. Трансформации образа Марбурга в автобиографической повести Б. Пастернака «Охранная грамота»	34
Цветков Ю. Л. Интеграция и самоидентификация венского модернизма	42

История

Ковров Т. А., Корников А. А. Геральдические традиции дореволюционной России в современных гербах субъектов Российской Федерации	56
Околотин В. С. Операции органов ОГПУ по оперативному обеспечению раскулачивания в Ивановской промышленной области в 1930—1931 годах ...	67
Тюленев В. М. К вопросу о библиотеке Вивария	77
Чугунова Т. В. Духовно-нравственные поиски российских антиковедов второй половины XIX — начала XX века	88

Философия

Прохоров М. М. Русский космизм, концепция ноосферы и марксизм.....	97
Меликян М. А., Смирнов Г. С. Ноосферность: концептуальная логика антропологической транзитивности	109
Смирнов Д. Г. Символический этос международных отношений периода Холодной войны в кинематографическом измерении: к постановке проблемы	116
<i>Сведения об авторах</i>	129
<i>Информация для авторов журнала «Вестник Ивановского государственного университета»</i>	131

CONTENTS

Philology

Gavrikov V. A. The temporal structure of “The Journey of Gleb” tetralogy by Boris Zaitsev: a biblical perspective”	5
Koptelova N. G. “Echoes” of “The puppet show” drama in Alexander Blok's lyrical cycle “Snow mask”	13
Lakerbay D. L. On the terms “text” and “literary work”	22
Prokhorova T. G. Transformation of Marburg’s image in B. Pasternak’s autobiographical story “Safety Protection Certificate”	34
Tsvetkov Yu. L. Integration and self-identification of Viennese modernism	42

History

Kovrov T. A., Kornikov A. A. Heraldic traditions of pre-revolutionary Russia in modern coats of arms of the subjects of the Russian Federation	56
Okolotin V. S. The operations of OGPU organs aimed at the operational provision of the dispossession of ‘kulaks’ in Ivanovo industrial region in 1930—1931	67
Tyulenev V. M. On the question of Vivarium’s library	77
Chugunova T. V. Spiritual and moral search of the Russian antiquity researchers of the second half of the 19th — the beginning of the 20th centuries	88

Philosophy

Prokhorov M. M. Russian cosmism, the noosphere concept and marxism.....	97
Melikyan M. A., Smirnov G. S. Noospherity: conceptual logic of the anthropological transitivity	109
Smirnov D. G. Symbolic ethos of international relations during the Cold War in cinematographic measurement: to statement of the problem	116
<i>Information about the authors</i>	129
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i>	131

УДК 821.161.1"19"
ББК 83.3(2=411.2)6-008.6

В. А. Гавриков

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТЕТРАЛОГИИ «ПУТЕШЕСТВИЕ ГЛЕБА» БОРИСА ЗАЙЦЕВА: БИБЛЕЙСКИЙ РАКУРС

В тетралогии Бориса Зайцева «Путешествие Глеба» есть как минимум три темпоральных состояния: линейное историческое течение событий, некая вне-временная их матрица (первособытия) и постапокалипсический «новый век». Линейная история есть постоянное возвращение к вечным первообразам из Священной истории. Они могут являться в ином морфологическом облике, но всегда в том же самом реликтовом смысловом качестве. В тетралогии Зайцева такими матричными событиями становятся библейская история о потопе и житие ветхозаветного праведника — Иова Многострадального. Эти «инвариантные» события сопрягаются с историей России начала XX века: русский «потоп» есть череда революций (Февральская, Октябрьская), а Иов — Император Николай Второй, рожденный в день этого святого. Для того чтобы связать эти события, Зайцев использует ряд образов-символов (грозовой бури, ковчега, радуги и т. д.). Третий скрытый пласт зайцевской темпоральности — «новый век», который наступит после Второго пришествия. В некоторых эпизодах герои «выходят из времени»: или попадают в некое инобытие, или чают увидеть то, что в церковной традиции названо пакибытием. Кроме того, в статье речь идет об особенностях зайцевского художественного метода, который и продуцирует такую разработку хронотопа. А. М. Любомудров называет Зайцева представителем «духовного реализма». В статье говорится, что речь может идти не только о «духовном реализме», то есть об особом авторском мировидении, но и о зайцевском «чудесном реализме», так как несколько раз в тетралогии читатель сталкивается с категорией чуда. Автор статьи высказывает предположение, что ментальность Зайцева была близка древнерусской ментальности, отсюда и темпоральные особенности, и в целом структура зайцевского художественного мира.

Ключевые слова: Борис Зайцев, тетралогия «Путешествие Глеба», темпоральность, хронотоп, библейская история, первособытия, древнерусская ментальность, духовный реализм.

V. A. Gavrikov

THE TEMPORAL STRUCTURE OF “THE JOURNEY OF GLEB” TETRALOGY BY BORIS ZAITSEV: A BIBLICAL PERSPECTIVE

In the tetralogy of Boris Zaitsev “The Journey of Gleb” there are at least three temporal layers: linear historical time, time of “first events” and time after the Apocalypse (“new century”). Linear history is a constant return to the eternal prototypes from the sacred history. These eternal events may appear in a different morphological form, but always in the same relict semantic quality. In Zaitsev’s tetralogy, such a matrix event is the biblical story of the Flood and the life of St. Job the Long-suffering. These “invariant” events are interfaced with the history of Russia

---

© Гавриков В. А., 2010

at the beginning of the twentieth century. According to Zaitsev, two revolutions (February, October) are the embodiment of the Russian “flood” while Job the Long-suffering is personified in Emperor Nicholas II, who was born on the day of this saint. Zaitsev uses a number of symbols (thunderstorm, ark, rainbow, etc.) in order to connect ancient events with modernity. The third temporal layer in tetralogy is the Church Slavonic “пакибытие” — afterlife — that is, the “new age” that will come after the Second Coming of Jesus Christ. The heroes of tetralogy sometimes “come out of time”, that is, they end up in eternity beyond time. In addition, the author of the article explores the features of the artistic method of Boris Zaitsev. A. M. Lyubomudrov once called Zaitsev the representative of “spiritual realism”. The author of the article suggests that Zaitsev’s mentality was close to the old Russian mentality. This type of consciousness inspired the features of the literary text and the image of the universe in tetralogy, in particular, the temporal characteristics of the universe.

Key words: Boris Zaitsev, tetralogy “The Journey of Gleb”, temporality, chronotope, biblical history, first events, Old Russian mentality, spiritual realism.

В современной русской литературе нереалистическая проза — одно из наиболее крупных направлений. Магический реализм, мистический реализм, духовный реализм, трансцендентальный реализм, неомодернизм, постмодернизм, неомифологическая проза, фэнтези, фантастика... — эти и многие другие течения и «жанры» порой повергают теоретиков в сомнения и наводят на дискуссии. Какую им дать дефиницию? Как отделить одно явление от другого? Есть ли граница между этими феноменами? Как идентифицировать того или иного автора, к какой традиции его приписать? Некогда я пытался рассуждать об этом в теоретической статье, где рассматривал ряд этих нереалистических «-измов» [1].

Осложняет ситуацию то, что некоторый текст может иметь лишь элементы этих течений-жанров, а полностью как будто соотносится с другой традицией. Например, в рассматриваемой здесь автобиографической (!) тетралогии Бориса Зайцева есть несколько явно мистических эпизодов, которые заставляют задуматься: а реализм ли это? Не мистификация ли перед нами? Неужели это вправду автобиографическое повествование? Неужели эти чудеса были в самом деле? Наверное, лишь человек, верующий в существование Бога и иного мира, назовет эти эпизоды реалистическими. Скептик же может отнести этот текст к роману-мифу, мистическому реализму и т. п.

Как известно, время и пространство являются базовыми миромоделирующими аспектами. Для того чтобы изучить темпоральность в тетралогии Зайцева, нужно понимать, на каких основаниях зиждется его художественный хронотоп. А ключом к зайцевской картине мира является его творческий метод, даже не совсем метод, а некая его имплицитная подложка, связанная с мировоззренческими (если угодно — идеологическими) установками. Так кто же Зайцев? Писатель-реалист? Или, допустим, модернист?

А. М. Любомудров называет Зайцева представителем «духовного реализма». Он пишет: «Духовный реализм — художественное восприятие и отображение реального присутствия Творца в мире» [4, с. 6]. Главное в этом фрагменте — художественное постижение и изображение потусторонней действительности, находящейся за пределами видимого мира. Задача повествователя (имею в виду особый тип авторства, противопоставленный «антуражному» рассказчику) — стать посредником, способным «перевести» трансцендентальные смыслы на язык этого мира, конечно, используя для этого богатый арсенал художественных средств. То есть «духовный реализм»

есть особая авторская модальность. Ученый отмечает: «Представляется плодотворным и оправданным дальнейшее активное введение в научный оборот дефиниции “духовный реализм”, наиболее точно характеризующей суть описываемого явления культуры — художественного освоения духовной реальности, т. е. реальности духовного уровня мироздания и духовной сферы бытия человека» [4, с. 38].

Однако в тетралогии есть не просто особое авторское восприятие, но и, как уже говорилось, явные чудеса. Так, неизлечимо больной Глеб, уже находящийся в агонии, неожиданно — не подберу другого слова — воскресает: умирающему его жена Элли кладет на грудь икону Николая Чудотворца. После этого происходит чудо.

Второй похожий эпизод: чудесное спасение одной из героинь — Сони Собачки. И снова помогает Николай Мирликийский. Соня заблудилась в пурге, лошадь сошла с наезженной дороги, гибель казалась неизбежной... Соня начинает молиться. И вдруг появляется старичок в розвальнях, который молча указывает путь к спасению, а потом исчезает.

Третий случай произошел перед смертью Воленьки — друга Глеба. Элли за некоторое время до воленькиной смерти увидела гроб, приставленный к двери около квартиры умирающего, о чем рассказала Глебу. Этот факт отмечает предположения об аберрации памяти: если только эта аберрация не случилась с Элли — увидевшей и рассказавшей, а также с Глебом — услышавшем и запомнившим. Через некоторое время друг семьи действительно умер и ему доставили в точности такой же гроб, что был явлен в мистическом прозрении. Глеб четко атрибутирует это видение как пророческое, он говорит жене: ты «вышла из времени».

Эти три эпизода важны потому, что они указывают на особую авторскую модальность — на особый зайцевский «духовный реализм» или лучше даже сказать — «чудесный реализм», ведь здесь мы сталкиваемся с категорией чуда. Куда же попадают герои Зайцева, когда «выходят из времени»? Ясно, что в некое инобытие. Но что там? Каково оно? Какие законы там действуют? Попробую подступить к ответам на эти вопросы, рассмотрев особенности темпоральной структуры тетралогии. Причем меня будет интересовать именно «большое время», точнее сказать, проекция исторического времени у Зайцева на вечность или на то, что в церковной традиции называют «пакибытием».

Но начну с теории. Общим местом при исследовании темпоральности в мифе и художественном тексте становится концепция двух типов времени: линейного иудео-христианского и кругового языческого: «В древних исторических произведениях мы находим два основных, противоположных друг другу способа рассмотрения течения времени, и они продолжают существовать до наших дней, пересекая традиционное деление между еврейской и (или) христианской концепциями единого стационарного или непрерывного времени и некой унитарной греческой и (или) римской концепцией» [6, с. 198].

Однако эта с виду простая антитеза на поверку оказывается переплетением ряда сложных концепций, где темпоральность линейная, христианская может причудливо соединяться с другими типами темпоральности. Это, кстати, касается и святоотеческой экзегетики: нередко христовы предсказания рассматриваются как пророчества «двойного действия»: у них есть один, линейно-временной план и второй — вечный, касающийся всего линейного потока в совокупности. Например, важное пророчество о скором разрушении

Иерусалима (известное по емкому образу: «не останется камня на камне») было высказано в контексте рассуждений о Втором пришествии Иисуса — уже в славе. Позволю себе обширную цитату из Евангелия (Лк. 21, 5—7, 10—11, 20—24):

5. И когда некоторые говорили о храме, что он украшен дорогими камнями и вкладами, Он сказал:

6. придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено.

7. И спросили Его: Учитель! когда же это будет? и какой признак, когда это должно произойти?

<...>

10. Тогда сказал им: восстанет народ на народ, и царство на царство;

11. будут большие землетрясения по местам, и глады, и моры, и ужасные явления, и великие знамения с неба.

<...>

20. Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его:

21. тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто в городе, выходи из него; и кто в окрестностях, не входи в него,

22. потому что это дни отмщения, да исполнится все написанное.

23. Горе же беременным и питающим сосцами в те дни; ибо великое будет бедствие на земле и гнев на народ сей:

24. и падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников.

Обратим внимание, что история здесь двоится: перед нами и сожаление о скором падении Иерусалима, и вообще — об умалении истинной веры, о времени беззаконий, которым будет положен конец Вторым пришествием. То есть фрагмент читается и в контексте историческом, и в контексте вневременном. Первый пророческий пласт здесь — ближайшее будущее: Тит Флавий Веспасиан, вскорости римский император, в 70 году нашей эры взял штурмом и разрушил Иерусалим, действительно не оставив «камня на камне» (уцелела лишь, насколько я понимаю, Стена плача). Второй план: окончательное разрушение земного Иерусалима в конце времен.

Такие постоянные связи исторических событий со Священной историей были свойственны древнерусской ментальности. Вот что Ю. М. Лотман говорит об особенностях древнерусского сознания (забегая вперед, скажу, что, по моей гипотезе, зайцевское художественное сознание было близко к указанному типу ментальности): «Лежащие в основе миропорядка “первые” события не переходят в призрачное бытие воспоминаний — они существуют в своей реальности вечно. Каждое новое событие такого рода не есть нечто отдельное от “первого” его прообраза — оно лишь представляет собой обновление и рост этого вечно “столбового” события» [3, с. 108].

Такие «столбовые» события порождают и множественную инкарнируемость сущностно единых ситуаций, реализующуюся в череде не всегда морфологически одинаковых, но по своей глубинной сути идентичных воплощений. То есть можно говорить о таинственных первичных субстанциях, о некоей первосути, первоисточнике, породившем некий гомологический ряд, который разворачивается исторически (в линейном времени): «Каждое убийство братом брата не представляет собой какого-либо нового и отдельного поступка, а является лишь обновлением каинова греха, который сам

по себе вечен» [3, с. 108]. Но добавлю — вечен в том смысле, что вечность — это полнота времени. Новый век (пакибытие), как мне представляется, уничтожит всё греховное, а значит, и всё, находящееся во времени, — и будет, по словам Писания, новое небо и новая земля, утвержденные на иных, не поверженных грехом основаниях, где «времени больше не будет».

Эта концепция «двойной событийности» (или — сакральных исторических первособытий) в корне своем является реликтовой, возможно, отсылает к представлению о времени, разработанном некоторыми отцами Христианской Церкви (так называемое эоническое время [2]). Некоторые богословы говорят не о повторяемости, а об эонической вечности, где симультанно не разделены прошлое, будущее и настоящее (эонический архетип всевремени и всепространства). Иными словами, эон (в переводе с греч. — век) — некое «свернутое» время до сотворения мира, которое включает в себя все события мировой истории, предстающие одновременно, в единой синхронической картине.

Не буду здесь касаться восточных представлений о колесе сансары, а также ницшеанских воззрений с его «вечным возвращением» (хотя и Ницше не был первым, кто предложил такую концепцию) — все это, как мне представляется, очень далеко от зайцевских темпоральных представлений. Не буду касаться и современных Зайцеву философских интерпретаций хронотопа в художественных практиках модернистов и в их металитературной рефлексии. Навскидку здесь вспоминается Осип Мандельштам, который в емких формулах статьи «Слово и культура», выводит акмеистическую концепцию «сплавленности» времен: «ни одного поэта еще не было. Мы свободны от груза воспоминаний. Зато сколько радостных предчувствий: Пушкин, Овидий, Гомер», «Слово стало не семиствольной, а тысячествольной цевницей, оживляемой сразу дыханием всех веков» [5, с. 168—172].

Мне важно то, что повествователь у Зайцева смотрит на ситуацию из некоего инобытийного пространства, где нет диахронии, а события явлены сразу в едином контексте. Есть основания полагать, что истоком такой художественно-философской концепции было именно Православие, то есть воцерковленность Зайцева сыграла в его картине мира (здесь — в выстраивании хронотопа) определяющую роль. И я это попробую доказать.

Очень интересным в рассматриваемом контексте становится соотношение истории России и допотопного мира в «Путешествии Глеба». Зайцев нередко маркирует важные художественные смыслы повторами. Так, не только своему главному духовному наставнику о. Парфению, но и другому учителю — о. Остромыслову Глеб отвечает на уроке именно потопную историю: причем в обоих случаях речь идет не об авторской реплике, а о развернутом фрагменте. Примечательно, что на одном из этих уроков Глеб осекся на эпизоде с Араратом — он и подумать еще не может, что, подобно Ною, будет спасаться от своего «всемирного потопа» в эмиграции, которая станет для него «личным Араратом». Пророческий смысл этих ответов на уроках откроется позже.

Причем «русский потоп» соотносится и с «русским апокалипсисом» (что, собственно, является общим местом и для библейской истории). Очень интересны размышления повествователя, которыми завершается один из этих эпизодов об ответе на уроке. Глеб неточно назвал возраст патриархов, но о. Остромыслов поправил его без раздражения. Повествователь задается риторическим вопросом: «Зачем волноваться о. законоучителю? В мире все прочно, разумно, ясно». А далее перед нами уже как бы несобственно-прямая речь

отца-законоучителя, которая объясняет, что волноваться, действительно, незачем: «вечером можно будет сыграть в преферанс, послезавтра именины Капырина, все вообще превосходно».

На мой взгляд, этот эпизод прямо соотносится с евангельским повествованием: «...но, как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого: ибо, как во дни перед потопом, ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, — так будет и пришествие Сына Человеческого» (Матф. 24: 36—39).

Во-первых, в евангельском фрагменте речь идет о грядущем Апокалипсисе. Во-вторых, Христос соотносит конец мира именно с потопом, а беззаботность допотопных людей становится, таким образом, свойством всех находящихся в предпотопном (или — лучше — в предапокалипсическом) состоянии (ср.: полные горечи слова повествователя о том, что в российской империи все якобы «прочно, разумно, ясно»). Жители царской России так же, как и допотопные люди, погружены в свои повседневные заботы и даже помыслить не могут о скорой катастрофе.

Показательным кажется и паломничество семьи Глеба в обитель Серафима Саровского: «В номере душно, еще догрозовой духотой, тихо, слегка затхло. Клеенчатый черный диван, портрет архиерея на стене, Серафим с медведем. На подоконнике горшок с красными фуксиями. Лиза приотворила форточку — запахом дождя слабо тянуло, и весь этот номер с половичком от двери к столу и дивану, иконами в углу, архиереями и святыми показался во все удаленным. Остальной мир — Балыково, мать, отец, все под потопом, а они четверо в этом ковчеге с толстенными каменными стенами: дождь, буря — ничто. Это край Серафима — вон он шагает по стене старческими ногами, с вязанкою дров на спине...».

Аллегорическую суть этого эпизода можно изложить так: мир находится на грани катастрофы (нового «потопа»), отсюда и образ «догрозовой духоты». Скоро, по слову Библии, откроются источники великой бездны, и окна небесные отворятся (Быт. 7:11). Скоро грядут мировая война и русские революции.

Затем в тексте появляется прямое указание, что серафимов монастырь (он символизирует Веру, Церковь, единство с Богом...) и есть тот спасительный ковчег: «Когда въехал с монахом самовар, в белом облаке, пыхтя, кипя, потянуло слегка угарцем. И чашки с цветами, и варенье вишневое в баночке, и поклон гостинника, все — привет, дружба здешних мест, малое, но доброе расположение ковчега». Замечу, что церковных эпизодов в трилогии совсем немного — Глеб долго и мучительно движется к вере. Поэтому вдвойне символично, что в многих церковных фрагментах речь постоянно заходит о потопе.

Для раскрытия нашей темы важна и фигура последнего российского Императора, по слову Зайцева, он — человек «с глазами прекрасными», «государь тихий, благочестивый, богомольный... чего же еще ждать России?» Перед нами — очередной риторический вопрос-перевертыш, вопрос «с подвохом» (вспомним приведенное выше предложение: «Зачем волноваться о законоучителю?»). Чего еще надо России? Разве можно помыслить лучшего монарха, чем Николай? Да в том-то и дело, что такой России, государству «предпотопному», а значит, отягченному бесконечным множеством грехов, благочестивый монарх не нужен. Как не нужен был развращенному Израиллю Христос-Мессия.

Повествователь указывает, что Господь отмечает своих избранных особыми знаками. В данном случае этот знак — день рождения последнего российского Императора (именно так, с большой буквы пишет Зайцев это слово в своей тетралогии): Николай родился в день памяти Иова Многострадального, а тот, пожалуй, самая трагическая фигура Ветхого завета. Причем Зайцев в двух местах романа, рассуждая о российском самодержце, указывает на этот день, — снова перед нами двойная актуализация (как было в случае с ответами на уроках об истории потопа).

На основании всего сказанного нетрудно сделать вывод, что именно «эонической проекцией» Иова видится повествователю канонизированный впоследствии как страстотерпец Николай II. Получается, что Император, подобно Иову, был праведен, но по неизвестным путям Божиим ему было уготовано заклятие. Воцарение нового Императора, к слову, также было сопряжено с трагическим предзнаменованием — случилась печально известная давка на ходыньском поле. Снова знак судьбы, точнее — божий знак. Зайцев останавливается и на этом эпизоде.

Однако в «эонических» образах Иова и потопа есть не только трагическая сторона, но и надежда на возрождение России в новой силе: ведь, согласно Библии, и страдавший праведник Иов был щедро вознагражден Богом за терпение, и потоп не уничтожил все живое, но дал росток новой, очищенной от скверны жизни. Поэтому так важные в тетралогии эпизоды, где появляется радуга: «Радуга вознеслась ... райскою дугой, упиралась нижним концом чуть ли не в их дом. Вся пела неземными переливами цветов». Причем это описание не из детства или юности Глеба: события происходят в послереволюционной России. Поэтому символическим кажется предшествующее радуге описание ливня: «Дождь был бурнейший, но продолжался недолго». Есть ощущение, что здесь Зайцев «шифрует» свое отношение к революциям: неисчислимы беды, вызванные приходом к власти временного правительства, а потом большевиков, скоро должны миновать.

Здесь я вижу тоже прямую апелляцию к библейской истории о потопе — Бог говорит: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением [вечного] завета между Мною и между землею. И будет, когда Я наведу облако на землю, то явится радуга [Моя] в облаке; и Я вспомню завет Мой, который между Мною и между вами и между всякою душею живою во всякой плоти; и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти» (Быт. 9:13—15). Кстати, синтагма «допотопный мир — Россия» есть лишь один из «концентрических кругов», опоясывающих данный образ. С ковчегом в тетралогии, по замечанию А. Ярковой, соотносятся такие категории, как человек, семья, дом, вся Россия [7, с. 132].

Все сказанное выше напрямую соотносится с исторической позицией древнерусских книжников-летописцев, которые не просто давали некую диахроническую картину событий, но постоянно возводили их к Священной истории, выискивая прототипы событий и «действующих лиц» (в первую очередь, князей) в Библии. Например, в житийном рассказе о святых Борисе и Глебе их убийца Святополк Окаянный постоянно соотносится с Каином — вплоть до деталей (показательно, например, изгнание обоих на чужбину).

Есть в зайцевской тетралогии и третий темпоральный пласт — пакибытие, некая «трансцендентальная темпоральность», библейский «новый век», где «времени больше не будет». Это темпоральное «измерение» дано имплицитно, но его наличие можно восстановить по косвенным признакам. Например, отец

Элли, Геннадий Андреич, прощаясь с уезжающей в эмиграцию дочерью, говорит: «В этой жизни мы больше никогда не увидимся». Вторая часть высказывания со словом «никогда» как будто утрачивает свой «абсолютный смысл» за счет первой части: «в этой жизни...». Значит, Геннадий Андреич чаёт увидеться в новой жизни — или в смерти, или в постапокалипсическом пакибытии.

Итак, мне представляется, что в тетралогии Зайцева есть как минимум три времени, точнее сказать, три темпоральных состояния: линейное историческое течение событий, некая вневременная их матрица, которая содержит в себе некую смысловую доминанту и того, что произошло, и того, что случится в будущем, и постапокалипсический «новый век». Первособытия явлены в библейской истории, потом их проекции разворачиваются во временной линейности, являясь в ином морфологическом облике, но в том же самом реликтовом смысловом качестве. Возможно, писатель апеллирует здесь к концепции «Москва — Третий Рим», то есть русский народ — это как бы новый Израиль, избранный Богом для особой миссии — быть «удерживающим» (см. 2 Сол. 2:7), то есть удерживать мир от Апокалипсиса. Поэтому библейская история как бы пересоздается в русском народе-богоносце. Если так, то ментально повествователь у Зайцева обнаруживает явные признаки сходства с воззрениями русского средневекового человека (хотя это обширная тема, о которой нужно рассуждать отдельно). И третий скрытый пласт зайцевской темпоральности — пакибытие, «новый век», который наступит после Второго пришествия. Конечно, все, что я говорю, требует еще проверки и более обстоятельных доказательств. Оставляю эти выводы в виде рабочей версии, которая, возможно, будет подтверждена в ходе дальнейших исследований.

Список литературы

1. Гавриков В. А. «Чудесный реализм» в прозе Зайцева, Шмелева, Бунина (в контексте магического реализма, фантастического реализма, мистического реализма, духовного реализма и т. д.) // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24, № 1. С. 35—42.
2. Кихней Л. Г. Эоническое и апокалипсическое время в поэтике акмеизма // Modernités russes № 10: Le temps dans la poétique acméiste. Lyon : Lyon III-CESAL, 2010. P. 29—559.
3. Лотман Ю. М. «Звонячи в прадѣдную славу» // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1992. Т. 2. С. 107—110.
4. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
5. Мандельштам О. Сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1990. Т. 2. 464 с.
6. Ольсен Г. О циклической и линейной концепциях времени в трактовке античной и раннесредневековой истории // Цивилизации. М., 1993. Вып. 2. С. 197—207.
7. Яркова А. Жанр автобиографического романа в творчестве Б. К. Зайцева // Жанры в историко-литературном процессе : сб. науч. ст. СПб., 2000. С. 122—138.

УДК 821.161.1.1. "19"
ББК 83.3 (2=411.2)53-8 Блок

Н. Г. Коптелова

«ОТГОЛОСКИ» ДРАМЫ «БАЛАГАНЧИК» В ЛИРИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ А. БЛОКА «СНЕЖНАЯ МАСКА»

В статье рассматривается особая форма интермедиальности, воплотившаяся в творческом мышлении Блока и генетически связанная с пересечением в его поэтике лирических и театрально-драматургических начал. В работе подчеркивается, что один из каналов внедрения «театрального» кода в блоковскую поэзию проходит по линии воздействия на нее драм, ранее написанных поэтом и имеющих сценическую интерпретацию. Театральность такой природы транслирует смысловую полифонию лирики Блока и синтетичность его художественного мышления. Прослеживается влияние на «Снежную маску» блоковской драмы «Балаганчик», поставленной В. Э. Мейерхольдом. В лирическом цикле выявляются содержательно-формальные «отголоски» пьесы не только как литературного, но и как театрального произведения. Проведенное в статье сопоставление «Снежной маски» и «Балаганчика» позволяет реконструировать фрагмент творческой авторефлексии Блока. Показано, что в лирическом цикле преломляются ключевые мотивы, образы, конфликты драмы, а также осваиваются некоторые элементы ее поэтики. При этом в «Снежной маске» темы («снега», «вьюги», «страсти», «смерти»), унаследованные от «Балаганчика», лишаются иронического звучания и осмысливаются поэтом в трагическом ключе. В структуру художественного мира «Снежной маски» входит и образно-мотивный слой, запечатлевающий «театрализацию» реальности, характерную для блоковского окружения в период создания этого лирического цикла и питающуюся импульсами, идущими от постановки «Балаганчика» (репетиции спектакля; «вечер бумажных дам», устроенный после премьеры пьесы).

Ключевые слова: А. Блок, драма «Балаганчик», лирический цикл «Снежная маска», «театральность», «отголоски», влияние, ирония, авторефлексия.

N. G. Koptelova

“ECHOES” OF “THE PUPPET SHOW” DRAMA IN ALEXANDER BLOK'S LYRICAL CYCLE “SNOW MASK”

The article considers a special form of intermediality embodied in Blok's creative thinking and genetically related to the intersection of lyric and theatrical-dramatic principles in his poetry. The work emphasizes that one of the channels for introducing the “theatrical” code into Blok's poetry follows the line of influence on it of dramas previously written by the poet and having a stage interpretation. Theatricality of this nature translates the semantic polyphony of Blok's lyrics and the synthetics of his artistic thinking.

The influence of Blok's drama “The puppet show”, staged by V. E. Meyerhold, on the “Snow Mask” is traced. In the lyrical cycle, the content-formal “echoes” of the play are revealed, not only as a literary, but also as a theatrical work.

The comparison of the “Snow Mask” and the “The puppet show” carried out in the article allows us to reconstruct a fragment of Alexander Blok's creative

self-reflection. It is shown that in the lyrical cycle key motives, images, conflicts of drama are refracted, as well as some elements of its poetics are mastered. At the same time, in the “Snow Mask” the themes (“snow”, “blizzards”, “passions” of “death”) inherited from “The puppet show” lose their ironic sound and are interpreted by the poet in a tragic way.

The structure of the art world of the “Snow Mask” also includes a figurative and motivational layer that captures the “theatricalization” of reality, characteristic of Blok’s environment during the creation of this lyrical cycle and fed by impulses coming from the production of “The puppet show” (rehearsal of the play; “evening of paper ladies” arranged after the premiere of the play).

Key words: A. Blok, drama “The puppet show”, lyrical cycle “Snow Mask”, “theatricality”, “echoes”, influence, irony, self-reflection.

Для художественной системы А. Блока характерны проявления разнообразно выраженной интермедийности. Это определяется эстетическими исканиями русского символизма и культуры Серебряного века в целом, проходящими под знаком взаимодействия и синтеза искусств. Одна из форм интермедийности, воплотившихся в творческом мышлении Блока, связана с пересечением в его поэтике лирических и театрально-драматургических начал. Указанную особенность не раз отмечали отечественные критики и литературоведы (Ю. И. Айхенвальд, Б. М. Эйхенбаум, М. А. Рыбникова, Н. Д. Волков, Ю. Н. Тынянов, А. Е. Горелов, М. Ф. Пьяных, З. Г. Минц, А. В. Фёдоров, Е. М. Табориская, И. Б. Роднянская, П. П. Громов, Т. М. Родина, О. Б. Лебедева и др.).

Сам Блок вполне осознавал, что именно лирика определяет природу его художественного дарования. Он признавал, что стихия лирики пронизывает все его драмы и указывал на это в предисловии к сборнику «Лирические драмы». Характеризуя свои пьесы, Блок подчеркнул, что в них «переживания отдельной души, сомнения, страсти, неудачи, падения только представлены в драматической форме» [2, т. 6, с. 163]. А 3 мая 1908 года в записной книжке он пометил для себя: «Всего значительнее то, что все утверждают: 1) что стоило “огород городить”; 2) что драма написана по-новому, но нет пропасти, она органически связана с прежним, со стихами...» [1, с. 106].

Итак, драмы Блока рождались из лирики, были ее органическим продолжением. При этом, с одной стороны, происходила лиризация драмы, о которой отдавал отчет и сам поэт. С другой стороны, стихи раскрывали свои драматургические, «театральные», потенции. Нельзя не согласиться с Л. М. Кипнис: «Нарастающая у Блока жажда действенного отношения к жизни влияла на его творчество в целом и на образ его героя. Этот лирический герой становился уже участником некоего представления. Он, конечно, по-прежнему сохранял черты личных, социальных и философских переживаний, раздумий поэта, но формой для них становилось иное самовыражение, более диалогичное, чем лирика. Монологическая структура стиха постепенно насыщалась у Блока драматическими конфликтными элементами, и это толкало поэта искать ответы на “большие вопросы” в театре, быстрее выйти за пределы “символической отвлечённости”» [5, с. 45—46].

Но возможна и иная линия связи лирики и театра в творческом процессе Блока: связь уже законченной драмы с последующими стихами. Бесспорно, всякая пьеса была для него особой творческой вехой, вместилищем всего самого «заветного», содержание которого, однако, не всегда до конца воплощалось в драматической форме. Поэтому импульс «заветного» передавался

к стихам: в них поэт договаривал то, что оказалось невыразимым в драме. При этом как бы по закону творческой инерции на лирику переносился заряд театральной формы реализуемых в ней художественных идей. Это приводило к тому, что поэзия брала на себя решение части тех задач, которые Блок предназначал для театра. В результате в блоковской лирике появлялись вкрапления «театральности».

Особый канал внедрения «театрального» кода в лирику Блока проходит по линии воздействия на нее драм, ранее написанных поэтом и имеющих сценическую интерпретацию (как известно, многие блоковские пьесы так и не были поставлены). «Театральность» такой природы транслирует богатую смысловую полифонию поэзии Блока и синтетичность его художественного мышления. Но до сих пор она еще не раскрыта в литературоведении детально. В предложенной статье мы попытаемся проследить влияние блоковской драмы «Балаганчик», поставленной В. Э. Мейерхольдом, на «Снежную маску», выявив в лирическом цикле содержательно-формальные «отголоски» пьесы не только как литературного, но и как театрального произведения.

Возможность сопоставления этих творений Блока обусловлена хотя бы тем, что цикл по времени своего создания близко стоит к «Балаганчику». К тому же «Балаганчик» слишком уж был выстрадан Блоком, слишком уж емким вместилищем всего самого «больного» для поэта он оказался, чтобы просто так отойти в тень. «Отголоски» этой пьесы отчетливо обнаруживаются в «Снежной маске» на образно-тематическом уровне. Вспомним первое появление Коломбины в цикле и восприятие ее мистиками: «Первый мистик: О, как мрамор черты!» <...> Второй мистик: Вся бела, как снега» [2, т. 6, с. 12]. «Председатель: Но прошу тебя, взглядишь еще раз в ее черты: ты видишь, как бела ее одежда и какая бледность в чертах; о, она бела, как снега на вершинах!» [2, т. 6, с. 13]. Облик Коломбины завораживает мистиков «бледностью», «снежностью», холодной красотой, что ведет их к угадыванию ее второго лица — «Смерти». Заметим, что лирическая коллизия цикла как раз мотивирована взаимодействием двух тем: «белых снегов» и «гибели, смерти».

Однако в «Балаганчике» все это решается в ключе иронии, жесткого разоблачения, отрицания и автопародии. В цикле же Блок вполне серьезно стремится воплотить ранние мистические пророчества, высказанные в стихотворении, созданном 5 декабря 1901 года «Ночью вьюга снежная...» и вошедшем в сборник «Стихи о Прекрасной Даме»: «Вслед за льдиной си-нею // В полдень я всплыву. // Деву в снежном инее // Встречу наяву» [2, т. 1, с. 82—83]. Композиционным стержнем «Снежной маски» становится лейт-мотив «вьюги», «метели» («Нет исхода из вьюг...») [2, т. 2, с. 170].

Примечательно, что персонажи «Балаганчика» действуют на фоне не просто «морозной зимы», «снега», но также на фоне разбушевавшейся «вьюги». Интертекстуальная переключка пьесы и цикла прочерчивается особенно убедительно из сравнения следующих фрагментов. Из монолога Пьеро:

И свила серебристая вьюга
Им венчальный перстень-кольцо,
И я видел: сквозь ночь — подруга
Улыбнулась ему в лицо.
<...>
И, под пляску морозных игол,
Вкруг подруги картонной моей... [2, т. 6, с. 15].

Цепь аналогичных символов разворачивается и в «Снежной маске» («Настигнутый метелью»): «Вьюга пела. // И кололи снежные иглы. // И душа леденела...» [2, т. 2, с. 146].

Еще современник поэта А. Слонимский пронизательно подметил, что мотив «вьюги» был воспринят Блоком из поэзии Вл. Соловьева. Он точно указал, что для Блока, как и для Соловьева, «вьюга» означает измену «небесному» ради земной жизни, сочетается со «злым огнем» страсти [14, с. 275—276]. Таким образом, и в пьесе, и в цикле репрезентируется идея отказа от «небесного», светло-мистического, что было связано с «Вечной Женственностью». О. Б. Лебедева, рассматривая проблему развития Блоком традиции *commedia dell'arte*, вполне оправданно протягивает нить преемственности от «Балаганчика» к «Снежной маске» по линии мотива «вьюги» [7, с. 159—160]. Причем носителем снежной стихии, символизирующей власть земной страсти, в «Балаганчике» выступает Арлекин. Он вовлекает в круговорот «вьюги» не только безвольную Коломбину, превращающуюся в картонную куклу, но и беззащитного и слабого Пьеро, который становится пародирующим двойником своего соперника:

И всю ночь по улицам снежным
Мы брели — Арлекин и Пьеро...
Он прижался ко мне так нежно,
Щекотало мне нос перо!

Он шептал мне: «Брат мой, мы вместе,
Неразлучны на много дней...
Погрустим с тобой о невесте,
О картонной невесте твоей!... [2, т. 6, с. 15].

И в пьесе, и в лирическом цикле противопоставление «зимы» и «весны» создает значимую смысловую оппозицию. В «Балаганчике» именно Арлекин устремляется из вихря снежной вьюги к «дали» «весны», желая прорваться в мир высокой мистической любви:

По улицам сонным и снежным
Я таскал глупца за собой!
Мир открылся очам мятежным,
Снежный ветер пел надо мной!
О, как хотелось юной грудью
Широкой вздохнуть и выйти в мир!
Совершить в пустом безлюдьи
Мой весёлый весенний пир!
<...>

Здесь никто любить не умеет!
Здесь живут в печальном сне!
Здравствуй, мир! Ты вновь со мною!
Твоя душа близка мне давно!
Иду дышать твоей весною
В твоё золотое окно! [2, т. 6, с. 19].

Блок жестко травестирует мотив «весны», отсылающий к мистическому комплексу «Вечной Женственности». Порыв Арлекина, мечтающего «дышать весною», оказывается нелепым и бессмысленным «прыжком в пустоту». Экспрессивно окрашенная авторская ремарка ярко визуализирует

предельно гротескную ситуацию, демонстрирующую полное фиаско героя: «Прыгает в окно. Даль, видимая в окне, оказывается нарисованной на бумаге. Бумага лопнула. Арлекин полетел вверх ногами в пустоту. В бумажном разрыве видно одно светлеющее небо» [2, т. 6, с. 20].

«Весна» для лирического героя «Снежной маски», по сути, так же, как и в «Балаганчике», — это далекий и отвергнутый мир светлой мистической любви. Мотив невозвратимости весны, отречения от весны, прослеживающийся в лирическом цикле («Второе крещение»), воспринимается как вполне отчетливый «отголосок» пьесы: «Весны не будет и не надо. // Крещеньем третьим будет смерть...» [2, т. 2, с. 146]. К традиции пьесы восходит и само композиционное сцепление символов «неудавшейся весны» и «смерти». Симптоматично, что в «Балаганчике» невоплощенные грёзы о «весеннем пире», истинной любви выражаются в пародийных превращениях героини не только в картонную куклу, но и в «Смерть»: «На фоне занимающейся зари стоит, чуть колеблемая дорассветным ветром, — Смерть, в длинных белых пеленах, с матовым женственным лицом и с косой на плече» [2, т. 6, с. 20].

В «Снежной маске» диалектично преломляются и другие содержательно-формальные особенности «Балаганчика». Поэтика пьесы отзывается в «Снежной маске», в частности, в элементах драматической формы, вкрапленных в лирическую ткань некоторых стихотворений цикла. Например, результат жанрово-родового влияния «Балаганчика» угадывается в построении стихотворения «Голоса (Двое проносятся в сфере метелей)», представляющего собой диалог между героем и героиней («ним» и «нею»):

Он

Меч мой железный
Утонул в серебряной вьюге...
Где меч мой? Где меч мой!

Она

Внимай! Внимай! Я — ветер встречный!
Мы — в лунном круге!
Мы — в бездне звездной! [2, т. 2, с. 158].

Причем в упомянутом произведении возникает образ потерянного меча — атрибута рыцаря Прекрасной Дамы. В пьесе в третьей сцене «бала» действует средневековый рыцарь с «огромным деревянным мечом» [2, т. 6, с. 18]. Рыцарь Прекрасной Дамы теряет свое достоинство еще в пьесе — гротеск превращает его меч в «деревянный». В цикле уже заявлено об оставленном мече. В контексте образного мира «Балаганчика» в «Снежной маске» более четко просматривается вектор смысловой эволюции символа меча, являющегося весьма устойчивым в творчестве Блока и маркирующего мистическое пространство Вечной Женственности.

Особенно выразительна и эмоционально насыщена вторая сцена «бала» в «Балаганчике», намеченная следующей авторской ремаркой: «В середину танца врывается вторая пара влюбленных. Впереди она — в черной маске и вьющемся красном плаще. <...> Движения стремительны. Он гонится за ней, то настигая, то обгоняя ее» [2, т. 6, с. 17]. По нашему мнению, именно эта сцена моделирует ситуацию взаимоотношений между «ним» и «нею», описанную в разделе «Снега». И в пьесе, и в цикле «она» упрямо подчиняет «его» колдовскому экстазу стихии. Можно считать, что траектория движения

взаимоотношений между героем и героиней аналогична и в «Балаганчике», и в «Снежной маске». Вначале и тут, и там еще звучит мотив «сопротивления» ее роковым чарам. В драме: «Оставь меня! Не мучь, не преследуй! // Участи темной мне не пророчь!» [2, т. 6, с. 17]. В цикле (стихотворение «Снежная вязь»): «Я не открою тебе дверей. // Нет. // Никогда» [2, т. 2, с. 144]. Но «она» побеждает «его», чтобы покорить себе, а значит, уже навсегда сделать непокорным («Я — непокорный и свободный...») [2, т. 2, с. 145]. В «Балаганчике» «она» требует от «него» полного подчинения: «Иди за мной! Настигни меня» [2, т. 6, с. 17]. И почти полная параллель того же мотива в «Снежной маске» («Голоса»): «О, настигаи! О, догони! // Померкли дни» [2, т. 2, с. 158].

И в пьесе, и в цикле «она» заставила забыть и убить все, что «он» любил. В «Балаганчике»: «Я клялся в страстной любви другой! // Ты мне сверкнула огненным взглядом, // Ты завела в переулочек глухой, // Ты отравила смертельным ядом» [2, т. 6, с. 17]. В «Снежной маске» («Настигнутый метелью»): «Ты запрокинула голову в высь. // Ты сказала: “Глядись, глядись, // Пока не забудешь // Того, что любишь”» [2, т. 2, с. 146].

И в драме, и в цикле герой опьянен ее чарами, находится в сладком бреду, поэтому в обоих произведениях появляется образ винного кубка, непременно «темного», как и все, к ней причастное. В «Балаганчике»: «Гибкой рукой обними меня! // Кубок мой темный до дна испей» [2, т. 6, с. 17]. В «Снежной маске» («Крылья»): «И расплеснут меж мирами — // Кубок темного вина» [2, т. 2, с. 149]. Этот символ, как подметила З. Г. Минц, во многом выражает «дионисийские» переживания Блока, усилившиеся в период его активного общения с Вяч. Ивановым [9, с. 627], творчески перерабатывавшим и адаптирующим к эстетике младосимволизма многие мифологемы Ф. Ницше.

И в драме, и в цикле герой чувствует рядом присутствие двойника. В пьесе «он» имеет «черного двойника» [2, т. 6, с. 17]. В цикле двойник, наоборот, представлен со «светлой трубой», «подъятой к небесам» («На страже») [2, т. 2, с. 145]. Различие между характерами двойников в «Балаганчике» и в «Снежной маске» принципиально. Оно означает, что лирический субъект цикла в большей степени приобщен к «ее» стихии. А все иное, «светлое», отсылающее к миру Прекрасной Дамы, он воспринимает как ушедшее и призрачное. В. А. Сапогов точно подчеркивает: «Тонкие аллюзии на “Стихи о Прекрасной Даме” придают искрящимся, страстным стихам “Снежной маски” тревожный, трагический тон» [13, с. 17]. Напротив, герой пьесы не столь близок к «ней». Поэтому его «я», захваченное миром властной героини, — это всего лишь «черный двойник».

Бросается в глаза, что в начале раздела «Маски» лирическая тональность цикла резко меняется. Все бури и тревоги уходят, преобладает настроение умиротворенное и созерцательное. Передается чувство очарования миром масок: «А под маской было звездно. // Улыбалась чья-то повесть, // Короталась тихо ночь» (стихотворение «Под масками») [2, т. 2, с. 160]. Отныне «он» и «она» пребывают в совершенно ином мире, в ином облике: «он» — «темный рыцарь», поклоняющийся «ей» — загадочной «маске» («Бледные сказанья»): «Он рассказывает сказки, // Опершись на меч. // И она внимает в маске» [2, т. 2, с. 161]. З. Г. Минц обоснованно выделяет реальные и театрально-игровые истоки упомянутых масочных символов: «Эти образы навеяны, вероятно, не только “вечером бумажных дам”, но и впечатлениями от только что состоявшейся в театре Комиссаржевской постановки блоковского “Балаганчика”» [10, с. 68]. Авторы комментариев, подготовленных для полного

собрания сочинения Блока, аналогично характеризуют генезис масочной образности «Снежной маски» [6, с. 789]. В самом деле, здесь ситуация взаимоотношений между героем и героиней подобна той, которая существует между влюбленными «третьей парью» в «Балаганчике»: «Задумчиво склонившись, она следит за его движениями. Он весь в строгих линиях, большой и задумчивый» [2, т. 6, с. 18].

По нашему мнению, соответственно из пьесы в цикл перейдет и замедленный темпоритм развития лирического сюжета в начале раздела «Маски»: «И за ними — Тихий танец // Отдаленных встреч» [2, т. 2, с. 161]. Вместо стремительной динамики лирических эмоций, которая доминировала в разделе «Снега», здесь — «позвякивают миги», «дремлют книги», «ночь сходит на чертоги, замедляя шаг». Абсолютно меняется и цветовая гамма цикла, появляются тона сугубо романтические: зелёный, золотой, голубой, розовый. Вспомним, что в «Балаганчике» также действуют «голубая» и «розовая» маски, романтически поглощенные созерцанием «непомерной выси» [2, т. 6, с. 16]. Наконец, под воздействием «Балаганчика» в «Снежной маске» происходит и откровенная «театрализация» лирического сюжета. Этот факт правомерно акцентирует З. Г. Минц: «Мир масок — это театр. В сцены из жизни “масок” вплетаются ситуации гримировки героя (“Подвела мне брови красным...”), инсценировки жизни (“Тени на стене”). Герои наделяются условно-жеманными театрализованными жестами (“И стрельчатые ресницы // Опускает маска вниз”), их одежда, окружение напоминают театральные, стилизованные декорации» [10, с. 67]. Ее точку зрения поддерживает и А. Е. Рыбас: «Снежному миру противостоит у Блока мир театральный — как необходимый коррелят реальности, позволяющий ей казаться пространственно обозримой и исторически конкретной» [12, с. 43].

Итак, в разделе «Маски» герой и героиня как бы захвачены увлекательным маскарадом, театральной игрой, которая очаровывает их, дает им утешающее забвение, уводит от мучающего хаоса жизни. В структуру художественного мира «Снежной маски» органично входит особый образно-мотивный слой, запечатлевающий «театрализацию» реальности, характерную для блоковского окружения в период создания этого лирического цикла и питающуюся импульсами, идущими от постановки «Балаганчика» (репетиции спектакля; «вечер бумажных дам», устроенный после премьеры пьесы и т. д.). В комментарии к «Снежной маске» З. Г. Минц и А. П. Юлова справедливо отмечают, что в цикле отразились «не только интимные эмоции, но и художественно преображенные черточки театрального быта, изящно-богемных развлечений» [11, с. 101]. Но остаться в этом гармоничном и спокойном мире нельзя, ибо он, как всякий театр, маскарад, иллюзорен. Поэтому сладостное погружение героя в безмятежное пространство масок нарушается вмешательством в лирическое повествование насмешливого тона, который неумолимо снижает степень очарования гипнотизирующей атмосферой, описанной в этом разделе «Снежной маски». Обозначенный факт — едва ли не следствие всесильного влияния иронии «Балаганчика».

Ноты иронической настороженности в интерпретацию темы «масок», в частности, входят с мотивом «винного наваждения», который заявлен еще в первом стихотворении цикла «Снежное вино» (раздел «Снега»). И оказывается, что существование прекрасного мира «масок» возможно только при присутствии винного дурмана: «И в руках, когда-то строгих, // Был бокал стеклянных влаг...» («Под масками») [т. 2, с. 160]; «Сквозь винный хрусталь» [2,

т. 2, с. 164]; «Струйки винные дремали...» («Насмешница») [2, т. 2, с. 166]. В статье «Ирония» (1908) Блок писал: «Все смешано, как в кабаке и мгле. Винная истина, “in vino veritas” — явлена миру, все — едино, единое — есть мир; я пьян; ergo — захочу — “приму” мир весь целиком, упаду на колени перед Недотыкомкой, соблазню Беатриче; барахтаясь в канаве, буду полагать, что парю в небесах; захочу — “не приму мира”: докажу, что Беатриче и Недотыкомка одно и то же. Так мне угодно, ибо я пьян. А с пьяного человека — что спрашивается? Пьян иронией, смехом, как водкой; так же все обезличено; все “обесчещено”, все — все равно» [2, т. 8, с. 87—88]. В этом высказывании сам поэт прямо сопоставляет мотив «винного наваждения» с иронией, которую воспринимает как духовную болезнь, как «страшную заразу» [2, т. 8, с. 89], поразившую художников рубежа веков.

Своеволие и упрямство иронии — «захочу» — отзывается и в стихотворении «В углу дивана»: «Верь лишь мне ночное сердце, // Я — поэт! // Я какие хочешь сказки // Расскажу. // И какие хочешь маски // Приведу» [2, т. 2, с. 164—165]. Герой по собственной прихоти творит увлекательный маскарад, сознавая при этом призрачность, иллюзорность происходящего. Не случайно в конце стихотворения возникает образ «голубого цветка», традиционный символ немецкого романтизма, который служит ироническим намеком на недостижимость и кажимость красоты, захватившей героя и героиню. Впечатление миражности праздничного, утешающего маскарада довершается тем, что он оказывается «театром теней». Мотив «теней», во многом восходящий к поэзии В. Соловьева («В сне земном мы тени, тени...»), «Милый друг, иль ты не видишь...»), звучит в блоковских стихотворениях «В углу дивана» «Тени на стене», «Насмешница». Своеобразного апогея его развитие достигает в стихотворении «Смятение»: «Мы ли пляшущие тени? // Или мы бросаем тень? // Снов, обманов и видений // Догоревший полон день» [2, т. 2, с. 168]. Ирония, пришедшая из «Балаганчика», наносит сокрушительный удар, окончательно разбивающий уютный «масочный» плен. Здесь она уже столь сильна, что вызывает у лирического героя чувство «смятения»: он полностью дезориентирован, теряет уверенность в подлинности происходящего и не способен отличить реальность от игры воображения, иллюзии, миража.

Сопоставление «Снежной маски» и «Балаганчика» позволяет реконструировать фрагмент творческой авторефлексии Блока. Несомненно, что в лирическом цикле преломляются ключевые мотивы, образы, конфликты драмы, а также осваиваются некоторые элементы ее поэтики. При этом некоторые темы («снега», «вьюги», «страсти», «смерти»), унаследованные «Снежной маской» от «Балаганчика», лишаются иронического звучания и осмысливаются поэтом в трагическом ключе. Не случайно, стремясь подчеркнуть необычайную противоречивость и особую «театральную» ответственность лирических переживаний, выраженных в «Снежной маске», А. Белый в своих воспоминаниях о Блоке называет это произведение «драмой» [4, с. 266]. Характеристика Белого воспринимается не только как проныцательная интуиция, во многом подтверждающая «театральную» природу этого этапного для Блока лирического цикла, но и вполне убедительно указывает на его генетические связи с пьесой «Балаганчик».

В то же время нельзя влияние «Балаганчика» на «Снежную маску» представить в форме механического, прямого переноса из пьесы в цикл образов, мотивов, конфликтов, отдельных элементов поэтики. Традиции «Балаганчика» в «Снежной маске», с одной стороны, связанные с иронией, а с другой

стороны, — с мистическими грезами, выступают в обратных пропорциях. В определенном смысле цикл антитетичен пьесе, ибо, несмотря на просачивающуюся из «Балаганчика» иронию, в стихах Блок вновь с упоением предаётся мистическим прозрениям. Не случайно сам поэт в письме к А. Белому от 15—17 августа 1907 года признается: «...кое-что И Я ПОДОЗРЕВАЮ в Снежной маске, но и ЗДЕСЬ кощунство тонет в ином — высоком» (выделено Блоком. — *Н. К.*) [3, т. 8, с. 200]. Поэтому «Снежная маска» может восприниматься отчасти как «рецидив мистической болезни», от которой Блок так горячо хотел избавиться в «Балаганчике». В цикле, как видим, он вновь возвращается к «растоптанным святыням».

Постижение переключки «Снежной маски» и «Балаганчика» может стать весьма ценным при рассмотрении проблемы художественного развития Блока. Оно свидетельствует, что, будучи неуклонным в своей устремленности, творческий путь поэта был сопряжен с постоянными возвращениями, то есть шел «по спирали» [8, с. 326—340].

Список литературы

1. Блок А. Записные книжки. М. : Худож. лит. 1965. 663 с.
2. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 1—8. М. : Наука, 1997—2014.
3. Блок А. Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л. : ГИХЛ, 1960—1963.
4. Белый А. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников : в 2 т. М. : Худож. лит., 1980. Т. 1. С. 204—322.
5. Кипнис Л. М. О лирическом герое драматической трилогии Александра Блока // Русский театр и драматургия начала XX века. Л. : ЛГИТМИК, 1984. С. 45—46.
6. Комментарии / Быстров В. Н., Грачёва А. М., Грякалова Н. Ю. и др. // Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Наука, 1997. Т. 2 : Стихотворения. Кн. 1. С. 517—889.
7. Лебедева О. Б. Традиции *commedia dell' arte* в лирике и драме Александра Блока («Стихи о Прекрасной Даме» — «Балаганчик» — «Снежная маска») // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 145—164.
8. Максимов Д. О спиралеобразных формах развития литературы (К вопросу об эволюции А. Блока) // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М. : Наука, 1976. С. 326—340.
9. Минц З. Г. Блок и В. Иванов // Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. СПб. : Искусство—СПб, 2000. С. 621—629.
10. Минц З. Г. Лирика Александра Блока: спецкурс. Тарту : Изд-во Тартуского университета, 1969. Вып. 2. 177 с.
11. Минц З. Г., Юлова А. П. Из комментария к циклу Блока «Снежная маска» // Учен. зап. Тартуского гос. университета. Тарту : Изд-во Тартуского университета, 1983. Вып. 620. С. 99—108.
12. Рыбас А. Е. Философия «Снежной Маски». К 100-летию поэтического цикла А. Блока // Вече : Альманах русской философии и культуры. СПб., 2007. Вып. 18. С. 31—45.
13. Сапогов В. А. «Снежная маска» Александра Блока // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1966. Вып. 255. С. 288—296.
14. Слонимский А. Блок и В. Соловьёв // Об А. Блоке. Пг. : Картонный домик, 1921. С. 265—283.

УДК 82.0
ББК 83.01

Д. Л. Лакербай

О ТЕРМИНАХ «ТЕКСТ» И «ПРОИЗВЕДЕНИЕ»

В статье рассмотрена асимметричная пара терминов «текст» и «произведение», которые могут находиться в различном соотношении друг с другом. При этом существует корреляция между решением вопроса в парах «текст — произведение» и «текст — дискурс».

Текст как тотальный идентификатор гуманитарных и общественных наук не может быть определен полностью в рамках одной науки. Когда мы даем определение тексту, мы неизбежно создаем его глубоко трансформированную модель в том или ином ракурсе научного знания. Поэтому вариативны и дискуссионны как набор и количество основных текстовых категорий, так и терминологические ряды. Например, частое противопоставление текста как упорядоченной и иерархизированной системы потоку дискурса проводится по различным основаниям и с различным результатом. И текст, и дискурс могут быть поняты в аспекте процессуальности, что порождает противоположные интерпретации. При учете широкого «плана языка» релевантней не противопоставление текста и дискурса, а их сопоставление, которое оставляет больше возможностей для научной дескрипции сложных феноменов и позволяет осмыслить текст как когнитивно-коммуникативное событие. В качестве произведения художественный текст дискурсивен по сути реализуемых в нем когнитивно-прагматических отношений между различными инстанциями.

Традиционное словоупотребление «текст произведения» не только обозначает материальный субстрат последнего, но и предполагает имплицитно, что «произведение» больше и многозначней «текста». Постструктуралисты интерпретируют это соотношение в обратном порядке. Эти подходы совместимы, если представить себе «напечатанный текст» как застывшее «речевое произведение», базу интерпретации, от которой можно двигаться в противоположные стороны к инстанциям «тотального автора» или «тотального читателя».

Ключевые слова: текст, произведение, дискурс, процессуальность, когнитивный, интерпретация.

D. L. Lakerbay

ON THE TERMS “TEXT” AND “LITERARY WORK”

The article considers an asymmetric pair of terms “text” and “work”, which can be in different relations to each other. At the same time, there is a correlation between the solution of the issue in the “text — literary work” and “text — discourse” pairs.

The text as a total identifier of the Humanities and Social Sciences cannot be defined completely within the framework of one science. When we define a text, we inevitably create a deeply transformed model of it from one perspective or another. Therefore, both the set and number of main textual categories and the terminology series are variable and debatable. For example, the frequent opposition of text as an ordered and hierarchical system to the flow of discourse is conducted on different grounds and with different results. Both the text and the discourse can be understood in the procedural aspect, which gives rise to opposite interpretations. When taking

into account the broad “language plan”, it is more relevant not to contrast the text and discourse, but to compare them, which leaves more opportunities for scholarly description of complex phenomena and allows us to understand the text as a cognitive and communicative event. As a work, a literary text is discursive in essence of the cognitive-pragmatic relations implemented in it between different instances.

The traditional use of the word “text of a literary work” not only denotes the material substratum of the latter, but also implies that the “work” is larger and more polysemantic than the “text”. Poststructuralists interpret this relationship in reverse order. These approaches are compatible if we imagine the “printed text” as a frozen “speech work”, a base of interpretation from which we can move in opposite directions to the instances of the “total author” or “total reader”.

Key words: text, literary work, discourse, procedural, cognitive, interpretation.

Текст и произведение — асимметричная пара терминов, в разных толкованиях и в различных аспектах синонимичных, антонимичных, пересекающихся, коррелирующих своим содержанием. «Нормальной» или «неудовлетворительной» эту ситуацию можно счесть в зависимости от того, как мы понимаем сущность терминологии в литературоведении и шире — филологии и всей гуманитаристике, особенно терминологии обобщающего характера, «лавинообразный рост» частотности которой (сказано еще полвека назад именно по поводу «текста») «сопровождается утратой необходимой однозначности» [19, с. 3]. Попытки строго упорядочить содержание такого термина, систематизировать / таксономизировать его вместе с «окружением», как правило, оборачиваются редукцией содержания и / или объема понятия (например, отнесение термина «текст» только к формам письменной речи) или «профильной» аспектуализацией в русле конкретных дисциплин. Между тем сама история подобного понятия — как это наглядно продемонстрировал К. А. Богданов на примере «контекста» (см.: [5]) — показывает важность и насущность реализации всего его объяснительного потенциала (не только лингвистического, скажем, но и общекультурного, и антропологического).

И даже вне исторического, диахронического измерения здесь очевидна, например, многоаспектность и многомерность категории текста, «не состоящего из предложений, но реализующегося в них» [7, с. 11]. По сути, минимальным (!) признанием этого оказывается следующее: «...понятие “текст” часто включается в термины лингвистического плана — грамматика текста, стилистика текста, синтаксис текста, лингвистика текста. Однако именно в языкознании понятие “текст” не получило еще четкого определения. Видимо, свести это понятие только к категориям языкового плана невозможно...» [7, с. 11]. Если же осмыслить текст как «тотальный индентификатор» гуманитарных и общественных наук, то он в принципе требует «интегрального подхода» в силу невозможности «описать текст на одном основании» [25, с. 33]. Разумеется, и «внутри» филологии мы можем и должны — в сугубо конкретных целях — различать лингвистический и литературоведческий (по преимуществу) подходы к тексту, однако «общее» здесь настолько огромно (гуманитарные дисциплины, по Бахтину, исходят «из первичной данности текста» [3, с. 309], двуединого в своей соотнесенности и с языковой системой, и с субъектностью / ситуативностью, и при этом «двунаправленного» — на автора и «потребителя» текста) и столь разнообразно по формам, что, определяя текст так или иначе (например, выбирая какой-либо из основных подходов: «1) традиционно-грамматический; 2) общелингвистический; 3) психологический; 4) коммуникативно-деятельностный» [16, с. 23]), мы

неизбежно создаем его глубоко трансформированную модель в рамках той или иной категориальности, того или иного терминологического ряда.

Поэтому вариативны и дискуссионны как набор и количество основных текстовых категорий (напр.: информативность, членимость, когезия, континуум, автосемантичность отрезков текста, ретроспекция, проспекция, модальность, интеграция, завершенность (см.: [8]); адресант и адресат, хроно-топ, событие, актант, диктум и модус (см.: [16]) — и др.), так и сами терминологические ряды, в которые помещается данное понятие, равно как и соотношения понятий в этих рядах. По поводу категорий точным представляется замечание Н. С. Валгиной: «Текстовые категории (содержательные, структурные, строевые, функциональные, коммуникативные), будучи существенно разными, не слагаются друг с другом, а налагаются друг на друга, рождая некое единое образование, качественно отличное от суммы составляющих» [7, с. 12]. Что же касается терминологических пар или рядов, то, на наш взгляд, существует корреляция между решением вопроса в парах *текст / произведение* и *текст / дискурс*.

Нередкое противопоставление текста как «горизонтально» и «вертикально» упорядоченной, иерархизированной знаково-смысловой системы «грандиозному, нескончаемому и необузданному бурлению дискурса» [22, с. 78] проводится по разным основаниям и с разным пафосом: «дискурс представляет собой динамический процесс, частью которого является текст» [21, с. 129]; текст понимается не только как «продукт», но и как «процесс», «деятельностный акт» (т. е. понятие дискурса сдвигается на чисто «речевую» или «окололингвистическую» периферию — см.: [11, 12, 16]); для теоретического толкования обоих членов диады «текст — дискурс» вводится «связующая» их категория стиля, где последний есть «особый способ действий, предпринимаемых неким речевым субъектом в процессе формулирования текста с целью решения определенной/ых когнитивно-коммуникативной/-ых задач/-и» [25, с. 192].

Возможно, любая оппозитивная пара дифференцирующих признаков может быть в этих рядах перевернута: так, «линейно», синтагматически развертывающемуся тексту противопоставлен — особенно в постструктуралистском изводе — «нелинейный» дискурс, однако смещение ракурса дает обратную картину: «Речь развертывается линейно (синтагматически). Дискурс же являет собой ситуационно обусловленный (“извивающийся”, как ручей, в изгибающемся русле) поток речи. Текст же как единица коммуникации нелинеен, иерархичен и весьма жестко организован “вокруг” авторских намерений» [11, с. 147] — т. е. «нелинейной» с разных позиций может быть названа и «спонтанная креативность» дискурса, и, напротив, жесткая иерархичность текста (в традиционном его понимании — как структурно и семантически завершенного для автора, но «направленно открытого» для читателя). И здесь интересны радикальные решения, кажущиеся излишне категоричными и / или тенденциозными, но при этом акцентирующие наиболее проблемные места научного моделирования.

Так, весьма последовательна концепция Т. М. Дридзе, резко противопоставившей преимущественно спонтанное «языковое (речевое) поведение» и мотивационно-целевую «текстовую деятельность», лингвистический (психолингвистический) и семисоциопсихологический подходы: «В первом случае познание и коммуникация трактуются в канонах теории речевой деятельности, где <...> познавательный процесс равен речемыслительному <...> Во втором случае акцентируются внутренняя целенаправленность,

интенциональность и цельность процессуально-идеационной организации знакового общения как текстовой деятельности. Текст же рассматривается не как речезыковая, а как коммуникативно-познавательная единица, т. е. изначально обращенное к партнеру, опредмеченное ментальное образование, “цементированное” коммуникативным замыслом, составляющим его смысловое ядро» [11, с. 147].

При всей категоричности антитезы у нее есть основания, в частности отмеченная еще Бахтиным несводимость высказывания не только к предложению, но и к лингвистике и семиотике, к любым определенным «правилам». К тексту (тем более художественному) это относится в высшей степени: «Текст живет только соприкасаясь с другим текстом (контекстом) <...> этот контакт есть диалогический контакт между текстами (высказываниями), а не механический контакт «оппозиций», возможный только в пределах одного текста (но не текста и контекстов) между абстрактными элементами (знаками внутри текста) и необходимый только на первом этапе понимания (понимания значения, а не смысла). За этим контактом — контакт личностей, а не вещей (в пределе)» [4, с. 424].

Т. М. Дридзе, опираясь на мощную традицию отечественной психологии (в центре которой проблемы деятельности, мысли и речи), рассматривает текст как многоплановое мотивно-целевое коммуникативное *движение* (отсюда и опорный термин *текстовая деятельность*), стремясь рационализировать *содержательные*, а не формальные аспекты смыслообразующих и «смыслопередающих» коммуникативных актов (отсюда и ее критика знаменитой яacobсоновской шестизвенной схемы речевого акта: «контакт» в ней понимается формально, что не позволяет отличить *общение как обмен смыслами от псевдо- и квазиобщения* (см.: [10, с. 43—44]). Согласно Т. М. Дридзе, «текст в качестве единицы знакового общения (социокультурной коммуникации) представляет собой особым образом организованную *содержательно-смысловую целостность и может быть определен как система коммуникативно-познавательных элементов, функционально объединенных в единую замкнутую иерархическую содержательно-смысловую структуру (иерархию коммуникативно-познавательных программ) общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением) партнеров по общению*» [11, с. 149]. Так понимаемый текст оказывается не только противопоставлен речи и дискурсу (по критериям *целевое / «потокое», четко мотивированное / спонтанное, программно-смысловое / ситуативное, первично ориентированное на осмысление коммуникативного намерения / первично ориентированное на поиск речевых средств* и пр.) — коммуникативно понимаемый текст «вытесняет» узко понимаемый дискурс из подлинного общения. Понятие «дискурс» оказывается избыточным, ненужным для характеристики настоящей «текстовой деятельности», наполненной *смыслами*.

Такая точка зрения не лишена оснований (и, безусловно, ближе традиционному литературоведческому взгляду на текст), но — дьявол всегда в деталях — эвристична *в определенных исследовательских ракурсах*. Ведь ни одна концепция не схватывает — и не в состоянии схватить — «язык» целиком. Подобно тому как мы «внутри» него, а он «внутри» нас (и «снаружи» тоже), все мыслимые оппозиции по линии *речевая (языковая) деятельность — текст* неабсолютны, условны в практическом «применении» языка (и кто еще кого тут «применяет»). Разграничение *текст — речь (дискурс)* ограничено удобно в плане *аспектуализации* — например, для действительно

необходимой защиты *смысла*, так или иначе *спланированного* адресантом, от лингвистической *редукции* («текст является не только продуктом, но и образцом, и объектом деятельности общения. Текст как единица общения не сводится к средствам и способу его “исполнения”. Соответственно действия порождения и интерпретации текстов не совпадают по структуре и содержанию с речепроизводством» [10, с. 69]) или постмодерной *бесконечности интерпретаций*. Однако оно нерелевантно при обращении ко всему «плану языка» по причине бинарного *разрыва* его единой структурированной «смыслозначимой» материи («и текст объемлен и линейен, и дискурс объемлен и линейен» [23, с. 6—7]) — тем более если мы понимаем «дискурсивность» шире: например, как безличную власть (над субъектом речи / текста) стереотипизированных «социальных языков» или как речевую реализацию национальных концептов. Оппозитивные «разрывы» пройдут в таких случаях совершенно в других местах, сама содержательная «фактура» речи окажется скроена по-другому. Жесткое же противопоставление, разводящее дискурс и текст «по разным углам» по набору признаков¹, не учитывает области взаимопересечения: содержащий в себе «процессуальность» художественный текст не может реализовать ее вне дискурсивного развертывания²; создатель текста есть носитель ряда «дискурсивных предпочтений» не только индивидуального, но и жанрового, и национально-концептуального, и «профильно-тематического» характера (имеется в виду дискурс предметной области знания, например «медицинский», или области представлений и действий, например «этический»). Вообще говоря, создатель текста **в принципе не свободен от безличной когнитивно насыщенной дискурсивности своего времени** (это, метафорически выражаясь, волны и плеск именно того языка, в котором он пребывает), если мы учитываем трактовку дискурса М. Фуко и П. Серю.

Другое дело, что мы вольны — в зависимости от исследовательских задач —

¹ См.: «В отличие от дискурса, текст лишен жесткой прикрепленности к реальному времени <...> Текст существует в физическом времени не сам по себе, а лишь в оболочке материального объекта <...> Собственно же текст существует не в этом времени, а во времени-пространстве культуры <...> текст на порядок сложнее дискурса (во всяком случае художественный), ибо он представляет собой “упакованную” коммуникацию, включая в свернутом виде не только все элементы коммуникативного акта, но и сигналы для их дешифровки <...> Дискурс в филогенезе предшествует тексту, подобно тому как диалог предшествует монологу, а речь — языковой системе <...> понятие дискурса к художественному тексту (классического типа) неприложимо <...> Интертекстуальность, взятая “в пределе”, дает не дискурс, как можно было бы подумать, а гипертекст <...> Что же касается собственно литературы и ее экспериментов, то можно с уверенностью утверждать: мы создаем <...> не дискурс, а текст, и это будет оставаться неизменным до тех пор, пока мы ставим в конце знак, маркирующий конец» [12, с. 55, 62—65]. И всё это настойчивое разграничение — по сути, для того, чтобы «изолировать» текст в качестве привилегированного объекта теоретического анализа, потому что в конце книги следует признание: «Утверждение о том, что текст на порядок сложнее дискурса, верно только при том условии, что дискурс понимается в самом узком из всех возможных значений этого термина» [12, с. 424].

² «...обогащение текста на уровне дискурса характеристиками, которые обусловлены экстралингвистическими факторами, усиливающими в первую очередь его прагматическую открытость и превращающими процессуальность из имманентного признака текста в дифференциальную черту дискурса, так как в последнем текст выступает в качестве когнитивного и коммуникативно-деятельностного медиума между автором и читателем...» [25, с. 187].

выбирать между акцентуализацией «безличного» или «авторского» плана текста / дискурса, изучать дискурсивное окружение текста или дискурсивный механизм, который им управляет (т. е. управляет производством высказываний / текста).

При учете широкого «плана языка» релевантной *со-*, а не *противопоставление*, оставляющее больше возможностей для научной дескрипции сложных феноменов, когда исследователь «учитывает функции автора или читателя, осмысляет текст в контексте ментальных процессов порождения, восприятия, понимания и интерпретации, признает его продуктом совместной работы сознаний когнитивных субъектов. Признание детерминирующей роли человеческого сознания в содержательном наполнении текстовых характеристик <...> с одной стороны, предопределяет гибкий, вероятностный характер выводов о тексте, а с другой — программирует его соположение, а не противопоставление дискурсу» [24, с. 81—82]. В любом случае, при всей верности тех или иных частных положений, однозначно-линейного разграничения не получается, и продуктивным решением представляются аспектуализация и взаимодополнительность. Как обобщает Е. А. Гончарова, «текст получает дискурсивные черты когнитивного события, поскольку в его содержании отражается определенная “авторская концепция действительности” <...> Одновременно с этим в дискурсивной проекции текст является коммуникативным событием, “погруженным в жизнь” (по Н. Д. Арутюновой) и автора, и читателя, и общества в целом. <...> в основе интерпретации художественного текста как произведения, или дискурса, должно лежать представление о нем как о системе, существующей в некоей среде. <...> К “внешним” по отношению к тексту, но “внутренним” по отношению к художественному произведению, или литературному дискурсу, “структурам” принадлежат автор и читатель как антропоцентрические центры текста» [9, с. 31—32].

Будучи «особой, развернутой вербальной формой осуществления речемыслительного произведения» [12, с. 48] и функционально-семантической единицей, состоящей из элементов, находящихся в иерархических семантическо-смысловых отношениях и объединенных общим замыслом [10, с. 57, 48], текст, нередко называемый «сложным знаком», результатом семиотической кодировки, не является им в точном смысле, поскольку «сам этот код нам неизвестен — его еще предстоит реконструировать, основываясь на данном нам тексте» [19, с. 5]. Внутренняя связность («когерентность») текста не моделируется в рамках лингвистических категорий и «проявляется одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности, которые соотносятся между собой как форма, содержание и функция» [20, с. 17]. Соответственно «контекстуализация» текста может мыслиться как неотъемлемая составляющая текстовой деятельности, направленной не на схематизацию текстовых «смыслов», а, наоборот, на обогащение и трансформацию «модельных» значений в процессе реальной коммуникации: «...функция стилистического контекста состоит не в том, чтобы снять многозначность (это функция языкового контекста), а, напротив, в том, чтобы добавить новые значения, создать комбинаторные приращения смысла. Стилистический контекст позволяет одновременно реализовать два и более значений слова, создать ему добавочные коннотации <...> Объектом стилистического анализа и описания является целый текст» [1, с. 56]. Как отмечает К. А. Богданов, «представление о стилистическом контексте <...> фактически уравнивает

понятия контекста и интертекста» [5]; чуть ниже он приводит несколько десятков терминологических производных от слова «текст», показывая, как филологическая и философская рефлексия последней трети XX века теоретически заполняла связанный с «текстом» смысловой объем. Действительно, достаточно почти наугад обратиться к конкретным исследованиям, чтобы увидеть, как масштабно и вариативно проводится «реконструкция» текстового кода, как «текстовая деятельность» провоцирует «приращения смысла». Так, А. К. Жолковский тонко отслеживает в пастернаковской лирике «распределение материала между текстом и подтекстом» — в последний метафорически «переводятся компоненты, “не уместяющиеся” в собственно тексте» («Говоря *оплыли слова, нарвав охапку молний* и т. п., поэт, опираясь на стандартную сочетаемость (*оплывать* может *свеча, нарвать* и *охапка* естественно сочетаются с *цветами*), создает параллельные тексты, из которых один — более привычный — переносится в подтекст» [13, с. 413]. А ставшие «текстом культуры» последние (или предпоследние?) слова А. П. Чехова *Ich sterbe* в процессе исследовательской интерпретации почти неизбежно (иначе не реконструируется несомненно вложенный в них самим Чеховым смысловый потенциал) порождают разветвленный интертекст, где находится место и профессиональному коду врачей, и чеховской иронической десакрализации смерти, и последующей литературной травестии, и двуязычной каламбуризации, и этимологическим штудиям, и даже вражде заинтересованных лиц (см.: [14]).

Поэтому современный филологический анализ текста — единство разных типов и способов его изучения, а художественный текст, без сомнения, является не просто особым видом текста, но и, с определенной стороны, наиболее репрезентативным для осмысления самой категории: «...автор художественного текста на большую глубину “прячет” неявные, нетривиальные смыслы субъектности, времени, адресности, в широком смысле субъективности и т. д. Другими словами, именно экспликация семантики художественного текста более всего трудна, актуальна и более всего добавляет знания о тексте как таковом» [16, с. 25]. Собственно литературный текст, не теряя специфики вербального текста как такового (несводимости к «сложному знаку» в силу исходной многозначности и отсутствия «однозначности воспроизведения» — см.: [12, с. 40]) и художественного текста в частности (специфичности коммуникации, субъектных, временных и пр. смыслов» — см.: [16, с. 25]), при этом органично входит в различные культурные «ряды» и получает значимые исследовательские проекции.

Отношения между понятиями «текст» и «произведение» также получили неоднозначную, порой альтернативную, трактовку. «Квинтэссенция асимметрии этих двух понятий <...> состоит в том, что, объективно существуя в виде текста, произведение имеет “сверхтекстовый” характер <...> природа произведения как подвижной совокупности сложных познавательно-художественных актов индивидуального и межличностного взаимодействия автора и читателя с текстом обусловлена его *процессуальной открытостью*» [9, с. 30—31]. В рамках радикальной философско-эстетической позиции М. М. Бахтина, оппонировавшего здесь системно-структурной лингвистике, это и есть различительные понятия двух ветвей филологии: «Лингвистика имеет дело с текстом, но не с произведением. То же, что она говорит о произведении, привносится контрабандным путем и из чисто лингвистического анализа не вытекает. Конечно, обычно сама эта лингвистика с самого начала носит конгломератный характер и насыщена внемарксистическими элементами.

Несколько упрощая дело, чисто лингвистические отношения <...> — это отношения знака к знаку и знакам в пределах системы языка или текста <...> Отношения высказываний к реальной действительности, к реальному говорящему субъекту и к реальным другим высказываниям, отношения, впервые делающие высказывания истинными или ложными, прекрасными и т. п., никогда не могут стать предметом лингвистики» [3, с. 334].

В концепции постструктуралиста Р. Барта, тоже не строго лингвистической, характеристика и значимость *текста* и *произведения* выглядят «асимметрично-зеркально» бахтинским: «произведение есть вещественный фрагмент <...> может поместиться в руке, текст размещается в языке, существует только в дискурсе (вернее сказать, что он является Текстом лишь постольку, поскольку он это сознает) <...> Текст не может неподвижно застыть... он по природе своей должен сквозь что-то двигаться — например, сквозь произведение, сквозь ряд произведений <...> Произведение замкнуто, сводится к определенному означаемому <...> все произведение в целом функционирует как знак» [2, с. 415—416]. Текст как языковое произведение в классическом понимании означает безусловный приоритет формальной и смысловой связности-определенности-законченности целого над энергией составляющих его единиц, приоритет континуальности над дискретностью, системы — над элементами и их произвольными комбинациями. Постструктуралистский текст-письмо определяется прямо противоположным образом; привилегированность полностью переворачивается. Текст в классическом понимании оформлен его автором; текст-письмо в своей безбрежной игре интерпретаций продуцируется читателем. За пределами «революционно-романтической» постструктуралистской логики можно просто «признать, что все, что Р. Барт приписывает “Тексту” <...> должно быть “отдано” произведению» [12, с. 71] — однако стоит взглянуть на ситуацию еще раз.

Во-первых, важно подчеркнуть, что разграничение текста художественного произведения и самого произведения позволяет увидеть его как «живую жизнь» в аспектах процессуальности, интерсубъективности (диалогичности), контекстуальности и т. п. Как точно отмечают авторы, «в самом слове “произведение” <...> заключена характеристика п р о ц е с с у а л ь н о с т и познания мира, его отражения в определенной системе вербальных знаков, передачи знания о мире, а также восприятия этого знания другим/ими, осуществляемых в тексте» [25, с. 184]. Но в тексте эта процессуальность — более имманентный системный признак, нежели конкретная связь с чем-либо вне текста, и для современных лингвистов — приверженцев когнитивно-дискурсивной парадигмы — дискурс, в рамках которого текст выступает как когнитивный и коммуникативно-деятельностный медиум между автором и читателем, и обозначает «событие произведения» (произведение как когнитивное и коммуникативное событие и как со-бытие).

Становясь произведением, «художественный текст дискурсивен по сути реализуемых в нем когнитивно-прагматических отношений между познаваемым миром, автором, создаваемым им литературным произведением, системой персонажей, а также других образов внутри этого произведения, и читателем» [25, с. 190—191]. С другой стороны, по словам М. М. Бахтина, «текст не вещь, и поэтому второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать» [3, с. 310]. В отличие от механического воспроизведения (перепечатка и пр.), «воспроизведение текста субъектом (возвращение к нему, повторное чтение, новое исполнение,

цитирование) есть новое неповторимое событие в жизни текста, новое звено в исторической цепи речевого общения» [3, с. 309]. Соответственно, различными оказываются и смысловые сферы *текста* и *произведения*.

Среди производной терминологии, связанной с текстом, есть пост-структуралистская бинарная система *фено-текст* / *гено-текст*, интересная, несмотря на свою необщепризнанность, очень глубокой перспективой. «Семанализ» Ю. Кристевой резко отличен от семиотики: «...не упуская из виду, что текст представляет собой систему знаков, посредством семанализа мы должны отыскать внутри этой системы другое место действия, заслоненное от нас экраном текстовой структуры, другую сцену, на которой совершается акт означивания, — *такая операция, по отношению к которой структура есть всего лишь некий осадок, отсроченный результат*. <...> семанализ позволяет избавиться от обязанности избирать только одну — центральную — точку зрения, а именно точку зрения *подлежащей описанию* структуры, и предоставляет возможность комбинировать различные точки зрения с целью реконструкции процесса *порождения* этой структуры» [18, с. 294]. Кристевой (в отличие, например, от «генеративной грамматики» Хомского, в которой «глубинные компоненты в структурном отношении тождественны поверхностным, и в действительности не наблюдается никаких трансформаций», вследствие чего «рукой подать» до картезианского принципа и картезианского субъекта [18, с. 296—297]), удается преодолеть «одномерность» семиотического взгляда на «текстообразующую ось», показав *процессуальность как трансформацию*: «Текст — это не языковой феномен, иными словами, он не есть структурированное определенным образом значение <...> Текст — это порождение значения — порождение, вписанное в рамки языкового “феномена”, в рамки фенотекста, каковым является напечатанный текст; прочесть порождение возможно лишь методом восхождения по вертикали, следуя процессу генезиса, во-первых, его языковых категорий, во-вторых, топологии акта означивания <...> следует различать два аспекта: 1) порождение языковой ткани; 2) порождение некоего “я”, занимающего определенную позицию ради презентации акта означивания. При восхождении по вертикали мы обнаруживаем (лингвистическую) операцию порождения фенотекста. Эту операцию мы будем называть генотекстом и таким образом разделим понятие текста на фенотекст и генотекст (на поверхность и глубину, на наделенную значением структуру и означивающую продуктивность)» [18, с. 295]. Вне зависимости от симпатий и акцентов (что тут «поверхность», а что «глубина», и т. п.), отвлекаясь от чрезвычайно важных положений (становление фенотекста увязывается с фрейдовским «Там, где было Оно, должно стать Я»), от неизбежных пересечений «текстообразующей оси» с дискурсивностью, отметим, насколько глубоко Кристева понимает характер «лингвистической операции порождения фенотекста» (текста как коммуникативной структуры с субъектом акта высказывания и адресатом) — генотекст есть доструктурное «множество бесконечно дифференцированных означающих», абстрактный уровень языкового (доязыкового по отношению к системности) функционирования, но по сути дела — бесконечный неслышимый Гул Бесконечного Языка. Обозначив этот «нижний» (он же объемлющий, он же «верхний» для постструктуралистски ориентированного читателя и аналитика) уровень, вернемся к более простому и достаточному для нас бартовскому разграничению «произведения» и «текста», которое повторяет саму суть данного противопоставления.

Помня о том, что постструктурализм выявил *значимые* аспекты реальности и проблемы классического знания, мы выходим к явному терминологическому конфликту. Привычное словоупотребление «текст произведения» не только обозначает материальный субстрат последнего, но и предполагает имплицитно, что «произведение» больше, разнообразней, вариативней, многозначней текста, способно к известному «преодолению» его определенности и законченности. У Барта — наоборот, «произведение текста» беднее и однозначнее его самого. Можно ли учесть аргументацию обеих сторон?

Можно и нужно — если представить себе «напечатанный текст» как застывшее «речевое произведение», *базу интерпретации*, от которой можно двигаться в разные, даже в противоположные стороны (к инстанциям «тотального автора» или «тотального читателя»).

Понятие *текст* содержит в себе только идеи грамматической и семантической связности, но никак не идею эстетической целостности, следовательно, для разговора о последней оно терминологически нерелевантно. Понятие *художественный текст* как раз и является необходимым указанием на особую природу данного «типа» текста — «типа» в кавычках, ибо это вовсе не тип, а особый модус, состояние, при котором собственно-текстовые грамматическая и семантическая связность могут акцентироваться / преодолеваются в любых *заданных* направлениях и в любом случае являются только составляющей художественности. Об этом особом качестве — пусть не текста, а поэтического языка, дискурса — пишут и постструктуралисты: «1. Поэтическое высказывание не подчиняется грамматическому (линейному) порядку непозитической фразы. <...> Являясь одновременно как грамматическим (наблюдаемым) объектом, так и семной операцией в интертекстовом поле, поэтический смысл пребывает между утверждением и отрицанием этого [коммутативного] закона; он не иллюстрирует его, но он его и не нарушает; у него — иная логика, в конечном счете поддающаяся анализу со стороны субъекта, находящегося в промежутке между этими да и нет. 2. <...> поэтический язык есть не что иное, как некоторый объем, где возникают неожиданные (иллогичные, неведомые обычной речи) отношения между элементами...» [17, с. 275—277].

В противном случае понятие *художественный текст* — не более чем метафора.

Понятие *текст произведения* («текст художественного произведения», т. е. «художественный текст») указывает на «ставшее смысла», текст-факт, материальный объект, «носитель» произведения.

Произведение также нельзя возвести к (или низвести до) *Тексту как таковому* — они гетерогенны в генетическом и типологическом аспектах. *Текст как таковой* в постструктуралистско-постмодернистском ракурсе есть Абсолют становлений и различений, безлично-безостановочное заговаривание хаоса на языке самого хаоса. Он не чистая философия: восставая над своим материальным носителем подобно песчаной буре над пустыней, он складывает-смазывает мгновенные узоры мириад голосов — но это пробужденный художником гул говорящего сам с собой Языка, *потоку различений которого нет дела до голоса субъекта*, до человека, до автора, отчаянно пытающегося — нет, не совладать с этим гулом, подобное невозможно — создать и удержать дольше мгновения в этом ревущем аду свой неповторимый голосовой узор. Данный узор и есть *произведение*. Чтобы расслышать *произведение*, мы должны приглушить — только приглушить до уровня фона! —

гул *Текста* (Поэтическая аналогия из мира природы (движение волн, прибор): «И громоздкая письменность с ревом идет на слом, // Никому не давая себя прочесть» [7, с. 218]). Непреходящий драматизм этой ситуации зависит не только от читателя, не только от масштаба дарования художника, его замысла и оригинального совершенства его стиля, но и от самой исторической (а внутри нее социальной, психологической, ментальной и т. п.) обусловленности данного процесса. В разные эпохи, в разных историко-культурных контекстах характер и степень «выделенности» произведения из *Текста* различны. *Зримо* отличает произведение от *Текста*, разграничивает произведение и *Текст* — персональный (авторский) стиль. Приближение произведения к *Тексту* (постмодернизм и отчасти модернизм), *видимый* вектор к *Тексту* есть следствие прежде всего авторского замысла и, следовательно, частный случай, намеренное стирание границ — видимое и обыгрываемое именно в силу их наличия (это не минус-прием, так как речь идет о более сложных и глубоких принципах построения произведения / *Текста*, а именно «создании эффекта преднамеренного повествовательного хаоса, фрагментированного дискурса о восприятии мира как разорванного, отчужденного, лишённого смысла, закономерности и упорядоченности» [15, с. 7]). Не забудем и о том, что термин «произведение» также может означать несовпадающее: «произведение автора», «речевое произведение», «произведение читателя» есть частично пересекающиеся множества, которые нельзя охватить одним взглядом. По сути, только «произведение читателя» существует феноменально (как чтение и его результат); два других являют собой интеллектуальные (ре)конструкции, продукты опосредования.

Таковы некоторые промежуточные итоги рассмотрения смысловой сферы терминов *текст* и *произведение*.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2002. 384 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
3. Бахтин М. М. Проблема текста // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5 : Работы 1940-х — начала 1960-х годов / ред. тома С. Г. Бочаров, Л. А. Гогтишвили. М. : Русские словари, 1997. С. 306—326.
4. Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6 : «Проблемы поэтики Достоевского». Работы 1960—1970 гг. / ред. : С. Г. Бочаров, Л. А. Гогтишвили. М. : Русские Словари; Языки Славянской Культуры, 2002. С. 371—439.
5. Богданов К. А. Антропология контекста: к истории «общепонятных понятий» в филологии // НЛЮ. 2010. № 102. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/antropologiya-konteksta-k-istorii-obshheponyatnyh-ponyatij-v-filologii.html> (дата обращения: 14.01.2020).
6. Бродский И. Сочинения : в 7 т. Т. 3 / общ. ред. Я. А. Гордина; сост. Г. Ф. Комаров. СПб. : Пушкинский фонд, 2001. 312 с.
7. Валгина Н. С. Теория текста : учебное пособие. М. : Логос, 2003. 173 с.
8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд., стереотипное. М. : Книга, 2006. 144 с.
9. Гончарова Е. А. О синергетическом характере категории «автор» как объекта лингвистической интерпретации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 2. С. 30—38.

10. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М. : Наука; Академия наук СССР, Институт социологических исследований, 1984. 268 с.
11. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3. С. 145—152.
12. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
13. Жолковский А. К. Заметки о тексте, подтексте и цитации у Пастернака // Жолковский А. К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М. : Новое литературное обозрение, 2011. С. 409—424.
14. Жолковский А. К. К лингвистическому осмыслению последних слов Чехова // Жолковский А. К. Поэтика за чайным столом и другие разборы : сборник статей. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 669—675.
15. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. М. : ИНИОН РАН — INTRADA, 2001. 386 с.
16. Копытов О. Н. Модус на пространстве текста : монография. Хабаровск : Изд-во ХГИИК, 2012. 299 с.
17. Кристева Ю. Поэзия и негативность // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики : пер. с фр. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 262—292.
18. Кристева Ю. Порождение формулы // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики : пер. с фр. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 293—386.
19. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 567. Текст в тексте (Труды по знаковым системам XIV). Тарту, 1981. С. 3—17.
20. Москальская О. И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.) : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1981. 183 с.
21. Петрова Н. В. Текст и дискурс // *Вопросы языкознания*. 2003. № 6. С. 123—131.
22. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет : пер. с фр. М. : Касталь, 1996. С. 47—96.
23. Чан Ким Бао. Текст и дискурс (через призму иньян-концепции). М. : Творчество, 2000. 180 с.
24. Щирова И. А. Идеи текста и интерпретации в общенаучном контексте (об интеграционных процессах в современной гуманитаристике) // *Studia Linguistica* (Санкт-Петербург). 2018. № 27. С. 76—85.
25. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация : учебное пособие. СПб. : Книжный Дом, 2007. 472 с.

УДК 821.161.1"19"
ББК 83.3(2=411.2)6-3

Т. Г. Прохорова

ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА МАРБУРГА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ Б. ПАСТЕРНАКА «ОХРАННАЯ ГРАМОТА»

В статье исследуются принципы создания образа Марбурга в автобиографической повести Б. Пастернака «Охранная грамота» (1931), выявляются особенности интерпретации художником реальных жизненных впечатлений. Автор статьи, опираясь в теоретическом плане на работу болгарского философа и эстетика К. Горанова «Художественный образ и его историческая жизнь» (М., 1970), рассматривает образ не как готовую структуру, а как динамичную систему. В статье доказывается, что в «Охранной грамоте» Марбург предстает как «образ-восприятие», «образ-процесс», «образ-произведение», что и определяет его постоянную трансформацию. Реальный Марбург открывается автобиографическому (лирическому) герою то как город мечты, то как воплотившаяся наяву сказка или мистерия, то как пространство истории и культуры, то он становится со-участником драмы любви или страстного увлечения наукой. Эти трансформации образа города определяются философско-эстетической концепцией Пастернака, во многом сформировавшейся под влиянием марбургской философской школы.

Ключевые слова: Б. Пастернак, «Охранная грамота», трансформации, Марбург, динамичная система, образ-восприятие, образ-процесс, образ-произведение.

T. G. Prokhorova

TRANSFORMATION OF MARBURG'S IMAGE IN B. PASTERNAK'S AUTOBIOGRAPHICAL STORY "SAFETY PROTECTION CERTIFICATE"

The article explores the principles of creating the image of Marburg in the autobiographical prose of B. Pasternak "Safety Protection Certificate" (1931), reveals the features of the artist's interpretation of real life impressions. The author of the article, relying theoretically on the work of the Bulgarian philosopher and aestheticist K. Goranov "Artistic image and its historical life" (Moscow, 1970), considers the image not as a ready-made structure, but as a dynamic system. The article proves that in "Safety Protection Certificate" Marburg appears as "image-perception", "image-process", "image-work", which determines its constant transformation. The real Marburg opens to the autobiographical (lyrical) hero either as a city of dreams, or as a fairy tale or mystery embodied in reality, or as a space of history and culture, or he becomes a co-participant in the drama of love or passion for science. These transformations of the city's image of are determined by the philosophical and aesthetic framework characteristic of Pasternak, which was largely formed under the influence of the Marburg school of philosophy.

Key words: B. Pasternak, "Safety Protection Certificate", transformations, Marburg, dynamic system, image-perception, image-process, image-work.

Встреча с Германией, постижение ее истории и культуры сыграли в жизни и творчестве Б. Пастернака огромную роль. Тема эта весьма обширна. В данном исследовании пойдет речь лишь об одном событии: 25 апреля 1912 года будущий поэт приехал в Марбург для изучения философии в университете и пробыл здесь три месяца, ставших важным этапом в его жизни. Неслучайно этот факт биографии нашел отражение в целом ряде произведений Пастернака, написанных в разное время: стихотворении «Марбург» (1916), автобиографической прозе «Охранная грамота» (1931) и «Люди и положения» (1956), а также в письмах 1910-х годов. Наиболее объемным и многогранным образ города предстает в «Охранной грамоте», которая и станет основным материалом нашего изучения.

Посвященная памяти Райнера Марии Рильке, которому, по словам Бориса Пастернака, он обязан «основными чертами <...> характера, всем складом духовного существования» [12, с. 62], автобиографическая повесть «Охранная грамота» стала произведением, в котором он выразил свои представления об искусстве, о природе творчества. Ее внутренним сюжетом стал процесс рождения поэта. Этому во многом способствовала его встреча с Марбургом. Философские взгляды поэта оформлялись именно под влиянием марбургской неокантианской школы, которая занималась логико-методологической проблематикой естественных наук. В Марбурге произошло его долгожданное свидание с философом Германом Когеном, лекции которого он мечтал услышать, с Паулем Наторпом, чьи работы Пастернак изучал в Московском университете. В письме к родителям от 31 мая 1912 года Пастернак писал: «...сейчас только <...> разобрался в том, что первостепенно и что нет» (цит. по: [11, с. 137]). Здесь же разыгралась первая любовная драма будущего поэта, которая тоже отразилась на трактовке образа Марбурга в повести.

«Охранная грамота» не раз становилась предметом изучения литературоведов. К этому произведению обращались: Г. Белая [1], В. Каверин [5], Е. Г. Йонкис [4], И. Леенсон [6], Д. Лихачев [7], Е. Пастернак [11], Р. Якобсон [16], Е. Фарыно [13], Н. Фатеева [14], Т. В. Федосеева и Е. С. Блицко [15] и др., но ни в одной из этих работ образ Марбурга не являлся основным объектом анализа.

Единственным исследованием, специально посвященным изучению концепта «город» в творчестве Б. Пастернака, является кандидатская диссертация Т. А. Мегирьянц [8], выводы которой будем учитывать в дальнейшем. Мы разделяем точку зрения автора этой работы, что в художественном мире поэта данный концепт является системообразующим, что в поэзии и прозе Пастернака «связь человек / город / мир является двусторонней и взаимомоделирующей компоненты данной цепочки. Город нуждается в человеке, обретая через его воспринимающее сознание слово» [8, с. 3]. Т. А. Мегирьянц выделяет два типа городов в творчестве Пастернака: «город-жизнь и город-музей/театр. Город-жизнь представлен в первую очередь Москвой — творимым и творящим пространством русской культуры. Для писателя Москва — центр культурного и биографического поля, ядро, организующее космос его произведений. Города-музеи — это западноевропейские (Марбург, Венеция и пр.) и русские города (Петербург, Тифлис). Города этого типа представлены как культурные знаки, существующие независимо от художественного мира Пастернака. Становясь фрагментом его пути, они лишь на время обретают витальное начало» [8, с. 17]. По отношению к Марбургу данное суждение

представляется нам спорным. Этот немецкий город стал для Пастернака не просто «фрагментом пути», но временем и местом, где и когда определилась его жизненная и творческая дорога, где формировалась его философско-эстетическая концепция. Не случайно на протяжении более сорока лет память художника о Марбурге не только не потускнела, но, наоборот, образ города вырисовывался все ярче по мере того, как Пастернак осознавал значение этих впечатлений. В «Охранной грамоте» Марбург становится не просто местом действия, но живым лицом, откликающимся буквально на все, что происходит с автобиографическим героем, проекцией его души.

Цель нашего анализа — выявить принципы создания этого образа (не концепта!) в автобиографической повести «Охранная грамота», проследить их связь с философско-эстетическими взглядами Пастернака.

Теоретической основой работы является труд болгарского философа и эстетика Крысти Горанова «Художественный образ и его историческая жизнь» (М., 1970), в котором утверждается, что образ можно рассматривать не только как готовую структуру, но и как «образ-процесс, образ-произведение и образ-восприятие. При этом речь идет не о трех разных образах, а о трех состояниях одного и того же образа-системы» [2, с. 187]. Использование данной терминологии обусловлено тем, что предложенная К. Горановым типология образа и, главное, само понимание образа как динамичной системы, на наш взгляд, как нельзя лучше отражает характер художественного мышления Пастернака. Вспомним его слова о том, что «искусство интересуется не человеком, а образом человека», причем этот образ «больше человека. Он может зародиться только на ходу, и притом не на всяком. Он может зародиться только на переходе от мухи к слону» [9, с. 222]. Если перефразировать это суждение по отношению к нашей теме, можно сказать, что в «Охранной грамоте» Пастернака интересует не реальный Марбург: образ города у него оказывается неизмеримо больше и зарождается «на ходу». В данном случае реализуется закон искусства, который автор этой повести определил так: «Его (искусства. — Т. П.) истины не изобразительны, а способны к вечному развитию» [9, с. 223].

По справедливому наблюдению Р. Якобсона, «в пастернаковском лиризме образы внешнего окружения оказываются отброшенными бликами, метонимическими выражениями лирического “я”» [16]. Это происходит не только в его поэзии, но и в прозе.

Вначале Марбург для автобиографического героя «Охранной грамоты» — город мечты: «Два года, предшествовавших поездке, слово Марбург не сходило у меня с языка» [9, с. 213], — пишет Пастернак. И первая встреча с ним не разрушает мечту, а рождает непротиворечивое единство мечты и реальности. Выйдя с вокзала, автобиографический герой «стоял, заламывая голову и задыхаясь». Над ним «высился головокружительный откос, на котором тремя ярусами стояли каменные макеты университета, ратуши и 800-летнего замка» [9, с. 213]. С десятого шага он перестал понимать, где находится, ибо связь с остальным миром забыл в вагоне» [9, с. 213]. Этот романтический «образ-восприятие» определяет и развитие «образа-процесса».

Пастернак считал, что искусство создается не творцом, а действительностью. «Оно реалистично тем, что не само выдумало метафору, а нашло ее в природе и свято воспроизвело» [9, с. 231]. Мир сам говорит с поэтом. В образе преображенной реальности искусство является творцу. В «Охранной грамоте» Марбург явился автобиографическому герою как «произведение»,

которое он будет читать, открывая для себя все новые и новые его страницы. Практически с самого начала этот образ предстает как система динамичная. Пастернаковская картина мира принципиально открыта. Не случайно в его творчестве сквозным является образ дороги. В «Охранной грамоте» их даже несколько: Гиссенская, Barfusserstrasse, железная дорога и водная — река Лан. Они связывают автобиографического героя не просто с той или иной географической точкой в пространстве, но с миром истории, культуры, природы, в которых не существует границы между верхом и низом, большим и малым, космическим и земным: «...поезд проносился мимо, судорожно бросаясь вверх, вниз и во все стороны сразу. Снопы его барабанного света попадали в хозяйские кастрюли. <...> На речное масло Лана соскальзывала звезда-другая» [9, с. 217].

Для Пастернака также не существует границы между прошлым и настоящим, между доступной взгляду конкретикой и беспредельностью истории. Как справедливо заметил Р. Якобсон, «ассоциация по смежности — послушный инструмент в руках Пастернака-художника — перетасовывает пространство и смешивает временные ряды» [16]. Неудивительно, что автобиографический герой «Охранной грамоты», глядя с балкона своего дома в сторону Barfusserstrasse, представлял себе «много подходящего. Ганса Сакса. Тридцатилетнюю войну. Сонную, а не волнующую природу исторического бедствия, когда оно измеряется десятилетиями, а не часами» [9, с. 216]. История воспринимается Пастернаком как природное явление, и Марбург является органической частью этой живой картины. А поскольку для поэта не существует границ между историческим, природным и человеческим, ландшафт Марбурга «думал» о Тридцатилетней войне и «кончил тем, что сам ее себе напроорочил» [9, с. 241]. Мысль о давнем историческом событии порождает воспоминание о Первой мировой войне и ее трагических последствиях. Автобиографический герой видит сон. Ему «снилось пустынное поле, и что-то подсказывало ему, что это Марбург в осаде» [9, с. 234]. Он видел земляные укрепления, «на батарейных укреплениях чуть отлито рисовались люди с подозрными трубами. Их с физической осязательностью обнимала тишина, какой не бывает на свете. Она рыхлою земляною вьюгой пульсировала в воздухе и не стояла, а совершалась» [9, с. 234]. Затем это «грустное сновидение» реализуется. Когда в феврале 1923 года автобиографический герой вторично посещает Марбург, он видит холодную и голодную Германию, «всю поголовно на костылях» [9, с. 240].

Однако на тех страницах «Охранной грамоты», где речь идет о первом посещении города, «историческое бедствие» намечено лишь в форме предчувствия. Пока же Марбург предстает, прежде всего, как пространство культуры. И когда автобиографический герой вступает в него, он сразу вовлекается в сказочное или мистериальное действие. Ему кажется, что если бы братья Grimm, «как сто лет назад, приехали сюда изучать право у знаменитого юриста Савиньи, они сызнова уехали бы отсюда собирателями сказок» [9, с. 217], ведь здесь «даже электричество знало о преданье, сложенном об этом месте» [9, с. 217].

Город напоминает сценическую площадку, дома казались декорациями к спектаклю. Марбург «вспыхивал по-оперному», встречавшиеся на улице студенты «точно выступали в вагнеровских “Мейстерзингерах”» [9, с. 217], а по склону от Марбургского замка спускалось «живое историческое лицо — Елизавета Венгерская» [9, с. 217] — покровительница бедных и страждущих,

канонизированная в 1235 году папой Григорием IX. В этом мире, где даже «голос естественного права облечен <...> в форму чуда» [9, с. 218], не только Елизавета, но и Ломоносов, и братья Гримм и даже профессор Марбургского университета Коген воспринимаются как действующие лица бесконечно длящейся мистерии.

Примечательно, что в «Охранной грамоте», написанной спустя почти двадцать лет после посещения Пастернаком Марбурга в 1912 году, воссоздается то восприятие города-чуда, которое родилось у него при первой встрече с ним. Так, в письме к родителям от 11 мая 1912 года он пишет: «Если бы это был только город! А это какая-то средневековая сказка. Если бы тут были просто профессора! А то среди лекции приоткрывается грозное готическое окно, напряжение сотни садов заполняет почерневший зал, и оттуда с гор глядит вечная, великая Укоризна. Если бы тут были только профессора. А тут и Бог еще!» (цит. по: [11, с. 135]).

Однако образ города в «Охранной грамоте» все время трансформируется. Вот «безумно емкий мир очищен и помещенье готово к новому найму» [9, с. 221]: в Марбург приезжают сестры В-е, и мистериальное действие сменяет драма любви. Вначале три дня, проведенные вместе с девушками, были похожи на праздник. Но после того, как Пастернак, влюбленный в старшую из сестер Иду Высоцкую, решился, наконец, в день их отъезда объясниться с ней и получил отказ, все меняется. Теперь городские реалии, утрачивая свою самоценность, преломляются сквозь призму восприятия страдающего юноши. Эти чувства определили облик города еще в стихотворении Пастернака «Марбург» (1916):

...Каждая малость
Жила и, не ставя меня ни во что,
В прощальном значеньи своем поднималась.
Плитняк раскалялся, и улицы лоб
Был смугл, и на небо глядел исподлобья
Бульжник, и ветер, как лодочник, греб
По липам. И все это были подобья... [10, с. 114].

Причем в число «подобий» включаются не только «когтистые крыши. Деревья. Надгробья», но и братья Гримм, Мартин Лютер, словом, весь город вкуче с его обитателями из далекого прошлого и настоящего, становится соучастником, точнее, «со-чувственником» лирическим героем.

В «Охранной грамоте» мы встречаем то же единство страсти, которая разрушает границы между живым и неживым, природным и человеческим, прошлым и настоящим, вовлекая все и всех в единый круговорот, заставляя сопереживать автобиографическому герою: «Меня окружали изменившиеся вещи. В существо действительности закралось что-то неиспытанное. Утро знало меня в лицо и явилось только затем, чтобы быть при мне и *никогда* не оставить» [9, с. 226]. Город «исхудал и почернел», «гора выросла и втянулась» [9, с. 228].

Пространство любви подчинило себе и пространство географическое: оно расширяется. Вообразив, что не попрощался с Идой, герой вскочил на вагонную ступеньку поезда, и он унес его в Берлин. Находясь рядом с любимой, он на некоторое время почувствовал, что «Сказочный праздник, едва не прервавшийся, продолжался, удешевленный бешенством движения и блаженной головной болью от всего только что испытанного» [9, с. 224]. Однако

уже на берлинском вокзале «праздник» закончился, и герой вынужден был вернуться в Марбург. После всего пережитого он ощущал себя другим человеком, ведь, как комментирует автобиографический повествователь, «всякая любовь есть переход в новую веру» [9, с. 229]. В повести эти изменения вновь выражены через трансформацию пространства. Вначале оно резко сужается: еще в вагоне поезда образ покинутой марбургской комнаты вновь и вновь вставал перед автобиографическим героем. Эти воспоминания воскрешали память о другой страсти, совсем недавно владевшей им, переживавшим «изученье науки сильнее, чем это требовалось предметом» [9, с. 227]. В письме от 9 июля 1912 года Пастернак писал родителям, что «докопался в идеализме до основания» (цит. по: [11, с. 144]). В комнате автобиографического героя ожидала россыпь книг с открытыми страницами, которые вытянулись «поперек помещенья подобьем древовидного папоротника, налегая своими листовыми разворотами на стол, диван и подоконник» [9, с. 227], поэтому, когда он, сидя в вагоне поезда, представлял себе это, то «видел во плоти свою философию и ее вероятную судьбу» [там же].

Однако, возвращаясь в Марбург, герой уже знал, что к прежней «вере» возврата нет. Вот почему вновь возникает образ дороги. Глядя из окна вдаль, он мысленно произносит: «Конец, конец! Конец философии, то есть какой бы то ни было мысли о ней» [9, с. 229]. Это движение к новой цели было связано с новой страстью — полной поглощенностью поэзией. Переход в эту новую «веру» был подготовлен всеми предшествующими переживаниями, этот процесс духовного и творческого развития героя непрерывен. В пастернаковском понимании искусства воплотилась его идеалистическая философская концепция. В «Охранной грамоте» это определило характер образа Марбурга — соучастника всего происходящего, связь и взаимопроникновение в нем малого и большого, высокого и обыденного. Такое мировосприятие объясняет открытость пространства образа, даже если оно сведено к маленькой точке. Вот почему в финале марбургского сюжета, хотя город, «ценность» которого для героя заключалась в его философской школе, «растаял», но герой обретает здесь «чувство *настоящего*», творческую эстетику, которую построил «на двух понятиях, на понятия силы и символа» [9, с. 230]. Поясняя эту мысль, он пишет: «<...> в отличие от науки, <...> искусство интересуется жизнью *при прохожденьи* сквозь нее луча силового. Понятие силы я взял бы в том широчайшем смысле, в каком берет его теоретическая физика, с той только разницей, что речь шла бы не о принципе силы, а о ее голосе, о ее присутствии. Я пояснил бы, что в рамках самосознания сила называется чувством. <...> Наставленное на действительность, смещаемую чувством, искусство есть запись этого смещения» [9, с. 230, 231].

В данном случае использование понятий теоретической физики для выражения эстетических взглядов вполне закономерно для Пастернака как ученика Г. Когена и П. Наторпа. Напомним, что неокантианцы опирались в своих исследованиях на ряд выдающихся открытий в сфере естественных наук, появившихся на рубеже XIX—XX веков, в том числе на новые теории в области физики, изменившие взгляд на взаимодействие времени и пространства, субъекта и объекта. Произшедшее в Марбурге расставание Пастернака с философией не означало для него отказа от некоторых методологических идей неокантианцев, по-своему им переосмысленных, освобожденных от присущего им жесткого рационализма. Для поэта искусство никогда не являлось некой иллюстрацией философских взглядов, и все же в трансформированном поэтическим воображением виде они по-своему воплощались в его творчестве.

В «Охранной грамоте» Пастернак, говоря о том, что искусство «списывает с натуры», формулирует важнейший принцип своего восприятия мира: «Подробности выигрывают в яркости, проигрывая в самостоятельности значенья. Каждую можно заменить другою. Любая драгоценна. Любая на выбор годится в свидетельства состоянья, которым охвачена вся переместившаяся действительность» [9, с. 231].

Здесь поэт фактически определяет тот самый метонимический принцип восприятия мира, о котором много позже писал Р. Якобсон в своей статье «Заметки о прозе поэта Пастернака» [16]. Ученый подчеркивал, что его творчеству придает «лица необщее выражение» «система метонимий, а не метафор». <...> Его лиризм, в прозе или в поэзии, пронизан метонимическим принципом, в центре которого — ассоциация по смежности» [16]. Едва ли не все приведенные нами выше цитаты из «Марбурга» и из «Охранной грамоты» служат тому подтверждением. Но важно также иметь в виду, что этот метонимический принцип исходит из авторского понимания сущности искусства, сформулированного в «Охранной грамоте», из пастернаковской философии жизни, в чем-то созвучной с представлениями П. Наторпа, который считал, что «предмет должен согласовываться с мышлением, а не мышление с предметом» (см.: [3]).

Неудивительно, что в финале марбургского сюжета автобиографической повести границы комнаты, в которой «увлеченно писал» герой, раздвигаются в пространство вечности, космоса: «<...> И на дальнем конце столовой клеенки, как звезда на небе, блистал давно не мытый чайный стакан» [9, с. 232]. Закономерно, что эту картину дополняет образ дороги. Причем он вновь рождается по принципу метонимической смежности: герой не стирал пыль, покрывающую стол, «солидарности ради, симпатизируя щебню Гиссенской дороги» [9, с. 232].

Как видим, у Пастернака «звезда в небе», «давно не мытый чайный стакан», «щебень Гиссенской дороги» и пыль на столе — все это явления вполне соотносимые, поскольку, как сказано им в цикле «Волны», созданном примерно в то же время, что и «Охранная грамота», поэт чувствует «родство со всем» и «знается» с «будущим в быту». В соотношении образов дороги и звезды, связанных переживанием автобиографического героя повести, можно усмотреть аллюзивную отсылку к знаменитому стихотворению М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...». Однако эта аллюзия скорее полемическая, она лишь подчеркивает контрастность мировосприятия двух поэтов: лермонтовского — трагического и пастернаковского — гармонического.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что в «Охранной грамоте» образ Марбурга предстает как открытая динамичная система, как образ-восприятие, образ-процесс и образ-произведение, в котором воплотилось авторское понимание искусства, истории, природы, любви. Этот образ рождается на пересечении двух временных точек зрения, двух взглядов: из 1910-х годов и двадцать лет спустя. Город как чудо открылся молодому студенту-философу, влюбленному юноше, начинающему поэту, и одновременно в этом образе нашла выражение точка зрения зрелого художника, формулирующего свои философско-эстетические взгляды.

Список литературы

1. *Белая Г.* «...Образ мира, в слове явленный...» // *Вопр. лит.* 1984. № 4. С. 218—223.
2. *Горанов К.* Художественный образ и его историческая жизнь. М. : Искусство, 1970. 519 с.
3. *Иванов А.* Неокантианство. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/NEOKANTIANSTVO.html (дата обращения: 17.01. 2020).
4. *Йонкис Г.* Пастернак: под знаком Германии. URL: <https://omiliya.org/article/boris-pasternak-pod-znakom-germanii-greta-ionkis.html> (дата обращения: 04.01.2020).
5. *Каверин В.* Проза Пастернака // *Новый мир.* 1983. № 6. С. 260—264.
6. *Леенсон Е. И.* Поэтика автобиографической прозы Б. Л. Пастернака и традиции Р. М. Рильке : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Тверь, 2007. 185 с.
7. *Лихачев Д.* Звездный дождь: Проза Б. Пастернака разных лет // *Пастернак Б. Воздушные пути.* М. : Сов. писатель, 1982. С. 3—18.
8. *Мегирьянц Т. А.* Концепт «город» в творчестве Б. Пастернака : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Воронеж, 2002. 18 с.
9. *Пастернак Б.* Воздушные пути. М. : Сов. писатель, 1982. 495 с.
10. *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы : в 2 т. Л. : Сов. писатель. Ленинградское отделение, 1990. Т. 1. 504 с.
11. *Пастернак Е.* Биография. М. : Цитадель, 1997. 728 с.
12. Райнер Мария Рильке, Борис Пастернак, Марина Цветаева. Письма 1926 года. М. : Книга, 1990. 256 с.
13. *Фарыно Е.* Поэтика Пастернака («Путевые записки» — «Охранная грамота») // *Wiener Slawistischer Almanach.* Wien, 1989 а. Sbd. 22.
14. *Фатеева Н. А.* Поэт и проза: книга о Пастернаке. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=200776&r=1> (дата обращения: 02.01.2020).
15. *Федосеева Т. В., Бличко Е. С.* Выражение авторского сознания в ранней прозе Б. Л. Пастернака («Охранная грамота»). URL: <http://os.x-pdf.ru/20filosofiya/761667-1-virazhenie-avtorskogo-soznaniya-ranney-proze-pasternaka-ohrannaya.php> (дата обращения: 12.01.2020).
16. *Якобсон Р.* Заметки о прозе поэта Пастернака. URL: <https://koppel.pro/guest/zametki-o-proze-poeta-pasternaka-8851>(дата обращения: 12.01.2020).

УДК 821.112.2(436)
ББК 83.3(4Авс)6-022.30/59

Ю. Л. Цветков

ИНТЕГРАЦИЯ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ВЕНСКОГО МОДЕРНИЗМА

Культура венского модернизма (1890—1910) в силу специфического исторического развития и австрийской ментальности объединила интегративные и дезинтегративные тенденции в игровом поле взаимодействия. Деятели литературы и искусства Вены создали подчеркнуто условный и игровой потенциал культуры, при котором возможны трансформации как человека, так и мира. Самоидентификация культуры венского модернизма сохранилась благодаря развитию внутренней состязательности, которая придавала особое свойство мобильности и жизнеспособности, названное «австрийским синдромом». Интегративное поле венского модернизма включает в себя оригинальные по своей сути философию (Э. Мах), психологию (З. Фрейд), литературу («Молодая Вена»), архитектуру (О. Вагнер), живопись (Г. Климт), музыку (А. Брукнер, Г. Малер) и театр, что стало специфической социокультурной моделью среди стран Европы конца XIX — начала XX века. Эта модель составляет фундамент дальнейшего развития австрийского модернизма и постмодернизма XX века. Синтезное мышление наиболее ярких представителей литературы венского модернизма Гуго фон Гофманстала и Артура Шницлера проявилось в символистской поэзии, лирической драматургии, либретто к операм, психологической и игровой драматургии и прозе. Самоидентификация венского модернизма, возникшая в период размежевания с немецкой политикой, привела к появлению науки австристики, изучающей самобытность и самостоятельный путь развития культуры Австрии в историческом, типологическом и ментальном аспектах, что в условиях современных интеграционных процессов в Европе представляется балансом национальной и европейской идентичности Австрии.

Ключевые слова: австристика, венский модернизм, интегративность, синтез искусств, театральность, дезинтеграция, игра, игровой дискурс, самоидентификация.

Yu. L. Tsvetkov

INTEGRATION AND SELF-IDENTIFICATION OF VIENNESE MODERNISM

Due to peculiarities of historical development and specific Austrian mentality the culture of Viennese modernism (1890—1910) has combined both integrative and disintegrative tendencies in the play field of interaction. Viennese literati and artists have created a deliberately conditional and play-like cultural potential enabling transformations of both man and the world. Self-identification of Viennese modernism has been preserved thanks to the development of internal competitiveness that imparted to it the special quality of mobility and vitality, which has been termed “Austrian syndrome”. The integrative field of Viennese modernism includes essentially original philosophy (E. Mach), psychology (Z. Freud), literature (“Young Vienna”), architecture (O. Wagner), painting (G. Klimt), music (A. Bruckner, G. Mahler) and theater, which became a specific socio-cultural model among

the European countries of the late 19th — early 20th century. This model is the Foundation for the further development of Austrian modernism and postmodernism of the twentieth century. The synthesis thinking of the most prominent representatives of the literature of Viennese modernism, Hugo von Hofmannsthal and Arthur Schnitzler, was manifested in symbolist poetry, lyric drama, libretto for operas, psychological and game drama and prose. The self-identification of Viennese modernism, which arose during the period of separation from German politics, led to the emergence of the science of austristics, which studies the identity and independent way of development of Austrian culture in historical, typological and mental aspects, which in the conditions of modern integration processes in Europe is a balance of national and European identity of Austria.

Key words: Austria studies, Viennese modernism, integrativity, synthesis of arts, theatricality, disintegration, play, discourse of play, self-identification.

Культура венского модернизма или венского модерна (Die Wiener Moderne, 1890—1910) является одновременно феноменом породившей его реальности — Австро-Венгерской монархии — и частью всеобщего европейского континуума. Как представляется, ключевая значимость и прогностическая роль венского модернизма (модерна) для мирового гуманитарного опыта определяются его значительным постмодернистским потенциалом, а эстетическое своеобразие венского модерна проявляется в соотношении его как с предшествующими эпохами национального и общеевропейского развития, так и с современным этапом духовного состояния общества.

Взгляд на венский модернизм как культурную парадигму с позиций XXI века позволяет смоделировать парологическую систему, то есть взаимообусловленный ряд приемов, во многом скрытых для понимания на рубеже XIX—XX веков, но наиболее актуальных в постмодернизме и прагматике знания нашего времени: синтез культурных традиций, плюрализм эстетических концепций, экзистенциальное сознание, игровое начало и интермедialная дискурсивность. На этом основании можно говорить о творчестве писателей, композиторов и художников венского модерна как прямых предшественниках австрийского модернизма и постмодернизма.

Если говорить о временных рамках венского модернизма, то они приходятся на 90-е годы XIX века и первое десятилетие XX века. В это время в философии и эстетике ослабились силы позитивизма и усилилось влияние интуитивизма. В европейской литературе порубежного периода были широко представлены такие литературные направления как реализм, натурализм, эстетизм, символизм, импрессионизм, неоромантизм и экспрессионизм. Начало XX века было трагическим этапом в истории Австро-Венгрии: поражение империи Габсбургов в Первой мировой войне, а затем и её распад (1918). Предчувствие «мировой катастрофы» подхватил в дальнейшем австрийский экспрессионизм в живописи, музыке и литературе.

Следует подчеркнуть, что венский модернизм — это *широкое культурное явление*, оказавшее заметное воздействие на развитие мировой философии, психологии, эстетической мысли и всех видов искусства. Пристальное изучение явлений синтеза, симптомов распада, их игрового развития и интермедialного взаимопроникновения, позволяет выявить общие механизмы возникновения и развития австрийской культуры, что представляет собой попытку культурологического объяснения «австрийского синдрома».

В своей основе культурологическая модель венского модернизма имеет, во-первых, *оригинальную философию*, отрицавшую традиционный

логоцентризм и утверждавшую реальность субъективного сознания: теория интенциональности Франца Brentano, сенсуализм и феноменализм философии эмпириокритицизма Эрнста Маха. Субъективный философский взгляд на мир открыл пути для постижения в том числе и бессознательных *глубин личности человека*: теория психоанализа Зигмунда Фрейда, индивидуальная психология Альфреда Адлера, гендерная теория Отто Вейнингера и концепция преодоления натурализма Германа Бара. Науки философия и психология, как «позитивное знание», сыграли важную роль в детальном исследовании личности человека в литературе кружка «Молодая Вена»: лирика и «лирическая драматургия» Гуго фон Гофмансталя, психологическая проза Артура Шницлера, символистская проза Рихарда Бер-Гофмана и Леопольд фон Андриана. В изобразительном искусстве можно назвать журнал “*Ver Sacrum*” («Весна священная») и объединение художников «Венский сецессион» во главе с Густавом Климтом. В архитектуре и музыке также сложилось вполне узнаваемое направление венского модернизма.

Во-вторых, венский модернизм наполнен поисками индивидуального эстетического моделирования мира в оригинальных *трактатах и эссе* писателя и критика Германа Бара, архитекторов Отто Вагнера, Йозефа Хоффмана, Адольфа Лооса и Йозефа Марии Ольбриха; художников Альфреда Роллера, Коломана Мозера и Карла Молля; композиторов Антона Брукнера, Густава Малера, Гуго Вольфа, Арнольда Шёнберга, Альбана Берга и Антона Веберна; режиссера Макса Бургхарда, актёров Йозефа Кайнца, Александра Моисси и Фридриха Миттерверцера. Многообразие духовных устремлений венской интеллигенции вполне укладывается в понятие модернизма как явления новаторского и современного

В-третьих, у венцев, в отличие от многочисленных объединений европейской интеллигенции, не было единой программы и политической ангажированности. Плюрализм суждений, синтетичность, экзистенциальность мышления и вибрация актуальных жизненных смыслов создавали совершенно особое интеллектуальное поле, какое стало возможно в Европе лишь в последние два десятилетия перед Первой мировой войной.

Наконец, в венском модернизме продолжали складываться важнейшие черты австрийской культуры как своеобразной социокультурной модели Европы XX века, представленной именами, прежде всего, австрийских писателей, творчество которых выходит за границы рубежа веков и получило название австрийского модернизма: Георг Тракль, Райнер Мария Рильке, Стефан Цвейг, Роберт Музиль, Франц Кафка, Герман Брох, Йозеф Рот, Хаймито фон Додерер, Эден фон Хорват, Элиас Канетти. Послевоенное поколение писателей и поэтов, причастных так же и к постмодернистской литературе, продолжают традиции, заложенные предшественниками: Ингеборг Бахман, Пауль Целан, Теодор Крамер, Эрих Фрид, Фриц Хохвельдер, Томас Бернхард, Петер Хандке, Кристоф Рансмайр, Эльфрида Елинек и др.

Похожую культурологическую ситуацию можно было наблюдать в других странах: Германии, Франции и России. Однако специфический «австрийский синдром» концентрирует не только крайние признаки поляризации *синтезного и дезинтегративного* начал. Венский модернизм раньше других европейских стран в силу специфического историко-культурного развития и особой австрийской ментальности объединил обе тенденции в *игровом поле взаимодействия*, создавая сложную и порой трудно постигаемую картину бытования австрийской культуры, о чем не раз заявляли наиболее

проницательные писатели венского модерна как на уровне саморефлексии, так и художественных обобщений.

Поэтому совмещение разнонаправленных векторов венской культуры рубежа XIX—XX веков — синтеза и развоплощения, а также их игрового развития и игровых взаимоотношений в одно *интегративное пространство культуры* представляется актуальным по ряду причин. Они объясняют обострённое восприятие кризисного состояния венской культуры в целом и естественный переход к новым ценностям без обязательного, что можно было наблюдать в других европейских странах, ниспровержения старых основ, обуславливая специфическую *повышенную условность* австрийской культуры и тем самым её особое место в европейской истории.

Что касается интегративности *видов искусства* разных эпох и народов, то литература венского модерна, создававшаяся в многонациональном государстве в период небывалого расцвета всех искусств, осознанно или бессознательно развивала их интертекстуальный и интермедиаальный синтез: словесно-музыкальный, словесно-живописный, словесно-музыкально-живописный, а также продолжала совершенствовать высочайший уровень *театральности*, достигнутый австрийским народным театром, барочной драматургией, венской народной комедией и театром XIX века. Венские представители модернизма в эстетическом освоении действительности шли индуктивным методом: от восприятия книг, спектаклей, выставок и концертов к пониманию сущности эстетического. При этом следует отметить важную черту — двойственную рецепцию произведений искусства в целом: *традиционного* как понятного и *модернистского* как неясного. С одной стороны, моралите «Имярек» и кальдероновский «Зальцбургский театр жизни» Гофмансталя, живописные полотна Ханса Макарта, вальсы Йоганна Штрауса, с другой стороны, новелла «Письмо» Гофмансталя, новелла Шницлера «Лейтенант Густль», декоративные панно для Большого зала Венского университета Климта, двенадцатитоновая музыка Шёнберга.

Синтезное мышление венского модерна ярче всего выражается в лирике и «лирической драматургии» крупнейшего поэта порубежного времени Гуго фон Гофмансталя (1874—1929). Его ранняя лирика обнаруживает удивительное стилизаторское мастерство при создании такого редкого свойства для немецкой поэзии как музыкальность. Вслед за французскими симвористами П. Верленом, А. Рембо и С. Малларме австрийский поэт руководствуется новыми принципами создания современной поэзии с обязательной недоговорённостью и музыкальностью звучания. Ранние драмы Гофмансталя первоначально не предназначались для постановки («Вчера», 1891; «Смерть Тициана», 1892; «Глупец и Смерть», 1893), но его ролевая поэзия имела подчёркнуто сценический и интермедиаальный характер. Живописно-драматургический синтез наиболее значим в сюжетно-композиционной структуре, принципах построения образов и символике драмы «Смерть Тициана». В живописной картине сценического пространства в стиле Тициана его ученики образуют передний план сцены-картины. Искусство и жизнь слились для них в одно неразделимое целое, но как оказалось очень хрупкое. Музыкально-драматический синтез в творчестве Гофмансталя осуществился в совместной работе с немецким композитором Рихардом Штраусом (1864—1949) при создании опер «Электра», «Кавалер розы», «Ариадна на Наксосе», «Женщина без тени» и др.

Дезинтегративное мышление деятелей культуры венского модерна в литературе, живописи и музыке было осмыслено в дальнейшем как симптом модернистского распада и отчуждения, ставшего типичным для человека второго десятилетия XX века, и что впервые широко проявилось в культуре *экспрессионизма*. Отсюда и обозначение венского модерна как эпохи предмодернизма, первой (начальной) стадии развития австрийского модернизма. Как составная часть интегративного поля венского модернизма большой интерес представляет спектр *экзистенциалов бытия* венской литературы на рубеже веков: одиночество и отчуждение, страх перед жизнью и восприятие мира как абсурдного, рефлексия и раздвоение личности, бегство в трансцендентное и смерть как самоуничтожение.

Экзистенциальное измерение литературы венского модерна наиболее представительно в новеллистике Артура Шницлера (1862—1931) и прозе Гофманстала. Пристальный взгляд Шницлера на психический облик главной героини новеллы «Фрау Берта Гарлан» позволяет говорить о её одиночестве и отчуждении. Героиня не находит не только счастья, но и места в жизни, поскольку не имеет традиционных общественных связей в силу сложных жизненных обстоятельств. Глубокий самоанализ героини обнаруживает резкий разлад между внешним и внутренним миром личности. Шницлер-врач и психолог наблюдает как сознательное, так и бессознательное поведение героини, а сновидения оказываются при этом самым глубоким и достоверным «зеркалом души». В новелле Шницлера «Мёртвые молчат» страх и отчаяние главной героини Эммы при внезапной смерти возлюбленного свидетельствуют о хаотичности её сознания, что выхолит за рамки монолога «про себя», формирует поток сознания и бессознательные процессы, в которых предложения теряют свою структуру, превращаясь в бессвязные и не контролируемые обрывки фраз. В новелле Гофманстала «Письмо» речь идёт о неспособности автора письма — лорда Чэндоса — формулировать мысли при помощи слов, демонстрируя потерю связи жизни и творчества, приобретая вид экзистенциального недуга.

Другое направление развития венского модернизма можно отнести к области *игрового начала и игрового дискурса*, позволяющих не только создать и примирить оппозиционные формы мышления, но и объединить их по установленным правилам игры. Австрийская культура в отличие от немецкой имела в своём арсенале игровые и театральные основы, заложенные «генетически»: «Он (театр. — Ю. Ц.) становится больше, чем искусством, даже больше, чем культом: отражая и формируя жизнь, сознание человека эпохи, он переводит события и различные категории бытия на язык театральных образов, сюжетов и терминов» [25, с. 915]. Ярко выраженное игровое начало как важный национальный компонент успешно развивается в австрийской культуре и в настоящее время. Начиная с австрийского народного театра при участии народного шута Гансвурста, а также лацци, пришедших на австрийскую сцену из итальянской комедии дель арте, создавалось импровизационное действие. Оно нарушало сценическую иллюзию, актёры общались со зрителями, а Гансвурст, импровизируя, потешался над публикой. Для дискурса венской народной комедии характерна игра слов, парадоксы, каламбуры и столкновение различных стиливых уровней.

В театрах Вены на рубеже XIX—XX веков господствовала игра, проявляясь в переигрывании известных сюжетов, в игровом манипулировании словами и создании «театра в театре». Наиболее последовательно традиции

австрийского театра поддерживались Гофмансталем и Шницлером. В одноактной драме Гофмансталя «Вчера» «философию импрессионизма» проповедует молодой авантюрист Андреа, для которого мир представляет собой цепочку мгновений-настроений, окрашенных каждый раз необычно и ярко. Следствием его мимолётной «философии» становится крайний эгоцентризм по отношению к своим друзьям и возлюбленной. Они существуют для Андреа как выражение его собственного настроения. Иной тип «мимолётного человека» представлен в цикле одноактных драм «Анатоль» Шницлера. Драматические сцены с участием Анатоля и его возлюбленных строятся по горизонтали, в форме «хоровода», подчёркивая бесконечную изменчивость любовного чувства. В веренице любовных эпизодов Анатоль предстаёт перед зрителем меланхоличным, страстным, ревнующим, равнодушным и т. д. Его увлечения мимолётны, а жизнь представляется неисчерпаемым источником любовных ощущений. В цикле одноактных драм «Хоровод» игровое начало также определяет основной композиционный принцип — последовательность появления одного персонажа за другим, а персонажи пьесы серьёзно воспринимают игровые правила.

Игру на уровне дискурса можно проследить в комедии Гофмансталя «Возвращение Кристины». Смысл речевых недоразумений персонажей заключается не только в создании комического эффекта. Они подчёркивают несоответствие произносимого и обозначаемого, что ведёт к недоверию в речевом общении. Многословный Флориндо играет фразами со множеством побочных и обманчивых смыслов, что затрудняет его общение с Кристиной. Наоборот, изъясняясь неуклюже и грубовато Капитан нередко испытывает затруднения при выражении своих мыслей. Несмотря на неумение говорить красиво, Капитан находит взаимопонимание с Кристиной. Она больше доверяет слезам и жестам Капитана, поскольку движения, мимика и молчание говорят больше, чем слова. По Гофмансталю, слова передают информацию неточно, они в большей степени служат сокрытию смысла и созданию иллюзий и масок. Словесная игра также становится темой комедии Гофмансталя «Трудный характер», которую можно отнести к жанру интеллектуальной комедии игры. В ней высшее общество выступает законодателем словесного этикета. Оно стремится не допустить её прекращения человеком, играющим и говорящим не по правилам. Представители высшего света: граф Альтенвиль, Кресченца, Стани и Антуанетта стремятся сделать из чужака Ганса Карла посмешищем. Однако поворот комедийной интриги зависит от игры космической, высшей необходимости в случайности, которой и определяется счастливая развязка комедии.

Как известно, культура венского модернизма, развиваясь в силу сложившихся исторических обстоятельств динамично и свободно, активно и избирательно синтезировала ведущие художественные достижения национальной культуры и других, прежде всего, европейских стран, а также обнаружила экспрессионистические черты, отразившие катастрофичность бытия порубежного времени и ощущение распада многовековой Габсбургской империи, например, в либретто Гофмансталя «Электра» и музыке одноимённой оперы Рихарда Штрауса (1864—1949). Психологические характеристики трёх женских персонажей в «Электре»: Клитемнестры, Электры и Христофемиды автор строит на повышенной эмоциональности, почти истерии, одной из разновидностей невроза, известного автором из исследований З. Фрейда и Й. Брейера. Написанная белым пятистопным ямбом трагедия

Гофманстала обнаруживает удивительную словесную виртуозность и музыкальность. Созданная на основе трагедии опера Р. Штрауса «Электра» наполнена картинами катастрофичности мира в мотивах насилия, смерти, эротики и бунта, которые соответствуют крайне напряжённому музыкальному языку, вплотную приблизившегося к атональному письму Арнольда Шёнберга (1874—1951).

Крупные портретные образы на ранних полотнах Оскара Кокошки (1886—1980) изображают человека на грани безумия, часто вместо портретов людей предстают ожившие куклы и манекены. Неоформленные контуры сновидений-галлюцинаций картин Кокошки выдают близость к психоанализу З. Фрейда, живописи Ван Гога, Г. Климта и раннего П. Пикассо. Живописная манера австрийского художника Эгона Шиле (1890—1918) отличается графической чёткостью и особенной изломанностью контурной линии в его автопортретах и изображениях обнажённой натуры. Протест против всеобщей усреднённости и посредственности перед экзистенциальной угрозой человеку сближает его с исканиям Э. Мунка и В. Лембрука.

Следует подчеркнуть, что в преддверии эпохи разрушения общечеловеческих ценностей интеллектуальная элита венского общества проявила свою приверженность гуманистическим традициям европейской культуры, свидетельствуя в то же время и о явлениях переломного характера. Активно усваивая национально-традиционные и интернационально-модернистские достижения, литература венского модерна соизмеряла их со своим специфическим мироощущением конца века и гибели империи, создавая *интегративное пространство культуры венского модернизма*. Оно представляет собой такую исследовательскую модель, которая способна не только объединить, казалось бы, взаимоисключающие друг друга факты созидания и распада в художественном мышлении разных видов культуры, но и объяснить функциональную сложность их бытования в форме оппозиции, игрового развития и игрового взаимодействия.

Внимание исследователей к культуре венского модерна обусловлено событиями нашего времени, ситуацией самосознания культуры и искусства XXI века в различных национальных ареалах, распознаванием её моделей и возможностью проведения интересных исторических и культурных параллелей. Это обусловлено как повышенным вниманием к феномену венского модернизма, предвещавшего переломную эпоху истории Австро-Венгрии и развитие австрийского модернизма, так и значением его для постмодернистской культуры.

Венский модернизм не был объектом пристального научного изучения в отечественном литературоведении, а сам термин только входит в научный обиход. Впервые в отечественном литературоведении его употребил Ю. И. Архипов [4], однако это понятие достаточно робко появляется в современных исследованиях. Авторы интересной и детальной энциклопедии «Постмодернизм» испытывают затруднения в интерпретации *модерна* [6]. В отечественном искусствознании модерн ассоциировался с понятием *стиль модерн*, а как ключевое и родственное слово к модернизму и постмодернизму терял своё специфическое семантическое наполнение и свою принадлежность к общему корню. Для современного понимания *модерна* необходимой представляется не только характеристика конкретно национально-исторического развития культуры, например, *берлинский модерн*, *венский модерн* или *мюнхенский модерн*, то есть микропериодизация модерна,

но и новая макропериодизация — серьезное историческое изучение модерна с момента его самозарождения (Ф. Шлегель, Новалис о модерне как противостоянии античности “die Antike”) и последовательного развития в романтизме, XIX веке, на рубеже XIX—XX веков и как родственное явление устоявшемуся понятию «модернизм» в двадцатом веке.

Проблема самоидентификации как австрийской национальной культуры, так и венской специфики культурной жизни проявляется на разных исторических этапах по-разному. Самые известные австрийские писатели XIX века — драматург и новеллист Франц Грильпарцер (1791—1872) и прозаик, художник Адальберт Штифтер (1805—1868) чаще всего воспринимались как часть общенемецкой культуры. В конце XIX века, когда Австро-Венгрия сотрясалась борьбой чехов, словаков, венгров и других народов империи за национальную независимость, рождается острое ощущение всеобщего распада традиционного миропорядка: в 1918 году рухнула Австро-Венгерская монархия, втянув мир несколькими годами раньше в одну из самых страшных катастроф XX века — Первую мировую войну: «Поражал не только масштаб всеобщего краха, но и скорость, с какой все менялось в мире. Казалось, нет предела бесконечному делению, что навсегда разорваны все связи и люди утратили способность понимать друг друга. Крайней степенью отчаяния было недоверие к слову» [7, с. 178].

В отличие от немецких классиков XIX века писатели венского модерна и австрийского модернизма были по-настоящему открыты широкой читательской аудиторией только после Второй мировой войны, когда в гуманитарных науках широко утвердилось понятие австрийской национальной культуры и начались исследования по *австристике*, выявляющей самобытность и самостоятельный путь развития культуры Австрии. Процесс самоидентификации венского модерна интересен с разных точек зрения. Во-первых, в отечественных и зарубежных гуманитарных науках ведётся разностороннее осмысление своеобразия австрийской культуры, самобытность которой ставится в зависимость от географического положения страны. Не случайно, поэт и писатель Херберт Айзенрайх (1925—1986) сравнивал страну с мостом между частями света, между Западом и Востоком, Севером и Югом (цит. по: [10, с. 207]).

Действительно, австрийская культура до 1918 года находилась под влиянием культур северных и южных, восточных и западных стран, входивших в обширное государство Габсбургов. Временами власть этой стариннейшей европейской династии распространялась на пол-Европы и могла сравниться только с гигантской империей — Россией. «Восточная марка» — Österreich — владение майнцских маркграфов с 976 г. стала в 1156 г. имперским герцогством. Эта дата считается временем рождения Австрийского государства, а с 1282 г. им начали управлять Габсбурги. Первый из них — выходец из Швейцарии Рудольф I (1273—1291) одержал победу над чешским королем Оттокарсом Пршемыслом и стал императором Священной Римской империи немецкой нации [16, с. 3]. На рубеже XVI века, овладев испанской короной, Габсбурги управляли обширными территориями Южной и Центральной Америки, а в 1526 г. Австрия захватила корону «Святого Иштвана», но обосноваться в королевстве Венгрия ей удалось лишь в начале XVIII века, после изгнания османских турок и подавления венгерского восстания под руководством трансильванского князя Ференца Ракоци II.

Во-вторых, разноликие направления в литературе, искусстве и музыке «окраинных» земель Габсбургской империи (Северной и Средней Италии, Бургундии, Испании, Фландрии, Бельгии, Нидерландов, Богемии, Моравии, Силезии, Южной Польши, Венгрии, Галиции, Хорватии, Словении, Сербии, Боснии, Герцеговины и других областей), а также южных и западных немецких княжеств, по языку и культуре традиционно близких империи, совмещались с не менее самобытными путями развития «центральной», собственно австрийской культуры на немецком языке со столицей в Вене. Кроме того, с 1556 г. Вена была утверждена императором Фердинандом I императорской резиденцией Священной Римской империи немецкой нации, просуществовавшей до 1806 г., а в видоизмененной форме как имперская система до 1918 г. [30, с. 24]. Старая империя (до 1806 г.), по оценке современных историков, «пусть не всегда на деле, но хотя бы в тенденции воплощала в себе политическую силу, устремлённую к миру и порядку. Этот порядок вещей как бы противопоставляется войнам и распрям, порождённым в XIX—XX веках воинствующим национализмом, и многие даже склонны видеть в нем прообраз современных интеграционных процессов в Европе» [30, с. 4].

Сплав самых разных культур в центре многонациональной монархии позволил Стефану Цвейгу (1881—1942) писать о некоей «тайне Вены» [34, с. 135]. Особая притягательная сила города объяснялась всеобщим интересом к культурным явлениям, которые исторически фокусировались, подобно лучам, в этом месте: «Римляне заложили этот город как цитадель, как форпост, чтобы защитить латинскую цивилизацию от варваров, и более чем тысячу лет спустя об эти стены разбилась движением османов на Запад. Здесь промчались Нибелунги, здесь над миром воссияла бессмертная плеяда музыкантов: Глюк, Гайдн и Моцарт, Бетховен, Шуберт, Брамс и Иоганн Штраус; здесь сходились все течения европейской культуры; при дворе, у аристократов, в народе немецкое было кровно связано со славянским, венгерским, испанским, итальянским, французским, фландрским, и в том-то и состоял истинный гений этого города музыки, чтобы гармонично соединить все эти контрасты в Новое и Своеобразное, в Австрийское, в Венское. Готовый воспринять и наделённый особым даром к восприимчивости, этот город притягивал к себе самые полярные силы, разряжал, высвобождал, сочетал их; славно было жить здесь, в этой атмосфере духовной благожелательности, и стихийно каждый гражданин этого города воспитывался наднационально, как космополит, как гражданин мира» [28, с. 26]. Высказывание С. Цвейга остаётся актуальным и по сегодняшней день, несмотря на глобалистские тенденции современной жизни и процессы евроинтеграции.

В-третьих, в современной науке отчётливо формулируются черты национальной австрийской самобытности, которая исторически складывалась на немецком языке, но заметно отличалась от немецкой, а в некоторых случаях была противоположна ей. По мнению Ю. И. Архипова, австрийскую традицию «отличает скептическое отношение к распространённым в Германии философским «умствованиям», сосредоточенность на «вечной», постоянно воспроизводящейся жизни, на очезримой реальной данности, к тому же — важный момент — её путь сопровождают постоянные сомнения в возможностях языка, подминающего, искажающего эту жизнь в угоду какой-либо умозрительной схеме» [5, с. 7].

Национально-историческое своеобразие более чем семисотлетней австрийской истории, позволяющее говорить о её заметном вкладе в сокровищницу

мировой культуры, ярко проявилось в развитии преимущественно лирических жанров поэзии, начиная с песенного творчества придворного венского миннезингера Вальтера фон дер Фогельвайде (ок. 1170 — ок. 1230) до признанных метров европейской поэзии: Николауса Ленау, Гуго фон Гофманстала, Райнера Марии Рильке, Георга Тракля, Теодора Крамера, Пауля Целана, Ингеборг Бахман и Эриха Фрида [12], в широком распространении жанров малой прозы, прежде всего, новеллы [1, 2, 19], а во второй половине XIX века и в XX веке романного жанра: от Адальберта Штифтера до романистов австрийского модернизма и постмодернизма [8], а также в расцвете венской народной комедии XVII—XIX веков, определившей расцвет драматических и музыкально-драматических жанров Австрии XX—XXI веков [24].

В-четвертых, в литературоведении спорным остается вопрос об истоках австрийской словесности. Так, исследователь Й. Шондорф, составитель антологии «Время и вечность: Тысяча лет австрийской лирики» называет австрийскими поэтов, принадлежащих к «народному» направлению миннезанга. Первое стихотворение этой антологии принадлежит поэтессе Фрау Ава, умершей в 1127 г. [34, S. 9]. С. В. Рожновский, изучавший содержание памятников германского героического эпоса «Песни о Нибелунгах» (ок. 1200) и «Кудруны» (ок. 1230/1240), обратил внимание на то, что основная идея эпоса выражалась в борьбе Австрийской марки за свою самостоятельность. В период позднего средневековья, по его мнению, были заложены основы национального самосознания австрийцев [21, с. 188]. Отечественный литературовед Д. В. Затонский и австрийский учёный В. Вайс относят этот процесс ко времени патриотического движения в Австрии, вызванного наполеоновскими войнами и падением Священной Римской империи германской нации [10, с. 3]. Т. А. Путинцева считает безоговорочным существование австрийской национальной литературы с момента начала творчества Франца Грильпарцера — классика XIX века [20, с. 5]. Несмотря на различные точки зрения в вопросе о начале «отсчёта» австрийской литературы, тезис о её важном месте среди европейских культур можно считать вполне убедительным как в зарубежном, так и в отечественном литературоведении.

Историки литературы Австрии, Германии, Швейцарии, Франции, Италии и США изучали отдельные этапы становления австрийской литературы. Отвечая на вопрос о её существовании, немецкий классик Томас Манн (1875—1955) безоговорочно признавал её национальную оригинальность, которую трудно сформулировать, но легко почувствовать: «Говоря откровенно, я считаю австрийскую литературу *превосходящей* немецкую во всех проявлениях артистической отточенности, вкуса и формы, — то есть тех свойствах, какие, пожалуй, никогда не прекратят играть в искусстве роль, которой вовсе не нужен эпигонский характер и что не исключает чувства новизны и отваги. Это связано со смешением рас и культур, восточные, западные и южные национальные элементы которой по своей сути вообще отличают все австрийское от немецкого, и это сложилось исторически, а немецкоязычный европеец не схож с народным духом южного немца, чьё экстравагантное воспитание проявляется в высшей степени достойным любви и в высшей степени необходимо» [33, S. 919]. Поэтому первым этапом осмысления своеобразия австрийской литературы стали размышления об австрийском менталитете, высказанные вначале крупными писателями и композиторами Австрии: Ф. Раймундом, Н. Ленау, Ф. Шубертом, Ф. Грильпарцером,

А. Штифтером, Ф. фон Зааром, Г. фон Гофмансталем, Ф. Верфелем и историками литературы Й. Надлером, В. Брехтом, Р. Мюльхером и др.

В 1964 году в Венском университете была организована кафедра по изучению истории австрийской литературы, предпринявшая историко-культурное и теоретическое изучение феномена австрийской литературы. Последовавшие многочисленные конференции и симпозиумы германистов по проблемам статуса австрийской литературы в различные исторические периоды отметили рост интереса ученых многих стран к проблемам её зарождения в средние века и функционирования в новое время [31]. Постепенно в недрах германистики окончательно сформировалась самостоятельная область исследований под названием австристика. В 1996 году появилась первая «История литературы Австрии», охватывающая период от её возникновения до современности [32]. Все предыдущие попытки создания подобного труда не увенчались успехом: намеченные планы написать общую историю литературы Австрии в 1849 г. Й. Т. Баннером, в 1889 г. Й. В. Наглем и Я. Цайдлером, в 1937 г. Э. Кастле, в 1948 г. Й. Надлером не были реализованы [32, S. VII]. Сходная ситуация возникла и в советском литературоведении, когда в 80-х годах в Институте мировой литературы им. А. М. Горького исследователем Ю. И. Архиповым был представлен проект трехтомной истории австрийской литературы [18, с. 275]. Реализован проект был лишь частично как двухтомная «История австрийской литературы XX века» в 2010 г. [13].

Причина неосуществлённых проектов кроется не только в сложности изучения многоаспектности и многослойности австрийского феномена, но и в общей теоретической неразработанности таких историко-культурных концептов, как язык и нация, не допускавших ранее существования в одном языке (немецком) нескольких наций (немецкой, австрийской и немецкоязычной швейцарской) и соответственно нескольких культур. Только в последние годы появились исследования, в которых история народа представлена как субстанция нации, а её язык является лишь медиумом, причём самоопределение нации немислимо вне интернационального взаимодействия.

Известный немецкий философ Курт Хьюбнер (1921—2013) справедливо считал, что «нация определяется историей как общая судьба», а язык представляет собой национальный медиум: «язык — это мать. Но рождённое из её лона, как бы оно не походило на свою родительницу, живёт своей собственной жизнью, далеко выходящей за пределы материнского влияния. Правда, нельзя отрицать, что происхождение от матери тоже участвует в формировании идентичности, но себя самого обретают не только в этом. Надо также учитывать и отношение национального тождества и родного языка. В рамках этого может быть обосновано, что две нации могут говорить на одном языке и все же не являются идентичными» [27, с. 341].

Отечественное литературоведение, например, занималось систематическим изучением отдельных писателей австрийской литературы в 70-е годы [11, 26, 23], а как самостоятельная ветвь советской германистики — австристика оформилась в научное направление в 80—90-е годы. В 1985 году появился обобщающий труд Д. В. Затонского, посвященный видным австрийским романистам XX века, в 1998 году был издан курс лекций «История австрийской литературы XIX века» Е. И. Нечепорука [8, с. 16]. В XXI веке вышли в свет исследования Н. С. Павловой, А. В. Михайлова, Ю. Л. Цветкова и др. [18, 15, 29].

В-пятых, в конце XIX века Австро-Венгерская империя, образованная в 1867 году в результате конституционного компромисса, представляла собой, как и ранее, мультинациональное государство, состоявшее помимо Австрии и Венгрии из Чехии, Моравии, Силезии, Герца, Истрии, Триеста, Далмации, Буковины, Крайны и Галиции. Повсеместно официальным языком монархии был немецкий язык. Немецкая часть населения окраинных областей находилась под влиянием нескольких культур: столичной (венской), близлежащих германских государств, а также национальных культур тех стран, которые входили в состав Австро-Венгрии. Так, литература Праги на немецком языке — *литература Пражской группы*, — представленная крупными поэтами и писателями Р. М. Рильке, Г. Мейринком, Ф. Кафкой, М. Бродом, Ф. Верфелем, И. Урцидилем, Л. Перуцом и др. была тесно связана с чешской (пражской) историей и культурой. В силу этих причин возникла проблема принадлежности того или иного писателя государства Австро-Венгрии к национальной литературе страны, входившей в её состав, в данном случае — чешской. Деятели культуры немецкого языка, жившие в пределах австро-венгерской империи и причастные к традициям иной национальной культуры (Прага) и получившие после распада монархии (1918) самостоятельность отдельного государства, не без оснований причислялись историками к культуре страны, вышедшей из состава Австро-Венгрии.

Так же правомерно был поставлен вопрос о принадлежности всей литературы на немецком языке австро-венгерского государства к австрийской литературе. Эта точка зрения является в настоящее время наиболее убедительной. *Австрийская литература* конца XIX — начала XX века включает в себя литературу венского модерна, Пражской группы, литературу на немецком языке Моравии, Силезии, Галиции и т. д.: «...лишь литературу, что так или иначе держала в поле зрения проблематику *всей* габсбургской империи, следует именовать «австрийской». Её языком был немецкий, ибо никакого другого языка не поняли бы одновременно хорват и венгр, поляк и украинец, но дух её был именно австрийским, то есть многонациональным, даже наднациональным» [9, с. 4].

Вопрос об австрийской (как и венской) идентичности стоит в современных условиях также так же остро, как и в начале XX века. По мнению Э. Мацнера, профессора Венского и Эрфуртского университетов, «австрийская» принадлежность стала ощутимой во время его пребывания в разделенном Берлине: «нас допрашивали как немцев, а мы не чувствовали себя немцами. Вот тогда мы задумались об австрийской идентичности. Из-за нашего смешанного происхождения она состоит из многих идентичностей: северославянской, южнославянской, восточноавстрийской, южноавстрийской, западноавстрийской... Установление одной идентичности всегда означает уничтожение происхождения человека. Идентичностей много, исключать нельзя никого, даже части самого себя нельзя исключать» [22, с. 246].

Актуальность современного обсуждения проблемы австрийской самобытности объясняется и тем обстоятельством, что в период Второй республики она не была приоритетной: «Эта система, именуемая системой «общественного согласия» или «социального партнерства», способствовала тому, что все без исключения общественные и политические расхождения и противоречия свелись к общему знаменателю, и потому австрийское своеобразие вскоре стало заключаться в том, что в этой стране любое выражение своеобразия потеряло всякий смысл» [14, с. 13].

В условиях современных интеграционных процессов в Европе и строительства общего европейского дома, важным представляется сохранение баланса национальной самобытности Австрии и её европейской идентичности: «Популярность австрийских писателей, неустанно подвергающих страну критическому осмыслению (Бернхард, Туррини, Хаслинггер), является приметой возросшей потребности общества в самоосмыслении, а европейские события последнего времени сделали актуальным вопрос о самооценке Австрии и о её позиции в совершенно изменившихся обстоятельствах» [14, с. 13].

Список литературы

1. Австрийская новелла XIX века. М. : Худож. лит., 1959. 703 с.
2. Австрийская новелла XX века. М. : Худож. лит., 1981. 519 с.
3. *Архипов А. И.* Австро-советский симпозиум в ИМЛИ // *Вопр. литературы.* 1978. № 7. С. 297—300.
4. *Архипов Ю. И.* Венская школа «модерн» // *История всемирной литературы.* М. : Наука, 1994. Т. 8. С. 348—355.
5. *Архипов Ю. И.* Предисловие // Бернхард Т. *Избранное : Рассказы и повести.* М. : Радуга, 1983. С. 3—11.
6. *Грицанов А. А.* Modern // *Постмодернизм: Энциклопедия.* Мн. : Интерпрессервис : Книжный Дом, 2001. С. 435—436.
7. *Дудова Л. В.* Модернизм в немецкоязычной литературе // *Дудова Л. В., Михальская Н. П., Трыков В. П.* Модернизм в зарубежной литературе. М. : Флинта : Наука, 1998. С. 178—234.
8. *Затонский Д. В.* Австрийская литература в XX столетии. М. : Худож. лит, 1985. 448 с.
9. *Затонский Д. В.* Страницы австрийской литературы // *Иностр. литература.* 1972. № 11. С. 207—209.
10. *Затонский Д. В.* Существует ли австрийская литература? // *Современная литература за рубежом.* М., 1975. С. 154—174.
11. *Затонский Д.* Предисловие // *Кафка Ф.* Америка. Процесс. Из дневников. М. : Изд-во полит. лит., 1991. С. 3—14.
12. Золотое сечение. Австрийская поэзия XIX—XX веков в русских переводах : сборник. М. : Радуга, 1988. 816 с.
13. История австрийской литературы в двух томах. Т. 1 : Конец XIX — середина XX века. М. : ИМЛИ РАН, 2009. 632 с. ; Т. 2 : 1945—2000. М. : ИМЛИ РАН, 2010. 576 с.
14. *Менассе Р.* Страна без свойств. Эссе об австрийском самосознании. СПб. : Петербург — XXI век : Симпозиум», 1999. 128 с.
15. *Михайлов А. В.* Избранное: Феноменология австрийской культуры. М. ; СПб. : Центр гуманитарн. Инициатив : Университетская книга, 2009. 392 с.
16. *Нечепорук Е. И.* История австрийской литературы XIX века : курс лекций. Симферополь : Изд-во Таврического эколог. ин-та, 1998. 262 с.
17. *Павлова Н. С.* Типология немецкого романа: 1900—1945. М. : Наука, 1982. 277 с.
18. *Павлова Н. С.* Природа реальности в австрийской литературе. М. : Языки славянской культуры, 2005. 312 с.
19. Повести австрийских писателей. М. : Радуга, 1988. 639 с.
20. *Путинцева Т. А.* Предисловие // *Австрийская новелла XIX века.* М. : Худож. лит., 1959. С. 3—22.
21. *Рожновский С. В.* Прошлое и настоящее австрийской словесности // *Иностр. лит.* 1981. № 9. С. 188—190.
22. Россия и Европа: в поисках идентичности : Междунар. симпозиум. М. : Вахазар, 2000. 256 с.

23. *Русакова А. В.* Австрийская литература: к проблемам изучения // История и современность в зарубежных литературах. Л., 1979. Вып. 1. С. 146—151.
24. *Слободкин Г.* Венская народная комедия XIX века. М. : Искусство, 1985. 223 с.
25. *Стрельникова А. А.* Театр как форма художественного сознания Австрии на рубеже веков // Разрыв и связь времён. Проблемы изучения литературы рубежа XIX—XX веков. М. : ИМЛИ РАН, 2017. С. 915—941.
26. *Таран П. В.* Австрийская литература: её прошлое и настоящее // Писатель и жизнь. М., 1975. С. 164—181.
27. *Хюбнер К.* Нация: от забвения к возрождению. М. : «Канон+» : ИО «Реабилитация», 2001. 400 с.
28. *Цвейг С.* Вчерашний мир. Воспоминания европейца // Цвейг С. Собр. соч. : в 9 т. Т. 9 : Вчерашний мир. Встречи. Воспоминания. Эссе. М. : Библиосфера, 1996. С. 7—376.
29. *Цветков Ю. Л.* Литература венского модерна. Постмодернистский потенциал. М. ; Иваново : МИК, 2003. 432 с.
30. *Шиндлинг А., Циглер В.* Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов н/Д : Феникс, 1997. 636 с.
31. *Literatur aus Österreich, österreichische Literatur: Ein Bonner Symposion / Hg. K. K. Pohlheim.* Bonn : Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1981. 241 S.
32. *Literaturgeschichte Österreichs: Von den Anfängen im Mittelalter bis zur Gegenwart / Hg. v. H. Zeman.* Graz : Akademische Druck-und Verlagsanstalt, 1996. 696 S.
33. *Mann T.* Gibt es eine österreichische Literatur? // Mann T. Gesammelte Werke : in 12 Bänden. Bd. X : Reden und Aufsätze. Frankfurt a. Main : S-Fischer Verlag, 1960. S. 916—921.
34. *Zeit und Ewigkeit. Tausend Jahre österreichischer Lyrik / Schondorf J. (Hg.)* Düsseldorf : Claassen Verlag, 1980. 611 S.
35. *Zweig S.* Zeit und Welt. Gesammelte Aufsätze und Vorträge. Stockholm : Bermann, 1946. 374 S.

ИСТОРИЯ

УДК 929.6
ББК 63.215(2)-2

Т. А. Ковров, А. А. Корников

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕРБАХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена исследованию геральдических традиций дореволюционной России в современных гербах субъектов Российской Федерации. Рассказывается о процессе земельного герботворчества в современной России. Приводятся количественные показатели утверждённых гербов субъектов РФ, основывающихся на дореволюционных гербах России, показываются примеры трансформации дореволюционных гербов в современные.

Ключевые слова: земельные гербы, субъекты Российской Федерации, геральдические традиции, преемственность.

Т. А. Kovrov, A. A. Kornikov

HERALDIC TRADITIONS OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA IN MODERN COATS OF ARMS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the study of heraldic traditions of pre-revolutionary Russia in modern coats of arms of the subjects of the Russian Federation. The article describes the process of creating coats of arms for different lands in modern Russia. Quantitative indicators of the approved coats of arms of subjects of the Russian Federation based on pre-revolutionary coats of arms of Russia are given, examples of transformation of pre-revolutionary coats of arms in modern are shown.

Key words: land coats of arms, subjects of the Russian Federation, heraldic traditions, continuity abstract.

Актуальность: в настоящее время в нашей стране активно идёт процесс по разработке и усовершенствованию гербов национальных республик, областей, округов, входящих в состав Российской Федерации. Данные гербы являются важными символами прав и суверенитета этих субъектов Федерации. Сами гербы являются интересными изобразительными источниками, которые в наглядной форме показывают нам особенности исторического, экономического и культурного развития того или региона, знаковой системы народов, его населяющих, их традиций и менталитета.

В связи с этим возникает задача по обобщению и анализу данного процесса, выявления его основных тенденций, трудностей и сложностей. В частности, интересным моментом является то, как в современной геральдике сохраняются традиции и наработки дореволюционного герботворчества.

© Ковров Т. А., Корников А. А., 2020

В настоящее время вышло огромное количество работ, посвящённых геральдике в целом и региональным гербам в частности. Также есть большое число исследований по истории и теории геральдики. Все работы можно поделить на 3 большие группы. Первая — труды, посвящённые разработке современных гербов субъектов РФ [1, 2, 4, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 18, 20, 22, 23, 25, 27, 29]. Вторая — общетеоретические работы по геральдике и учебные пособия [3, 5, 14, 15, 16, 19, 21, 24, 26, 28]. Третья — энциклопедии и справочники [6, 17]. При этом надо отметить, что имеющаяся литература не даёт общей картины региональной геральдики на 2019 год, не показывает всей сложности и противоречивости развития данной группы гербов и, самое главное, в ней не исследуется взаимозависимость современной и дореволюционной геральдики.

Целью данной статьи является выявить, насколько в современной геральдике субъектов Российской Федерации заимствуются традиции, наработки дореволюционного герботворчества.

Авторы данной статьи использовали материалы, опубликованные на известных сайтах «Геральдика.ру» [7] и «Heraldicum» [30]. Эти сайты пользуются большой популярностью как среди учёных, занимающихся проблемами геральдики, так и среди людей, просто интересующихся геральдикой в целом и гербами в частности.

Источниками по данной теме являются, во-первых, законодательные акты регионов, утверждавшие гербы субъектов РФ. Во-вторых, сами изображения гербов как визуальные источники, наглядно показывающие сохранение или изменение традиций геральдики в том или ином субъекте нашей страны. В-третьих, исследования, анализирующие процесс разработки региональных гербов, в том числе статьи в периодических изданиях (газетах или журналах), в которых можно найти интересные подробности о разработке и утверждении герба того или иного субъекта РФ.

История земельной геральдики России в период до 1917 года была весьма насыщенной. Особо выделяются такие вехи её истории, как создание Большой Государственной печати 1577 года, «Титулярника» 1672 года, публикация сборника официально утверждённых гербов губерний и областей Российской империи в 1880 году. Отметим, что к 1917 году была создана система земельных гербов и были разработаны правила их создания. Земельные гербы России символизировали, с одной стороны, местные культурные традиции (на это указывают изображения на геральдических щитах, некоторые составные части герба и т. д.), с другой — символизировали подчинённость по отношению к императору и императорской власти (это подтверждает присутствие на всех гербах губерний Российской империи большой императорской короны).

В советский период истории земельные и областные гербы фактически перестали существовать. Этому способствовала сама специфика советской государственной системы управления с её жёсткой централизацией и ограничением прав местного самоуправления. И если в союзных республиках существовали свои гербы, во многом повторявшие композицию герба Советской России, принятого в 1918 году, то автономные республики в составе РСФСР в качестве своих гербов использовали герб РСФСР с включением текстовой надписи, обозначающей название данной автономии. Русские регионы (области, края) не имели своей особой символики. На гербовых печатях органов власти изображался герб РСФСР.

С начала 1990-х годов в нашей стране происходит бурное развитие земельного герботворчества. Это связано со становлением России как федеративного государства, что окончательно было закреплено Конституцией РФ 1993 года. В соответствии с данной конституцией Россия становилась федеративным государством, в котором все входящие в него субъекты обладали определёнными автономными правами, определяемыми законодательно. Показателями автономии субъектов Федерации являлась их официальная символика: герб, флаг и гимн. На 1 января 2019 года в России насчитывалось 85 субъектов Федерации: 22 республики, 9 краёв, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область и 4 автономных округа.

Из собранных материалов следует, что все 85 субъектов Федерации имеют свои гербы. Однако лишь 58 субъектов имеют полностью оформленные (утверждённые законодательными собраниями и зарегистрированные в Государственном геральдическом регистре) гербы. У 27 субъектов Федерации гербы разработаны и утверждены местными законодательными органами, но не утверждены Геральдическим советом при Президенте России и не внесены в Государственный геральдический регистр.

В данной статье мы будем рассматривать лишь те гербы, которые основываются на дореволюционных исторических гербах. К ним относятся 46 региональных гербов. Остальные 39 земельных гербов РФ созданы заново и не связаны с традициями дореволюционной России. Из 46 интересующих нас гербов 35 гербов было утверждено в 1990-е годы, 11 — в 2000-е годы. Притом 40 гербов основаны на гербах губерний, 6 на дореволюционных гербах городов Российской империи.

Региональные гербы, основывающиеся на дореволюционных гербах, можно разделить на следующие группы:

- 1) гербы, полностью заимствующие дореволюционные губернские гербы;
- 2) гербы, заимствующие только основную эмблему губернских гербов;
- 3) гербы, в которых помимо заимствования основных исторических эмблем губернских гербов в геральдический щит вводятся новые элементы;
- 4) гербы, заимствующие основные эмблемы губернских гербов с добавлением элементов нового времени за пределами геральдического щита;
- 5) гербы, основанные на дореволюционных гербах городов или каких-то мелких административных единиц.

Перечислим субъекты Федерации, чьи гербы относятся к этим группам, в хронологическом порядке, в каком принимались их гербы, с указанием в скобках года принятия последней версии данного герба.

1) Новгородская (1995), Белгородская (1995), Калужская (1996), Нижегородская (1996), Курская (1996), Оренбургская (1997), Самарская (1998), Владимирская (1999) области, города федерального значения Санкт-Петербург (2003) и Москва (2003) — 10 субъектов РФ.

2) Кировская (1995), Вологодская (1995), Тверская (1996), Иркутская (2011), Архангельская (2012) области — 5 субъектов РФ.

3) Ставропольский край (1997), Сахалинская (1997), Ленинградская (1997) области, Забайкальский (2009) Камчатский (2010) края, Орловская область (2012) — 6 субъектов РФ.

4) Пермский край (1995), Ростовская (1996), Томская (1997), Рязанская (1998) области, Красноярский край (1999), Астраханская (2001), Саратовская

(2001), Смоленская (2003), Тамбовская (2003) области, Краснодарский край (2004), Тульская (2005), Воронежская (2005), Костромская (2006), Московская (2006), Амурская (2008), Пензенская (2008), Ярославская (2011), Ульяновская (2013), Псковская (2018) области — 19 субъектов РФ.

5) Курганская область (1997), Алтайский край (2000), Челябинская (2002), Липецкая (2003) области, Приморский (2003), Хабаровский края (2016) — 6 субъектов РФ.

Проанализируем по несколько гербов субъектов РФ в качестве наиболее значимых примеров из каждой подгруппы земельных гербов.

Первая группа — гербы, полностью заимствующие дореволюционные губернские гербы.

Герб Новгородской области. В основе её современного герба лежит дореволюционный герб Новгородской губернии. Это можно увидеть путём сравнения описания этих двух гербов. Описание герба губернии: «В серебряном поле два чёрных медведя, поддерживающие золотое кресло с червлёной (красной) подушкой, на которой поставлены крестообразно с правой стороны скипетр, а с левой крест; над креслами золотой трёхсвечник с горящими свечами; в лазоревой (синей, голубой) окраине щита две серебряные, одна против другой, рыбы. Щит увенчан императорской короной и окружён золотыми дубовыми листьями, соединёнными Андреевской лентой» [7]. 27 сентября 1995 года Дума области приняла закон о гербе № 22-ОЗ. Гербом области стал исторический герб губернии. Постановлением областной Думы от 26 февраля 1997 года был утверждён закон о внесении изменений в закон о гербе, изменения касались только порядка использования герба (губернатор подписал закон 4 марта 1997 года) [30]. Официальное описание, согласно Статье 1 закона: «Гербом Новгородской области является исторический герб Новгородской губернии в виде щита, увенчанного Императорской короной и окружённого дубовыми листьями, соединёнными Андреевской лентой. На щите изображены два медведя, поддерживающие кресло на постаменте, украшенное скипетром, крестом и трёхсвечником и поставленное над двумя рыбами» [30]. Уже то, что в самом начале закона есть суждение о возрождении исторической символики данного региона, доказывает стремление местной власти вернуть исторические символы области. Это подтверждается и сравнением описаний и изображений дореволюционного и нынешнего гербов. Однако герб не был внесён в Государственный геральдический регистр. Причина этого, на наш взгляд, — включение элементов, символизовавших императорскую власть, в гербы субъектов РФ, являющейся демократической республикой, делает данные символы не совсем корректными с геральдической точки зрения [14, с. 207].

Герб Владимирской области. Первый акт, регламентирующий герб, — решение Законодательного Собрания «О гербе» от 8 июля 1994 года. Тогда был восстановлен старый герб, и принято Положение о гербе [30]. Герб был окончательно утверждён законом от 20 января 1999 года № 8-ОЗ [30]. За основу взяли изображение золотого львиного леопарда в железной короне, держащего в правой лапе длинный серебряный крест. Описание герба согласно статье 1 этого закона: «Герб Владимирской области представляет собой изображение золотого львиного леопарда, в железной, украшенной золотом и цветными камнями короне, держащего в правой лапе длинный серебряный крест в червлёном поле. Щит увенчан короной и окружён золотыми

дубовыми листьями, соединёнными Андреевской лентой (приложение)» [30]. Как мы видим, герб утверждался около пяти лет. В законе 1999 года нет указаний и отсылок на герб соответствующей губернии, однако в Положении 1994 года есть упоминание о губернском гербе: «8 июля 1994 года решением Законодательного Собрания области № 63 «О гербе» в качестве областной символики был восстановлен губернский герб образца 1856 года» [6, с. 60]. Геральдическое описание нынешнего областного герба полностью совпадает с описанием Владимирского губернского герба, разработанного герольдмейстером Б. Кёне: «В червлёном поле золотой львиный леопард, в железной, украшенной золотом и цветными камнями короне, держащий в правой лапе длинный серебряный крест. Щит увенчан Императорскою короною и окружён золотыми дубовыми листьями, соединёнными Андреевскою лентою» [30]. И хотя в законе 1999 года нет прямой отсылки на преемственность исторических традиций и указаний, что нынешний герб основан на дореволюционном, однако описания и изображения современного и дореволюционного гербов совпадают. В целом преемственность между гербами прямая. Герб не был внесён в Государственный регистр из-за наличия в нём элементов, символизирующих императорскую власть (корона, Андреевская лента), что делает герб не совсем корректным с геральдической точки зрения.

Приведём примеры из второй группы гербов, в которой современные гербы регионов заимствуют только основную эмблему дореволюционного губернского герба.

Герб Вологодской области. Герб Вологодской области был принят в 1995 году. Согласно закону «О гербе» от 11 октября 1995 года № 35-ОЗ было такое описание герба: «Герб Вологодской области представляет собой четырёхугольный, с закруглёнными нижними углами, заострённый в оконечности червлёный (красный) геральдический щит, с выходящей из серебряных облаков десницей (рукой) в золотом одеянии, держащей золотую, украшенную драгоценными камнями державу и серебряный меч с золотым эфесом, положенный в перевязь; во главе щита – золотая корона с развевающимися лазоревыми (синими, голубыми) лентами» [30]. За основу герба взяли изображение «руки, держащей державу и меч». В первой статье областного закона подчеркнута связь нынешнего областного герба с историческим губернским: «Герб Вологодской области разработан на основе исторического герба Вологодской губернии» [7]. Это, в свою очередь, доказывает стремление местной власти вернуть историческую символику области: «Основные элементы герба символизируют: десница с мечом — справедливость, правовой суд, защиту Отечества; держава — власть, государственность, права Вологодской области как субъекта Российской Федерации; императорская корона, традиционный геральдический знак высокого достоинства и власти, — исторический государственный территориальный статус Вологодской области; червленый (красный цвет) — власть и мужество, золото — изобилие и могущество, серебро — благородство, свет и чистоту» [30]. Герб Вологодской губернии был принят 5 июля 1878 года с таким же описанием: «В червлёном щите выходящая из серебряного облака в золотом одеянии рука, держащая золотую державу и серебряный меч. Щит увенчан Императорскою короною и окружён золотыми дубовыми листьями, соединёнными Андреевскою лентою» [7]. Единственное отличие двух гербов — в нынешнем отсутствуют внешние украшения герба: императорская корона и золотые дубовые листья, соединённые

Андреевской лентой. Герб был зарегистрирован в Государственный регистр под № 101 [30].

Герб Тверской области. Постановлением от 28 ноября 1996 года Законодательное Собрание утвердило закон о гербе и флаге № 45 [30]. За основу герба взяли «изображение трона, на сидении которого шапка Мономаха». Из текста закона видно, что символика области заимствуется из исторического герба региона: «Закон, исходя из преемственности исторических традиций Тверской земли, устанавливает основные символы области» [7]. Герб был внесён в Государственный регистр под № 159 [30]. Герб Тверской губернии был принят 8 декабря 1856 года: «В червлёном поле золотой трон; на нём царская, на зелёной подушке корона. Щит увенчан Императорскою короною и окружён золотыми дубовыми листьями, соединёнными Андреевскою лентою» [7]. Изображение герба Тверской губернии почти полностью сохранено в современном земельном гербе. Единственные элементы исторического губернского герба, которых нет в нынешнем, — императорская корона и золотые дубовые листья, соединённые Андреевской лентой, так как они не соответствуют рангу субъекта РФ.

Приведём примеры из третьей группы гербов, в которой современные гербы регионов помимо заимствования основных исторических эмблем губернских гербов вводят в геральдический щит новые элементы.

Герб Сахалинской области. Закон о гербе № 35 был принят областной Думой 16 апреля 1997 года. Согласно Статье 2 Закона, «Герб Сахалинской области представляет собой изображение в серебряном щите лазуревом (синего) столба, обременённого золотым, обращённым влево русским казачьим кочем XVII века, плывущим по серебряным волнам, и сопровождаемого с каждой из сторон чёрной сопкой-вулканом с одним червлёным (красным) языком пламени, выходящим из жерла. Формы и размеры щита Сахалинской области соответствуют формам и размерам щита герба Российской Федерации». Герб был внесён в регистр под № 157 [30]. Прообразом герба Сахалинской области стал герб Приморской области Российской империи, утверждённый в 1878 году [30]. Его описание: «В серебряном щите, лазуревый столб, между двух чёрных сопок, с червлёными пламенами. Щит увенчан Древнею Царскою короною и окружён золотыми дубовыми листьями, соединёнными Александровскою лентою» [30]. Если сравнивать описания двух гербов, то можно заметить определённое сходство между ними, но не во всём. Так, в описании дореволюционного герба не было упоминания казачьего коча, в то время как в описании современного герба, напротив, коч упоминается. Это свидетельствует о том, что местная власть стремилась, с одной стороны, сохранить дореволюционные традиции, а с другой, — вводит какие-то новые элементы. Однако необходимо заметить, что Сахалин до революции 1917 года был только частью обширной Приморской области, герб которой был использован в современном региональном гербе. Таким образом, за основу нынешнего герба взят исторический герб, хотя и более обширной территории.

Герб Камчатского края. 15 апреля 2004 года депутаты областного Совета приняли законы о гербе и флаге № 170, губернатор подписал их 5 мая 2004 года, а 7 мая 2004 года, после публикации в газете «Официальные ведомости», они вступили в силу. В 2005 году герб был внесён в Государственный регистр под № 1760 [30]. В описании герба («Герб Камчатской области представляет собой четырёхугольный с закруглёнными нижними углами,

заострённый в оконечности геральдический щит. В лазоревом поле над волнистой серебряной оконечностью, обременённой двумя волнисто-изогнутыми лазоревыми поясами, — три чёрные сопки (средняя — перед двумя боковыми), окаймленные серебром, с серебряным снегом на вершинах и с выходящим из каждой вершины червлёным пламенем в окружении серебряного дыма» [30]) нет упоминания о дореволюционном историческом гербе, но на самом деле определённое влияние областного исторического герба в настоящем гербе есть. К такому выводу можно прийти, если сравнить герб региона с историческим гербом Камчатской области, утверждённом 22 июня 1851 года: «В серебряном щите изображены три сопки, или огнедышащие горы чёрного цвета, щит увенчан золотою императорскою короною ... в сим гербе украшения изображают отличительные черты Камчатского полуострова — огнедышащие горы, единственные в Российской империи» [7]. В основе герба — три сопки чёрного цвета. Судя по описанию герба, региональная власть при разработке герба руководствовалась целью сохранить все исторические традиции, что и было осуществлено. Отметим, что в процессе принятия герба рассматривалось несколько проектов, но на конечном этапе за основу был взят герб дореволюционной области [7]. После объединения Камчатской области и Корякского автономного округа в единый Камчатский край Постановлением Губернатора от 5 июля 2007 года было установлено, что «...печати, штампы, бланки писем и иные атрибуты органов исполнительной власти Камчатской области и Корякского автономного округа используются без изменений». Т. е. герб и флаг Камчатской области и Корякского округа продолжали использоваться [30]. По закону о гербе № 365 (принят 17 февраля 2010 года на сессии Законодательного Собрания края) гербом края стал проект, признанный лучшим Геральдической комиссией (автор проекта И. Царьков). Описание герба, согласно Статье 3 закона: «Герб Камчатского края представляет собой четырёхугольный с закруглёнными нижними углами, заострённый в оконечности геральдический щит. На серебряном поле щита по центру изображены три разновеликих вулкана чёрным цветом с посеребрёнными вершинами, с выходящим из каждой вершины червлёным пламенем в окружении серебряного дыма. За вулканами в верхней части щита червлением по серебру изображено восходящее солнце. Вокруг солнца — национальный орнамент, состоящий из червлёных и лазурных треугольников, обведённых серебряным кантом. Червлёные треугольники расположены на внутренней стороне орнамента и обращены вершинами наружу. Лазурные треугольники — на внешней стороне орнамента и обращены вершинами внутрь. Нижняя треть щита лазурная, отделена от изображения вулканов серебряной волной» [30]. Благодаря описанию герба можно сделать вывод, что в историческое изображение краевого герба включили солнце и национальный орнамент, отсутствовавшие в дореволюционном гербе.

Четвёртая группа — гербы, заимствующие основные эмблемы губернских гербов с добавлением элементов нового времени за пределами геральдического щита.

Герб Красноярского края. Герб края был установлен вступившим в силу 28 марта 1999 года законом о гербе № 5-296 [30]. В статье 2 этого закона содержится описание герба. За основу герба взяли эмблему золотого льва, держащего лопату и серп: «Герб Красноярского края представляет собой изображение: в червлёном поле поверх лазоревого, смещённого вправо

и тонко окаймленного золотом столба, — золотой лев, держащий в правой передней лапе золотую лопату, а в левой — золотой серп. Щит увенчан пьедесталом с орденскими лентами, окружён золотыми дубовыми листьями и кедровыми ветками, соединёнными голубой лентой» [30]. В описании отсутствуют какие-либо упоминания об историческом гербе области, о преемственности исторических традиций, однако геральдическое описание дореволюционного земельного герба позволяет нам увидеть исследуемую нами преемственность гербов. Регион является одним из «преемников» Енисейской губернии, герб которой был утверждён 5 июля 1878 года. Его официальное описание: «В червлёном щите, золотой лев с лазуревыми глазами, и языком, и чёрными когтями, держащий в правой лапе золотую лопату, а в левой таковой же серп. Щит увенчан Императорскою короною и окружён золотыми дубовыми листьями, соединёнными Андреевскою лентою» [30]. Если сравнить описания двух земельных гербов, то становится ясно: краевой герб заимствует основную композицию губернского герба. Однако императорская корона, представлявшая собой внешнее украшение и имеющая место быть в качестве составной части герба в губернном гербе, была заменена в современном гербе на некий своего рода пьедестал с орденскими лентами. На двух золотых щитках изображены ленты ордена Ленина, которыми край был награждён в 1956 и 1970 годах. На левом серебряном щитке изображена лента ордена Октябрьской Революции, которым был награждён город Красноярск в 1978 году [30]. Но при этом можно заметить: приоритет всё же был отдан историческим традициям с добавлением элементов советской эпохи. Таким образом, герб практически полностью повторяет герб губернии, а значит: есть преемственность между этими двумя гербами. Герб не был внесён в регистр из-за несоответствий методическим рекомендациям Геральдического совета при Президенте РФ (включение в герб венка, короны из орденских лент и золотой каймы столба) [7].

Герб Пермского края. 3 октября 2007 года был принят Закон о гербе Пермского края, где давалось следующее его описание: «Герб Пермского края представляет собой изображение серебряного медведя, идущего вправо, помещённого на червлёном (красном) геральдическом щите; на его спине Евангелие в золотом окладе с изображением восьмиконечного креста. Евангелие увенчано серебряным уширенным, вогнутым на концах крестом. Щит увенчан княжеской короной» [30]. За основу герба был взят дореволюционный губернский герб 1856 года. Однако вместо императорской короны была введена княжеская корона, которая в большей степени соответствовала статусу края как субъекта Федерации. Были также убраны дубовый венок и Андреевская лента. Таким же образом были трансформированы дореволюционные гербы Астраханской, Саратовской, Ярославской (вариант 2001 года) и Псковской областей (за исключением у последнего девизной ленты).

Приведём примеры гербов, основанных на дореволюционных гербах городов.

Герб Курганской области. В конце 1997 года был принят закон о гербе и флаге № 90 (принят областной Думой 25 ноября 1997 года). В Статье 2 закона приведено следующее описание герба: «Герб Курганской области представляет собой зелёный геральдический щит, в поле которого два отвлечённых серебряных кургана (холма), из которых левый — меньше и возникает из-за правого; в серебряной стенозубчатой, с пятью мерлоновыми зубцами

и четырьмя проёмами, оконечности — бегущая лазоревая (синяя, голубая) куница с золотыми мордой и грудью. Правая геральдическая сторона находится слева от зрителя, левая — справа» [30]. Герб основан на исторических гербах городов Кургана и Щадринска. На это указывает и обоснование символики регионального герба: «Серебряная оконечность щита с “кремлёвскими” зубцами — стилизация Долматовского монастыря и одновременно знак пограничного положения Курганской области, бегущая куница — из герба Щадринска, два серебряных холма — из герба Кургана» [7]. Таким образом, подчёркивается, что в гербе Курганской области есть элементы гербов двух городов (Кургана и Щадринска — второго по величине и значению города Курганской области). Герб был внесён в Государственный регистр под № 221 [30].

Для некоторых гербов субъектов Федерации исследуемой группы была характерна следующая особенность: спустя какое-то время после первого их утверждения в них вносили какие-то несущественные изменения, касающиеся формальных моментов: уточнялось геральдическое описание (например, гербы города Москвы, Курганской области); оговаривался порядок их использования (примеры — гербы Новгородской, Ленинградской областей); оговаривались допустимые формы гербов (например, герб Московской области). Однако в целом изображения гербов в подавляющем большинстве случаев осталось таким же, каким было на момент их принятия. Следовательно, не изменилась и их преемственность по отношению к дореволюционным земельным гербам.

Таким образом, представленный материал показывает, что многие гербы субъектов Федерации (46 из 85) сохранили свою преемственность с дореволюционными губернскими. Это подтверждается сравнительным анализом геральдических описаний изученных гербов, преамбул законов о гербах и сравнением изображений самих гербов.

Данная тенденция свидетельствует о том, что региональные власти стремились сохранить исторические традиции, историческую память о своём регионе. Однако это заимствование подчас (особенно в 1990-х годах) носило некритический характер без учёта того, что современная Россия не монархическая империя. Это выражалось в том, что заимствовались элементы, символизовавшие императорскую власть (императорская корона, Андреевская лента, дубовый венок), что, в свою очередь, делало эти гербы не совсем правильными с точки зрения соответствия геральдическим нормам в частности и геральдики в целом.

В результате этого (а также в силу целого ряда других ошибок при составлении гербов) ряд региональных символов (27 регионов) в настоящее время не утверждены Геральдическим советом при Президенте и не внесены в Государственный геральдический регистр.

Интересно также то, что получила распространение практика изображения в гербе новых элементов, символизирующих особенности развития субъекта в советскую эпоху (ленты орденов Ленина, Октябрьской Революции). Как нам представляется, в данной тенденции прослеживается стремление установить единство развития того или иного региона в разные эпохи.

На наш взгляд, несколько пассивную роль в разработке региональных символов играет Геральдический совет при Президенте России, который очень часто ограничивает свою роль лишь проведением экспертизы подготовленных на местах проектов региональных гербов, не всегда ведёт чёткую

научно обоснованную геральдическую политику. Хотелось бы надеяться, что общими усилиями региональных властей, Геральдического совета и научной общественности будет завершена работа по разработке и созданию гербов субъектов Федерации с учётом исторических традиций и накопленного опыта. В результате чего будет создана система ярких запоминающихся символов, вызывающих любовь и уважение граждан России к истории своей малой Родины.

Список литературы

1. *Башкиров К. С., Штейнбах С. Ю.* История и геральдика земли Ленинградской. СПб. : [Б. и.], 2008. 664 с.
2. *Борисов И. В., Кодина Е. Н.* Геральдика России. М. : АСТ : Астрель, 2005. 424 с.
3. *Бурков В. Г.* Государственные эмблемы и символы России и республик Российской Федерации : учебное пособие. СПб. : ЭГО, 2002. 16 с.
4. *Ветры перемен: Флаги и гербы республик России.* Чебоксары : Чувашия, 1996. 240 с.
5. *Винклер П. П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесённые в Полное Собрание законов с 1649 по 1900 год. М., 1990. 312 с.
6. Геральдика России: полная иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. А. Г. Мерников. М. : Аванта+, 2008. 512 с.
7. Геральдика.ру. URL: <http://geraldika.ru/> (дата обращения: 20.12.2019).
8. Геральдическое наследие Республики Татарстан. Казань : Регионсервис, 2012. 328 с.
9. *Закутнов О. И.* Формирование современной региональной символики // Известия государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Общественные гуманитарные науки (философия, история, социология, политология, культурология, искусствоведение, языкознание, литературоведение, экономика, право) : научный журнал. СПб., 2008. № 12 (85). С. 58—63.
10. *Калашиников Г. В.* Официальные символы Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард : Баско, 2012. 296 с.
11. *Коржик Ю. В.* Липецкая область. История. Геральдика. Современность. М. : Регион-сервис, 2009. 208 с.
12. *Корников А. А.* Геральдическое многообразие России. Гербы субъектов Российской Федерации: современное состояние, проблемы и поиски // Вестник Ивановского государственного университета. 2016. Вып. 3(9). С. 51—58.
13. *Корников А. А.* Геральдика Ивановского края. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2018. 184 с.
14. *Корников А. А.* Российская геральдика : курс лекций. 2-е изд., доп. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2019. 240 с.
15. *Лакмер А.* Русская геральдика. М. : Книга, 1990. 402 с.
16. *Лукомский В. К., Титов Н. А.* Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов. Петроград, 1915; М. : Государственная публичная историческая библиотека, 1996. 98 с.
17. *Мочёнов К. Ф., Коржик Ю. В.* Гербы современной России : справочник. М. : Гербы и флаги, 2005. 296 с.
18. *Надикта В. М., Мальгин А. В.* Крымский гербовник: каталог государственной и муниципальной символики (1784—2014). Симферополь : Н. Ореанда, 2015. 137 с.
19. *Наумов О. Н.* Научная геральдика России. М. : Старая Басманная, 2013. 516 с.
20. *Неймарк В. А., Хлебникова И. А.* Гербовник Костромской области. Региональная и муниципальная символика. Кострома : Редакционно-издательский отдел Костромской областной думы, 2008. 120 с.
21. *Пастуро М.* Геральдика. М. : АСТ, 2003. 144 с.

22. *Росич Ю.* Региональная символика: в поисках идеологии. Регионы России: Ежегодник Московского центра Карнеги, 1999. С. 23—37. URL: www.geraldika.ru (дата обращения: 25.12.2019).
23. *Сапрыков В. Н.* Государственная символика регионов России. М. : Парад, 2004. 96 с.
24. *Слейтер С.* Геральдика : иллюстрированная энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / пер. И. Жилинской. М. : Эксмо, 2005. 264 с.
25. *Сметанников И. С.* Гербы и флаги субъектов Российской Федерации. М. : Всероссийское геральдическое общество : ООО Компания Ритм Эстэйт, 2003. 112 с.
26. *Соболева Н. А.* Российская областная и городская геральдика XVIII—XIX веков. М. : Наука, 1981. 264 с.
27. *Туник Г. А.* Современная российская геральдика как фактор отражения социально-политической специфики Российского государства. М. : Нота Бене, 2007. 432 с.
28. *Фрайер С., Фергюсон Дж.* Геральдика. Гербы — Символы — Фигуры / пер. с англ. М. Б. Борисова. 2-е изд., испр. М. : АСТ, 2011. 252 с.
29. *Шипунов В. А., Шипунова Г. Н.* Гербы и флаги современной Чувашии. Чебоксары : Чувашское государственное издательство, 2017. 288 с.
30. Heraldicum. URL: <http://www.heraldicum.ru/russia/index.htm> (дата обращения: 20.12.2019).

УДК 94(470.315) "1930/1931"
ББК 63.3(2)614-361

В. С. Околотин

ОПЕРАЦИИ ОРГАНОВ ОГПУ ПО ОПЕРАТИВНОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ РАСКУЛАЧИВАНИЯ В ИВАНОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ В 1930—1931 ГОДАХ

Статья посвящена исследованию участия полномочного представительства ОГПУ по Ивановской промышленной области в централизованных операциях по оперативному обеспечению раскулачивания крестьянства в 1930—1931 годах. Важное внимание уделено механизму их проведения, содержанию директив, а также требованиям ОГПУ к полномочным представительствам на местах. Исследуется результативность работы ивановских чекистов в ходе проведения операций, их стремление к расширению подходов при выявлении контрреволюционных элементов в сельской местности. Уделено внимание фактам нарушения советской законности при раскулачивании, степени реагирования сельского населения на выселение кулаков. В статье представлены новые сведения по истории Ивановской промышленной области в период построения плановой экономики, большинство архивных документов вводится в научный оборот впервые. Результаты данного исследования могут представить интерес для специалистов в области отечественной истории, региональной экономики и деятельности спецслужб.

Ключевые слова: коллективизация, раскулачивание, оперативные операции, органы ОГПУ, полномочные представительства, оперативные тройки, изъятие и выселение кулаков, результаты операций.

V. S. Okolotin

THE OPERATIONS OF OGPU ORGANS AIMED AT THE OPERATIONAL PROVISION OF THE DISPOSSESSION OF 'KULAKS' IN IVANOVO INDUSTRIAL REGION IN 1930—1931

The article is devoted to the research of the participation of the plenipotentiary representation of OGPU in Ivanovo industrial region in the centralized operations aimed at the operational provision of the dispossession of the peasantry. The attention is paid to the mechanism of the implementation, the content of the directives and also the requirements of OGPU to the plenipotentiary representations in regions. We research the effectiveness of the Ivanovo 'chekists' in the course of the implementation of the operations, their desire to reveal all the counter-revolutionary elements in the countryside. The attention is also paid to the facts of the violation of the Soviet laws during the dispossession process, the attitude of the rural population to the eviction of the kulaks. The article presents new information on the history of Ivanovo industrial region during the period of the state-run economy; lots of the archival documents are put into the circulation for the first time. The results of this research may be of interest for the specialists in the field of the national history, the regional economy and the activity of the special service.

Key words: collectivization, dispossession, operational operations, organs of OGPU, plenipotentiary representations, operational Troika.

© Околотин В. С., 2020

Переход советского государства к построению плановой экономики первоначально должен был осуществляться форме планового продуктообмена между государственной промышленностью и коллективизированным сельским хозяйством. Для этого было необходимо вытеснить частный капитал из всех сфер хозяйственной жизни. Если в городах этого удалось достичь в ходе реорганизации управления промышленностью, проведения кредитной и налоговых реформ, а также других мер, то в сельской местности в короткое время коллективизировать миллионы частных крестьянских дворов являлось сложной задачей. Несмотря на это ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение в два этапа осуществить в стране сплошную коллективизацию сельского хозяйства. Для достижения этой цели были задействованы административные ресурсы центра и регионов, усилены полномочия ОГПУ, прокуратуры и судов. Органам ОГПУ отводилась роль оперативного обеспечения раскулачивания советского крестьянства, выражавшаяся в изъятии по 1 категории, в том числе и на территории Ивановской промышленной области (далее ИПО), наиболее «злостных кулацких контрреволюционных элементов», осуждению их или выселению в отдаленные районы СССР.

Характер центральных директив в 1930 году

11 января 1930 года ОГПУ всем полномочным представительствам (далее ПП ОГПУ) направило директиву «О предоставлении срочной информации по вопросам начинающейся политики раскулачивания». От них требовалось в кратчайшие сроки сообщить о наличии агентурных разработок на организации, группировки и одиночек с окраской «кулацко-белогвардейские-бандитские элементы», а также о количестве следственных дел и лиц, проходящих по ним [8, с. 71].

О цели сбора такой информации не сообщалось, но позднее оказалось, что такие сведения были нужны ЦИК и СНК СССР для принятия 1 февраля 1930 года постановления «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». Согласно его содержанию на органы ОГПУ была возложена задача оперативного обеспечения выселения бывших помещиков, кулаков в отдаленные районы страны, пресечения деятельности всех кулацких антисоветских организаций и групп, а также борьбы с вооруженными кулацкими выступлениями и бандитизмом. 4 февраля 1930 года Президиум ЦИК предоставил ОГПУ право на время проведения операции по борьбе с кулачеством делегировать свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел полномочным представительствам.

При этом следует сказать, что ИПО, входившая вместе с Московской областью (МО) в промышленную часть Центральной России была отнесена к «группе III В», где сплошная коллективизация в 1930 году не предполагалась. Тем не менее, и здесь ПП ОГПУ были нацелены на действия по изъятию и выселению кулаков отнесенных к 1 категории. Об этом свидетельствует ряд директив, расположение которых в хронологическом порядке позволяет отразить ход операции по оперативному обеспечению полпредством ОГПУ раскулачивания на территории ИПО.

Первой из них стала директива республиканским и местным ПП ОГПУ № 3376 от 6 февраля 1930 года «О максимально организационном и плановом обеспечении операции по выселению кулаков», подписанная зам. председателя

ОГПУ С. А. Мессингом. От полномочных представителей ОГПУ на местах он потребовал обеспечить организованное проведение операции, строго руководствоваться установленными цифрами и не выходить за их пределы. Операцию планировалось осуществить в течение трех месяцев с февраля по апрель 1930 года. В ходе ее проведения сотрудникам ПП ОГПУ предписывалось соблюдать строгую классовую линию и наносить удар лишь «по наиболее злостным, активным и действующим кулацким контрреволюционным элементам». Работу троек, особенно при применении ими высшей меры наказания (ВМН), надлежало строить только в отношении особо активных и неисправимых кулацких лидеров. Одновременно требовалось усилить агентурную работу с тем, чтобы «всемерно обеспечить районы от возможных эксцессов, выступлений» и т. д. ПП ОГПУ также предлагалось срочно рассчитать план перевозок в течение все срока проведения операции, а также улучшить информационную работу о «политсостоянии» в районах, происшествиях и реализации важнейших дел. На руководителей ПП ОГПУ была возложена личная ответственность за количество арестованных и выселяемых, их причастность к контрреволюционным кулацким организациям, группировкам, бандам и т. д. [8, с. 151].

8 февраля 1930 года зам. председателя ОГПУ Г. Г. Ягода направил республиканским и местным ОГПУ, в том числе и «ПП ОГПУ в г. Иваново-Вознесенск» телеграмму № 488. В ней он, отвечая на запросы с мест, уточнил, что срок и порядок выселения для ПП ОГПУ, не вошедших в первую группу, «будет решен 21 февраля, после чего будут даны указания». Одновременно он рекомендовал не приостанавливать операции по 1 категории, вести их особенно тщательно, а в отношении 2-й категории «проводить лишь подготовительную работу» [8, с. 160—161].

25 февраля 1930 года ОГПУ своей директивой № 538 уже разъяснял полномочным представительством о том, что выселению не подлежат красные партизаны, а также участники гражданской войны, имевшие ранения или другие заслуги. Исключение составляли лишь те из них, которые превратились в кулаков, осуществляли активную борьбу с коллективизацией и участвовали в контрреволюционных группировках. Каждый факт такой репрессии надлежало рассматривать совместно с местными партийными органами [8, с. 163].

1 марта 1930 года Г. Г. Ягода и Е. С. Евдокимов направили на места очередную директиву, в которой разъясняли позицию органов в отношении семей кулаков, не имевших трудоспособных членов. Подчеркивалось, что они выселению на Север не подлежат и в эшелоны включаться не должны. Семьи, выселенные без соблюдения этого требования, подлежали возвращению обратно к местам жительства. Там же отмечалось, что в «указаниях по партийной линии» имелось разрешение оставлять женщин и детей выселяемых кулаков при согласии местных органов власти на прежних местах жительства. ПП ОГПУ было предложено проследить «за соответствующим использованием этого условия» [8, с. 212].

30 марта 1930 года всем ПП ОГПУ из центра было направлено указание «Об усилении внимания к вопросам организации переселения кулаков 3-й категории». В нем отмечалось, что указанная категория кулаков подлежала только внутреннему переселению в пределах соответствующего округа, области и края. В указании признавалось, что данная работа на местах «ведется хаотически, без всякой организованности, плановости, контроля

со стороны окружных и районных органов советской власти». Кулаки этой категории и их семьи выселялись повсеместно постановлениями сельских сходов и советов, выдворялись за пределы населенного пункта и в дальнейшем целиком и полностью были предоставлены только себе. В итоге за счет них образовывались группы бродячих кулаков, с женщинами, детьми, «нередко полураздетых, кочующих по районам» и как следствие «ведущих антисоветскую агитацию, пополняющих уголовные и политические бандшайки» и т. д.

Далее в указании отмечалось, что при наличии «перегибов, искривлений и головоутиств на местах» в число таких лиц попадали отдельные середняки, бедняки, бывшие красноармейцы и т. п. Там же признавалось, что органы ПП ОГПУ никакой работы среди данной категории кулаков не проводят, в силу чего не владеют обстановкой и не могут представить соответствующую информацию в ОГПУ. Для исправления сложившегося положения им было приказано немедленно заострить вопрос о внутренних переселениях перед местными парторганизациями. Добиться от них «дачи на места твердых директив, обеспечивающих четкую организацию этого дела, строгий контроль и ответственность соответствующих органов власти». Требовалось также предпринять решительные действия не только по немедленному устранению извращений при неправильном выселении, но и добиться возвращения на места всех явно неправильно выселенных [8, с. 216—217].

7 апреля 1930 года ОГПУ за подписью Г. Г. Ягоды всем ПП ОГПУ направило очередное указание «Об устранении перегибов при проведении операции по кулачеству». В директиве утверждалось, что «операция, проведенная в течение последних двух месяцев органами ОГПУ по кулацко-белогвардейской контрреволюции на селе, в основном дезорганизовала контрреволюционную работу кулацкой верхушки. Там же признавалось, что хотя органы ОГПУ «предотвратили попытки вооруженных контрреволюционных кулацких выступлений», в ряде случаев оперативные действия проводились в условиях острых протестных событий. Это в свою очередь приводило к расширению контингента арестованных за счет середняков и даже бедняков «спровоцированных кулацко-белогвардейским элементом». В этой связи указание нацеливало ПП ОГПУ немедленно освобождать указанных лиц. При этом требовалось добиться такого положения, чтобы в тюрьмах находился исключительно «кулацко-белогвардейский элемент». Следствие по делам арестованных кулаков приказывалось ускорить, дела рассматривать в тройках с таким расчетом, чтобы разгрузить тюрьмы не позднее 1 мая. При проведении следствия требовалось обеспечить четкую классовую линию и ВМН применять только по «кулацким контрреволюционным белогвардейским и бандитским элементам». Среднякам и беднякам даже если они активно возглавляли контрреволюционную повстанческую работу или участвовали в бандах, рекомендовалось ее заменять 10 годами исправительно-трудовых работ. В дальнейшем ПП ОГПУ аресты середняков и бедняков, спровоцированных кулачеством, предлагалось допускать только в крайних случаях, когда их контрреволюционная деятельность была установлена и когда «оставление на свободе является действительно опасным. Для этого было решено все одиночные аресты осуществлять лишь с утверждения начальников окружных областных отделов, а массовые операции — с предварительного согласия ОГПУ» [8, с. 217—218].

Таким образом, в ходе проведения операции по оперативному обеспечению раскулачивания ОГПУ под воздействием складывающейся на местах практики было вынуждено вносить различные коррективы в ранее данные установки, а в ряде случаев усложнять процедуру их реализации.

Выполнение центральных директив ПП ОГПУ по ИПО

Разумеется, директивы центра были приняты ПП ОГПУ по ИПО к неукоснительному исполнению. В начале февраля 1930 года в нем была организована «опертройка» в составе заместителя полпреда ОГПУ по ИПО М. Д. Бермана, помощника начальника СОУ И. В. Штейна и начальника ОО-КРО А. П. Бубеннова. В окружных отделах ПП ОГПУ по ИПО были созданы аналогичные «тройки». Для усиления оперативных групп в Иваново-Вознесенске было мобилизовано из «чекистского запаса» 20 человек, а в округах по 10 человек. Оплата мобилизованных из запаса чекистов была возложена на организации, в которых они работали [7, с. 177].

7 февраля 1930 г. обком ВКП(б) ИПО направил секретарям окружкомов указание, в котором отмечалось, что вся работа по ликвидации контрреволюционного актива по 1 категории возлагается на органы ОГПУ и проводится ими. В отношении же кулаков, выселяемых из ИПО или расселяемых внутри ее, рекомендовалось составлять списки кулацких хозяйств (2-я категория), которые на основании решений собраний колхозников, батраков и бедняков должны были утверждаться окружными исполкомами. Аналогичный порядок применялся и к кулацким хозяйствам 3 категории, подлежащих расселению в пределах округов [1].

О результатах деятельности троек на территории ИПО можно судить по аналитическим документам ОГПУ. Так, в обобщенной справке ОГПУ «О количестве изъятого контрреволюционного элемента по ликвидированным контрреволюционным организациям и группировкам в связи с проводимой операцией по кулачеству» были приведены первые данные по состоянию на 15 февраля 1930 года. В области было арестовано 1754 человек и ликвидировано 3 группировки [8, с. 109]. В другом документе, а именно в сводной спецсводке № 2 СОУ ОГПУ «об операциях по кулачеству» за время с 31 января по 16 февраля 1930 года, эти данные были детализированы. В частности, отмечалось, что были арестованы 1105 кулаков, 22 середняка, 3 бедняка, 202 церковника, 118 бывших людей, 8 служащих, 2 рабочих и 294 человека прочих. У арестованных были отобраны 1 винтовка и 150 штук патронов [8, с. 114].

В оперразведсводке № 4 СОУ ОГПУ о ходе «операции по контрреволюционным кулацко-белогвардейским и бандитским элементам» по состоянию на 17 февраля 1930 года также содержалась информация о деятельности ПП ОГПУ по ИПО. В ней отмечалось, что за отчетные 5 дней арестовано 856 чел., в том числе 73 чел. по 4 контрреволюционным группировкам. Кроме того были приведены примеры из деятельности ПП ОГПУ по ИПО. Так, в Киржачском районе Александровского округа была ликвидирована «поповско-кулацкая к/р группировка, создавшая общество хоругвеносцев», при обыске у одного из ее руководителей была найдена винтовка и 150 боевых патронов. Всего арестовано 24 человека. В Писцовском районе Шуйского округа была ликвидирована кулацкая контрреволюционная группировка во главе со священником, устраивавшая подпольные собрания с выставлением караула и ведшая систематическую агитацию в целях срыва мероприятий. По ней

были арестованы 22 человека. В Некоузском районе Рыбинского округа ликвидирована группа кулацкой молодежи. Она устраивала нелегальные собрания, скупала оружие, подготавливала ограбление кооператива. При обыске изъято оружие и 34 экз. листовок.

В Кинешемском округе в с. Решма-Нагорная и Суворово ликвидирована кулацкая контрреволюционная группировка, которая в течение ряда лет вела открытую систематическую контрреволюционную агитацию. С началом коллективизации она активизировала свою деятельность, стала противодействовать колхозному движению, призывать население к выступлению, распространять среди него провокационные слухи о закрытии церквей и т. д. По данному делу арестовано 24 человека [8, с. 188].

Спецсводка № 28 «об операциях по кулачеству» на 28 февраля 1930 г. содержит новые данные о деятельности ПП ОГПУ по ИПО. В частности, по состоянию на 28 февраля 1930 года в ИПО были арестованы уже 3209 человек. Из них кулаков и церковников — 2525 человек, бывших людей — 170, середняков — 32, бедняков — 4, рабочих — 3, сведений нет на 451 человек. Ликвидировано 208 группировок, арестовано по ним 500 человек, изъято оружия 74 единицы, патрон 146 штук [8, с. 119]. То есть за 11 дней февраля 1930 года ивановскими чекистами были вскрыты и разоблачены более 200 группировок.

В спецсводке № 62 «об операциях по кулачеству» на 7 апреля 1930 года отмечается, что в ИПО по 1 категории были арестованы уже 4939 человек. Из них: кулаков, торговцев и заводчиков — 3385, церковников — 675, бывших людей — 278, середняков — 149, бедняков — 9, кустарей — 139, служащих — 70 и сведений нет на 237 человек. Всего ликвидировано 160 группировок, по ним арестовано 1818 человек [8, с. 134]. Согласно спецсводке № 68 по состоянию на 24 апреля эта цифра возросла до 4962 человек. Увеличение произошло по арестованным одиночкам, число которых составило 3164 человека [8, с. 140].

В целом операция органов ОГПУ по оперативному обеспечению раскулачивания с февраля по апрель 1930 года была признана успешной. В справке ИНФО ОГПУ от 17 мая 1930 года были подведены предварительные итоги раскулачивания с указанием количества ликвидированных хозяйств, стоимости конфискованного у них имущества, а также фактах нарушений ревзаконности. Согласно указанной справке в ИПО было раскулачено 5566 хозяйств. При этом из изъятого у них имущества была учтена только половина на сумму 5 116 409 руб., подсчет другой части (лежащего на складах, описанного, но не изъятого) имущества продолжался [8, с. 350]. Большинство изъятого имущества было передано в пользование колхозов, а все ценности финансовым органам в покрытие налоговых недоимок. Незначительная часть кулацких домов была передана в пользование земельным обществам [8, с. 352]. По области было зарегистрировано более 600 фактов нарушения ревзаконности. В частности, незаконно лишены избирательных прав 176 человек, незаконно раскулачено 2609 хозяйств в большинстве середняцких. Кроме того с января 1930 года по области были закрыты 774 из 2460 церквей, в ряде районов закрывались все приходы. В результате за допущенные нарушения были преданы суду 288 работников, сняты с работы 140 и привлечены к партийной ответственности 12 человек [8, с. 348].

В дальнейшем число раскулаченных крестьянских хозяйств по области не менялось. По состоянию на 10 декабря 1930 года оно по-прежнему составляло

5566 хозяйств. Из них по 3 категории были раскулачены 2000 семей и 3566 (неточные данные) остались в области [8, с. 534].

Из приведенных данных следует, что основной упор в оперативном обеспечении раскулачивания на территории ИПО делался на выявление контрреволюционных группировок. Резкое увеличение их числа в течение короткого времени труднообъяснимо. По всей вероятности того требовал центр и ПП ОГПУ по ИПО стремилось соответствовать его требованиям. Отсутствие сведений на значительное количество арестованных или отнесение их к категории бывших может свидетельствовать об отсутствии должного учета и контроля со стороны ПП ОГПУ за арестами на местах. Аресты полпредством торговцев, заводчиков, церковников и других категорий населения говорит о его выходе за пределы установленной задачи и преднамеренном расширении базы противников коллективизации проводимой в стране.

Характер центральных директив в 1931 году

2 января 1931 г. СОУ ОГПУ разослало на места секретную директиву, в которой предписывалось к 15 апреля «в совершенно секретном порядке» провести полный учет кулацких семей. Кроме того, местные органы нацеливались на выявление, учет и наблюдение за кулаками, скрывшимися из деревни и осевшими в городах [7, с. 178]. В связи с этим можно полагать, что как и в 1930 году органы ОГПУ были задействованы в получении исходной информации для принятия правительством соответствующего решения. Им стало постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1931 г, в котором провозглашался курс на сплошную коллективизацию в целом ряде потребляющих районов страны.

К числу первых документов ОГПУ по оперативному обеспечению раскулачивания в 1931 году следует отнести директиву под названием «Материалы по вопросам о кулацкой контрреволюции на 1 февраля 1931 года». Необходимость удара по кулаку в ней объяснялась усилившейся контрреволюционной кулацкой активностью и предстоящей «новой крупной волной коллективизации». В основных зерновых районах ее планировалось довести до 80 %, а районах потребляющей полосы коллективизировать от 20 до 25 % крестьянских хозяйств. По сравнению с предыдущей операцией основное внимание в операции 1931 года предполагалось сосредоточить на выселении 100 тыс. кулацких хозяйств отнесенных ко 2 категории. В их состав планировалось включить и семьи тех, кто в 1930 году был изъят в порядке очереди. Выселяемых кулаков, как специальных переселенцев, в правовом отношении предлагалось приравнять к осужденным в ссылку с лишением всех избирательных прав и использовать на основе принудительного труда [8, с. 589—595]. Это были подготовительные меры к новому этапу насильственной коллективизации.

15 марта 1931 года Г. Г. Ягода и Е. Г. Евдокимов направили местным органам ОГПУ телеграмму «О проведении массовой операции по выселению кулаков» с мая по сентябрь 1931 года. В числе неотложных действий для выполнения этого указания требовалось не позднее 10 апреля 1931 года представить в СПО ОГПУ количество кулацких семей подлежащих высылке за пределы области, оперативные соображения по проведению операции, потребность в финансовых ресурсах и т. д. [8, с. 657].

Ход проведения операции в 1931 году и ее результаты

28 марта ПП ОГПУ по ИПО направило всем начальникам горотделений совершенно секретную телеграмму, в которой приказывалось приступить не только к ликвидации в деревне всех агентурных разработок, но и «начать изъятие» лиц, которые по свидетельским показаниям могли быть причастны к антисоветской деятельности. При этом под персональную ответственность местных руководителей ОГПУ требовалось соблюдать классовую линию: «Середняков и бедняков арестовывать и привлекать к ответственности исключительно по делам о массовых выступлениях, терактах и антисоветских листовках и только в тех случаях, когда доказана их руководящая и исполнительная роль. Проходящих по групповым делам середняков и бедняков арестовывать, оперативно разлагать и максимально использовать как свидетелей, частично вербуя в спец. осведомы». Данную операцию предполагалось завершить к 25 апреля и не распространять на город, где массовое изъятие «антисоветского элемента» проводить не планировалось [7, с. 179]. К сожалению, данных о проведении этой фазы операции получить не удалось. Возможно, она носила лишь характер накопления данных, о количестве кулаков подлежащих раскулачиванию. Об этом свидетельствуют списки кулацких хозяйств, состоявших на учете в структурных подразделениях ПП ОГПУ по ИПО и хранящиеся в настоящее время в Государственном архиве Ивановской области [2].

В докладе на пятом объединенном пленуме обкома ВКП(б) и областной контрольной комиссии ИПО 10 апреля 1931 г. секретарь обкома ВКП(б) Н. Н. Колотилов заявил следующее: «Мы должны ударить по кулаку и пойти на репрессии вплоть до высылки значительного количества кулацких хозяйств из пределов области, опираясь на общественное мнение деревни, бедняцких и середняцких масс» [3, с. 194]. В этот же день состоялось бюро обкома ВКП(б) ИПО под председательством Н. Н. Колотилова, на котором было заслушано сообщение полпреда ОГПУ по ИПО Г. А. Молчанова о выселении с территории ИПО 8 тыс. кулацких хозяйств. Предложение было принято единогласно [3, с. 195].

19 мая 1930 года на заседании бюро обкома ВКП (б) вновь слушалось сообщение Г. А. Молчанова. Из-за проблем в организации расселения численность кулаков, предложенных им к выселению, сократилась до 5 тыс. хозяйств. По решению бюро в райкомы ВКП(б) и райисполкомы были направлены директивные указания о немедленном проведении широкомасштабной операции на территории всех 64 районов области. Для оказания им помощи в проведении операции обком ВКП(б) тогда же утвердил список уполномоченных в количестве 61 человека [3, с. 195].

Сохранились документы, постановления, протоколы экстренных заседаний бюро райкомов ВКП(б) с грифом «совершенно секретно», докладные записки уполномоченных обкома и облисполкома, контролировавших проведение операции на местах. Операция началась 19 мая 1931 г. одновременно по всей территории ИПО и осуществлялась в два этапа. Вначале были приняты меры к изъятию глав кулацких хозяйств и трудоспособных мужчин, изоляции их на сборных пунктах, а несколько дней спустя — членов их семей. В помощь сотрудникам органов ОГПУ «по изъятию, охране, конвоированию кулаков из районов» организовывались отряды из числа членов партии и комсомольцев. Сборные пункты были организованы в Иваново-Вознесенске,

Владимире, Ярославле, Костроме, Кинешме, Александрове и Рыбинске [3, с. 195].

В докладной записке уполномоченного по Брейтовскому району Семёнова данные события излагались следующим образом: «Району была дана контрольная цифра 100. Район же спустил по сельсоветам персональные списки на 146 человек, числящихся на учете выявленных заранее кулаков. В действительности же оказалось, что из 146 человек, указанных в списках, находятся или в отъезде на различных заработках, или уехали с семьями в города Ленинград и др. 81 человек, причем в оставшихся семьях не оказалось трудоспособных членов, которые могли заменить, согласно инструкции, глав семей. Таким образом, вместо 146 человек были взяты в ночь на 21 мая всего 59 человек, которые и были отправлены в Рыбинск. Райорганизации оказались перед фактом невыполнения разрядки, установленной областью». В процессе спешной работы по дополнительному выявлению кулаков в Брейтовском районе было изъято еще 13 человек. «Однако из первой и второй партий посланных в Рыбинск 72 глав семей Рыбинским фильтром были отсеяны 47 человек». Одной из причин отсеивания глав кулацких семей стало то, что местные организации в стремлении любой ценой выполнить установку области не учитывали возраст выселяемых, который в отдельных случаях достигал 67, 70 и 78 лет [4, с. 60—61].

Организационные издержки имели место и на сборных пунктах. В частности, на сборный пункт г. Александрова с 19 по 28 мая 1931 г. из четырех близлежащих районов были доставлены 336 крестьян. Из них по различным причинам были отсеяны 92 и направлены в ПП ОГПУ по ИПО 232 человека. После изъятия кулаков к прибытию на сборный пункт Александрова ожидалось еще около 400 человек членов их семей. Отправка кулацких семей из Александрова была намечена на 6 июня. По подсчетам уполномоченных Смирнова и Сосновикова, работавших в районе, для транспортировки людей и вещей из расчета 30 пудов груза на одну семью, а также вещей, оставшихся от ранее высланных глав семей, требовалось не менее 13 вагонов. Однако ПП ОГПУ по ИПО выделил для этих целей только два вагона. О возникших трудностях уполномоченные срочно информировали обком ВКП (б), с горечью отмечая, что «такое распределение вагонов и отпуск их не выдерживает никакой критики и может сорвать работу». К назначенному сроку состав все же был сформирован, и «6 июня в 6 час. вечера погружено и отправлено эшеломом 220 человек членов семей, из коих трудоспособных — 90, нетрудоспособных взрослых — 29, детей — 102» [4, с. 61]. Всего же согласно сводке № 9 особого отдела ОГПУ по состоянию на 28 июня 1931 года с территории ИПО в Уральскую область для строительства Магнитогорского металлургического комбината прибыло 11 эшелонов с 3655 семьями в количестве 18020 человек [6, с. 255].

Операция по выселению кулацких семей имела серьезный резонанс среди крестьянства. В докладных записках уполномоченных подчеркивалось, что вступление крестьян в колхозы и организация новых после проведения операции повсеместно усилились. На 1 июля 1931 г. коллективизированные хозяйства в области составили 39 % от общего их количества [5, с. 346].

Таким образом, реализуя центральные указания, ПП ОГПУ по ИПО в 1930—1931 годах провело две операции по оперативному обеспечению раскулачивания. Как и в других регионах его полномочия были значительно усилены. Созданная при ПП ОГПУ тройка могла выносить и выносила решения

о применении ВМН к наиболее активным противникам коллективизации и раскулачивания. Их отнесение к различным категориям населения говорит о расширенном толковании полпредством ОГПУ указаний центра. В итоге в 1930—1931 годах в ИПО при содействии ПП ОГПУ было раскулачено свыше 8,5 тыс. крестьянских хозяйств и выселено за пределы области по неполным данным более 18 тыс. человек. Такие действия со органов ОГПУ способствовали не только вытеснению частного капитала из сельского хозяйства, оказанию на крестьян побуждающего воздействия при их вступлении в колхозы, но и построению плановой экономики форме продуктообмена между городом и деревней.

Список литературы

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.П.-327. Оп. 4. Д. 27. Л. 114—116.
2. ГАИО. Ф.Р.-1698. Оп. 1. Д. 17. Т. 1. 378 с. ; Т. 2. 363 с.
3. *Околотин В. С.* Роль прокуратуры, судов и ОГПУ в реализации налоговой политики на территории Ивановской промышленной области (ИПО) (1929—1933 гг.) // Известия высших учебных заведений. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 3, Т. 2. С. 191—199.
4. *Околотин В. С.* Власть и налоги (1929—1936 гг.). Иваново : Русский Манчестер, 2002. 238 с.
5. *Околотин В. С.* Ивановская промышленная область (1929—1936 гг.). Уроки экономической истории. Иваново : ИГТА, 2009. 528 с.
6. *Околотин В. С.* Деятельность Наркомфина СССР по разработке и реализации налоговой политики в 1928—1941 гг. (по материалам Центральной России). Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. 576 с.
7. *Рыжиков А. В., Околотин В. С., Олейник О. Ю., Точенов С. В.* Из истории органов государственной безопасности в Ивановской области (1918—2018 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. Иваново : Наша Родина, 2019. 576 с.
8. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939 : документы и материалы : в 4 т. Т. 3. 1930—1934 гг. Кн. 1. 1930—1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 864 с.

УДК 94(450) "5"
ББК 63.3(4Ита)4-283.2

В. М. Тюленев

К ВОПРОСУ О БИБЛИОТЕКЕ ВИВАРИЯ

В статье рассматривается одна из первых, предпринятых на позднеантичном Западе попыток создания монастырской библиотеки, в Виварии Кассиодора. Библиотека Вивария показана в статье как основа теологической школы, которую попытался организовать Кассиодор в VI в. в Италии. В статье освещаются следующие вопросы: источники для книжного собрания библиотеки, мероприятия по пополнению ее фондов, наличие в монастырской библиотеке книг языческих авторов, а также сочинений еретиков, использование греческих рукописей, принципы работы с книгами, в том числе копирование, исправление текстов, создание новых толкований библейских книг.

Ключевые слова: Кассиодор, Виварий, монастырь, монастырская библиотека, римская школа.

V. M. Tyulenev

ON THE QUESTION OF VIVARIUM'S LIBRARY

The article considers one of the first Late Antiquity attempts to create a monastic library — in Vivarium of Cassiodorus. The library of Vivarium is shown as the base of the theological school Cassiodorus tried to create in Italy, in the sixth century. The following issues are studied in the article: the sources of the library book collection, measures to supplement its funds, availability of the books of pagan authors and heretics in the monastic library. Besides, such issues as the use of Greek manuscripts, principles of copying and correction of texts, creation of new Bible books exegeses are taken into consideration.

Key words: Cassiodorus, Vivarium, Monastery, Monastic Library, Roman School.

История христианских монастырей позднеантичного Запады обречена оставаться в значительной степени сокрытой от исследовательского взора, виной чему — и скудность источников, и отрывочность информации, передаваемой ими. В результате, мы обладаем весьма приблизительными знаниями даже о том, какие именно монастырские центры существовали в Западной Европе в V—VI вв., хотя и не вызывает сомнения, что практики аскетической жизни, пришедшие с Востока, вызвали немалый энтузиазм у христиан латинского Запады, что привело к появлению в Галлии, Испании, Италии как анахоретов, так и монашеских братий. Известно, что целый ряд прославленных в дальнейшем служителей Божиих, побывав в Сирии, Палестине и Египте и познакомившись там с жизнью киновитов и анахоретов, переносили этот опыт к себе на родину. В частности, благодаря этому начали свою жизнь масиллийские монастыри, заложенные Иоанном Кассианом. Но энтузиастами монашеской жизни становились и такие люди, как Мартин Турский, не покидавший после обращения в христианство Галлию и основавший обители в Мармутье и близ Тура, или такие, как основатель знаменитого Леринского

монастыря Гонорат Арелатский, когда-то вынужденный прервать свое паломничество на Восток, достигнув лишь Ахайи.

Зная об этих монастырях и о славе, заслуженной ими, мы тем не менее остаемся в неведении целого ряда особенностей их жизни. Не в последнюю очередь интерес вызывает вопрос о зримом присутствии в позднеантичном монастыре следов книжной культуры. Вопрос о книгах и библиотеках в монастырях того времени важен не только в связи с тем, что само христианство не мыслимо без Писания, без слова и книги, но и по той причине, что именно в период V — начала VI в. свой выбор в пользу ухода от мира делает немалое число представителей аристократических фамилий, традиционно выступавших носителями книжного знания и образования. Сколь бы решителен не был этот переход от мира к монашескому смирению, связи насельников монастыря с взрастившей их культурой не могли исчезнуть полностью. Наконец, поскольку необходимой частью средневекового монастыря выступают библиотека и скрипторий, то представляется важным обращение к первым опытам собирания книг в монастырях уже в эпоху поздней Античности и к методам работы с ними.

К счастью для нас история сохранила, по меньшей мере, один ярких образец монастыря середины VI в., в отношении библиотечного собрания которого у нас есть более или менее твердые знания. Речь идет о Виварии, основанном Магном Флавием Кассиодором примерно в 554 г. в Южной Италии [2, с. 114—124; 3, с. 124—132; 7, р. 177—211; 9, р. 34—39]. Сразу необходимо оговориться, что детище Кассиодора представляет нам опыт уникальный, который вряд ли может служить основанием для наших представлений не просто о монастырях того времени, но даже относительно немногих монастырских центров, где интеллектуальный труд оставался весьма значимым. Ведь известно, что задолго до Вивария работа с книгой велась в монастыре, основанном Мартином Турским. Как сообщает Сульпиций Север, монахи в этом монастыре не занимались никаким ремеслом, кроме переписывания книг (*ars ibi exceptis scriptoribus nulla habebatur*; Sulp. Sev. Vita Martini 10, 6). Также Цезарий Арелатский, основав в Арелате женскую обитель, вменил в обязанность сестрам переписывать книги: «...среди псалмов, постов, бдений и чтения девы Христовы также изящно переписывали божественные книги» (*inter psalmos atque ieiunia, vigiliis quoque et lectiones libros divinos pulchre scriptitent virgines Christi*; Vita Caes. I, 58). И тем не менее, несмотря на уникальность Вивария, даже знакомство с этим единичным случаем дает возможность расширить наши представления о церковной жизни в период становления средневекового мира на Западе.

Исключительность монастыря, основанного Кассиодором, состоит именно в том, что обитель должна была стать воплощением нереализованного и возникшего у Кассиодора еще в годы его государственной службы при дворе остготских королей замысла создать в Италии богословское учебное заведение, сравнимое со школами Александрии и Нисибии (*Cass. Inst. praef. 1*). Лихолетья войны между готами и Византией не позволили реализовать этот замысел, однако основание Вивария вполне можно расценивать как шаг в данном направлении. Важнейшей частью этого монастыря стала богатая библиотека, о фондах которой мы можем судить прежде всего по составленным Кассиодором для насельников этого монастыря «Наставлениям в науках божественных и светских». Это произведение, состоящее из двух неравных по объему частей, содержит в себе, по всей видимости, довольно полный перечень книг,

хранившихся в Виварии, и, что, пожалуй, самое важное, отражает те принципы работы с книгой, которым должны следовать монахи.

Естественно, ответить на все вопросы, касающиеся комплектования и функционирования этой библиотеки, на основе «Наставлений» невозможно. Все-таки это — дидактическое произведение, а не каталог библиотеки; к тому же, как мы увидим, Кассиодор надеялся обнаружить и передать библиотеке недостающие там книги, о пользе которых он знал. К тому же жизнь библиотеки была сопряжена с работой скриптория, а сами монахи, по замыслу Кассиодора, должны были выполнять не только «техническую» работу по переписыванию книг, но и самостоятельно комментировать Писание, поэтому фонд библиотеки мог постоянно расширяться. Также мы не знаем, каковы были принципы функционирования библиотеки: кто отвечал за хранение книг, как они выдавались, могли ли они передаваться за пределы монастыря, сколько было ящиков-шкафов с книгами. Кассиодор упоминает только особый шкаф (*armarium*) с греческими кодексами и не называет другие (*Cass. Inst. I, 8, 15*). Можно предположить, что в библиотеке хранились книги, которые цитирует в своих произведениях Кассиодор, но не вспоминает о них в «Наставлениях». Например, он прекрасно знал сочинения Вергилия, Теренция, Овидия, но не говорит о них в своем обращении к монахам, хотя и не отказывает им в знакомстве с другими классическими трудами римской словесности [9, p. 59].

Однако прежде чем говорить о самом книжном собрании, представляется важным коснуться вопроса о происхождении самой библиотеки Вивария. Исследователь творчества Кассиодора и его биограф Джеймс О'Доннелл предположил, что фундаментом библиотеки для римской богословской школы, о создании которой когда-то мечтал и сам Кассиодор, и папа Агапит, могла послужить книжная коллекция самого Агапита, но вряд ли она пережила готско-византийскую войну, но, даже если какие-то книги были спасены, вряд ли именно они составили основу библиотеки Вивария [7, p. 184]. Действительно, во второй книге своих «Наставлений» Кассиодор, где он дает советы по изучению музыки, упоминает латинский компендиум Альбина, сделанный на основе греческих сочинений Апулия, Эвклида, Птолемея по музыке, и пишет, что этот труд хранился в Римской библиотеке, но, возможно, теперь утрачен (*Cass. Inst. II, 5, 10*). Также не ясно, что случилось с библиотекой самого Кассиодора, которая была у него в Равенне, где он служил сначала Теодориху Великому, а затем его преемникам. Некоторые исследователи не отрицают возможной преемственности между равеннской библиотекой Кассиодора и книгами Вивария [8, p. 134]. Можно предположить, что, коль скоро монастырь был основан в родовом имении Кассиодора, то в распоряжении монахов оказались прежде всего книги из его виллы.

Зато из текста «Наставлений» ясно, что Кассиодором велась целенаправленная работа по поиску и собиранию книг для монастырской библиотеки. Во-первых, нужно напомнить, что, уйдя в отставку, Кассиодор отправился в Константинополь, откуда возвратился в Италию примерно в 554 г., привезя с собой полный сундук, или два, рукописей [7, p. 193]. Кроме того, отдавая себе отчет в том, что культурная обстановка в Италии претерпела серьезные изменения, следствием чего стало слабое знание греческого языка даже у представителей образованного круга, Кассиодор позаботился о переводе многих текстов на латинский язык. Так, например, по его просьбе «ученейший муж Муциан» перевел на латинский язык 34 проповеди Иоанна

Златоуста, составленные на «Послание евреям» (*Cass. Inst. I, 8, 3*). Другой знакомый Кассиодора пресвитер Беллатор перевел с греческого гомилии Оригена на книгу Ездры (*Cass. Inst. I, 6, 6*). Самым же активным переводчиком с греческого языка в окружении Кассиодора был, по всей видимости, Епифаний, который перевел не только не дошедшие до наших дней «Толкования на Притчи Соломоновы» Дидима Слепца (*Cass. Inst. I, 5, 2*) и его же толкования на семь апостольских посланий (*Cass. Inst. I, 8, 6*), но и «Церковные истории» Сократа, Созомена и Евагрия (*Cass. Inst. I, 17, 1*). Именно этот перевод послужил основой для написания Кассиодором знаменитой «Трехчастной истории», ставшей важнейшим церковно-историческим трудом для раннесредневековых монастырей Запада [1, с. 61].

Во-вторых, как уже говорилось, какие-то книги, из числа когда-то прочитанных им или просто ему известных, Кассиодор продолжал искать, уже вернувшись в Италию. Так, он признается, что слышал, будто Иероним Стридонский сделал толкование на «Книгу пророка Иеремии» в 20 книгах, но из них ему удалось отыскать лишь 6, в связи с чем он пишет: «остальные же мы все еще продолжаем с Господней помощью искать» (*Cass. Inst. I, 3, 3*). То же касалось и толкований Амвросия Медиоланского на послания ап. Павла, которые Кассиодор не смог найти, но, по его собственному признанию, продолжал усердно искать (*Cass. Inst. I, 8, 10*). Более того, собранная Кассиодором библиотека, по замыслу ее зачинателя, должна была и далее обогащаться книгами не только благодаря труду переписчиков, о чем мы еще скажем ниже, но и поиску книг самими насельниками обители. Кассиодор, касаясь толкований на книги пророков, признается, что, хотя ему известно о составленных Амвросием Медиоланским толкованиях на книги пророков, тем не менее он не смог их найти, а потому обращается к братии: «Я оставляю вам с великой ревностью искать их, чтобы преумноженное толкование сведущих [мужей] подарило вам богатое знание и счастливое спасение души» (*Cass. Inst. I, 3, 6*). В другом месте, вспомнив о трудах Велия Лонга, Курция Валериана, Папириана, Адамантия Мартирия по орфографии, которые могли бы помочь в работе с рукописями, он выражает надежду, что братьям удастся найти и другие книги, посредством которых может возрасти их знание в этом искусстве (*Cass. Inst. I, 30, 2*).

Обращаясь к самому книжному собранию Вивария, следует, конечно же, упомянуть в первую очередь тексты Священного Писания. Писание в библиотеке Вивария, естественно, было представлено в латинском переводе Иеронима Стридонского (*Cass. Inst. I, 21, 1*). По всей видимости, к середине VI в. авторитет Вульгаты на Западе был уже непоколебимым. Вряд ли в распорядке монахов Вивария были иные латинские переводы библейских книг. По крайней мере, Кассиодор даже не намекает на существование иных латинских версий Библии. Кроме латинского перевода Писания монастырь, безусловно, имел греческий перевод Ветхого Завета (Септуагинту) и книги Нового Завета. Необходимость греческого текста в таком монастыре, как Виварий, вполне сознавалась Кассиодором, который, ссылаясь на совет Августина, пишет, что «латинские кодексы Ветхого и Нового Завета при необходимости нужно исправлять, следуя авторитету греческих [кодексов]» (*Cass. Inst. I, 14, 4*). Для того, чтобы можно было прочитать Писание целиком, последовательно книгу за книгой, Кассиодор подготовил краткую версию латинской Библии, пандект, состоящий из 53 тетрадей по 6 листов каждая, то есть это был кодекс из 636 страниц с очень плотным текстом (*Cass.*

Inst. I, 12, 3). Также в библиотеке хранился пандект греческой Библии (*Cass. Inst. I, 14, 4*).

Более сложным является вопрос о наличии в библиотечном собрании Вивария еврейской Библии. Прямо об этом Кассиодор не пишет, однако в главе, где он дает советы переписчикам, он не только указывает на необходимость в сложных ситуациях справляться с греческим текстом, но и призывает «не отвергать еврейское Писание и его учителей, ибо подобает, чтобы откуда пришел к нам спасительный перевод, оттуда же пришло и верное исправление» (*Cass. Inst. I, 15, 11*). Эта фраза, оставленная Кассиодором, позволяет сделать довольно смелые предположение. Вполне возможно, что в Виварии пребывали люди, не только знавшие греческий язык (хотя бы они и не составляли большинства), но и способные читать еврейские книги. Впрочем, если из текста «Наставлений» становится очевидным, что библиотека Вивария имела целую подборку греческих книг, которые хранились в «восьмом шкафу» (*in octavo armario, ubi sunt Graeci codices congregatae; Cass. Inst. I, 8, 15*), то наличие книг на еврейском языке в библиотеке было не очевидным.

Самым грандиозным замыслом Кассиодора в рамках создания библиотеки было, судя по всему, издание Священного Писания с подборкой комментариев к каждому изданному кодексу. Он составил для Вивария гигантское издание всего Писания, разбив его на девять томов, где текст Вульгаты сопровождался отсылками к толкованиям на каждую из выделенных частей. Сначала (в первом томе) шел текст по Вульгате «Восьмикнижия», далее текст «Книг Царств», «Пророков», «Псалтири», «Книг Соломона», «Агиографов», Евангелий, Посланий апостолов, наконец, шли вместе тексты «Деяний апостолов» и «Апокалипсиса». Каждый кодекс помимо латинского Писания содержал перечень святоотеческих произведений с толкованиями к книгам, вошедшим в том. Список рекомендуемых толкований показывает, как широту, так и своеобразие познаний Кассиодора об опыте истолкования тех или иных Книг Ветхого и Нового Заветов. Так, издавая книгу «Бытие», Кассиодор предлагал читателю более углубленное знакомство с ней через такие разные сочинения, как «Беседы на Шестоднев» Василия Великого и полемическое сочинение Августина против манихеев, «Шестоднев» Амвросия и «Против ниспровергателя Закона и Пророков» Августина (*Cass. Inst. I, 1, 1–4*). Также в список толкований на «Бытие» попадает и «Исповедь» Августина. Кассиодор поясняет при этом: «В последних трех томах своей *Исповеди* Августин также рассуждал, предлагая истолкование, о *Бытии*, признавая величие вопроса, который столько раз он, вновь и вновь обращаясь к нему, разбирал» (*Cass. Inst. I, 1, 4*). Кроме трудов Василия Великого, Амвросия Медиоланского и Аврелия Августина упоминаются сочинения Иеронима Стридонского, Проспера Аквитанского, Оригена Александрийского, Беллатора.

Дальнейшее издание Священного Писания строится по тому же принципу. В томе, включающем Псалтирь, Кассиодор упоминает не только толкования Илария Пиктавийского, Амвросия Медиоланского, Иеронима и Августина, но и свой собственный труд: «И я по щедрости Господней кое-что написал об этой [книге псалмов], работая как обычно, от зари до зари, так что воистину исполнилось во мне то, что сказано у мантуанского поэта: “как гусь гогочу посреди лебединого пенья”» (*Cass. Inst. I, 4, 2*).

Отдельно Кассиодор дает в «Наставлениях» характеристику церковным писателям, прославившимся не только экзегетическими, но и нравоучительными, полемическими и пр. трудами. Так, он счел необходимым, чтобы

монахи имели знания по церковной и всемирной истории, а также по географии мест, упомянутых в исторических сочинениях (*Cass. Inst. I, 17; I, 25*). При этом в библиотеке помимо христианских трудов нашлось место книгам Иосифа Флавия, которого он называет вторым Титом Ливием, а также книгам Птолемея, чтение которых помогло бы монахам, призванным оставаться на одном месте, «обозреть душой то, что другие с большим трудом собрали в своих путешествиях» (*Cass. Inst. I, 25, 2*). Общий подсчет упомянутых Кассиодором церковных авторов позволяет заключить, что библиотека содержала более ста сочинений, принадлежащих, по меньшей мере, двадцати пяти церковным авторам, включая труды таких греческих писателей, как Ориген, Евсевий Памфил, Афанасий Александрийский, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Дидим и др.

Немаловажным представляется наличие в библиотеке трудов тех церковных авторов, чьи воззрения могли смутить православного читателя. Среди таких авторов особенно выделяется Ориген Александрийский, чьи гомилии на Восьмикнижие были представлены в библиотеке Вивария в переводе Иеронима Стридонского (*Cass. Inst. I, 1, 8*). Кассиодор прекрасно знал, что Ориген многими Отцами признается еретиком, а взгляды его подвергнуты критике как папой Вигилием, так и Феофилом Александрийским, Епифанием Кипрским, и тем не менее оставляет его труд в монастыре и, ссылаясь на авторитет Иеронима, говорит о важности для православного христианина некоторых идей великого александрийца. В то же время, чувствуя на себе ответственность за души насельников Вивария, Кассиодор в трудах Оригена специально «отмечал места, которые написаны им вопреки здравому смыслу и установлениям Отцов, чтобы не смог впасть в заблуждение тот, кто посредством такой пометы увидит, где следует остерегаться превратных суждений» (*Cass. Inst. I, 1, 8*). Также среди толкований на Священное Писание в библиотеке была работа донатиста Тикония об «Апокалипсисе». И вновь Кассиодор стремится показать, что далеко не все, сказанное еретиком, следует отвергать: «я в нужных, как мне кажется, местах (насколько я смог, просмотрев, отыскать) сделал пометку “полезные” (*chresimon*) к сказанному верно и “неприемлемые” (*achriston*) к сказанному дурно. Мы призываем так же и вас поступать в отношении подозрительных толкований, чтобы душа читающего не оказалась случайно приведена в замешательство из-за примеси нечестивого учения» (*Cass. Inst. I, 9, 3*). Наконец, являясь последовательным приверженцем Августина, Кассиодор не отказывает монахам в чтении трудов Иоанна Кассиана Римлянина, который разошелся с гиппонским Отцом в толковании вопроса о свободной воле и благодати Божией; более того, он призывает братию обязательно обратиться к Иоанну, как к автору наставлений для монахов (*Cass. Inst. I, 29, 2*).

Однако отношение к сочинениям, зараженным еретическим ядом, у Кассиодора все-таки разнится в зависимости от того, насколько сильная угроза исходит от того или иного еретического сочинения. Если тексты Оригена (в переводе) и преп. Иоанна Кассиана он оставляет монахам, сопровождая их пометами, то книгу толкований на тринадцать посланий ап. Павла, которая была неверно подписана именем папы Геласия, а на деле оказалась пропитана пелагианской ересью, Кассиодор попросту переделывает: «... чтобы еретическое заблуждение прогнать от вас прочь, я очистил, с какой только мог заботливостью, [толкование на] первое послание к римлянам, остальные... я оставил вам, чтобы исправлять их» (*Cass. Inst. I, 8, 1*). По всей видимости, в VI в.

угроза со стороны суждений Пелагия о свободной воле чувствовалась гораздо острее, чем со стороны оригеновских идей о всеобщем спасении или со стороны взглядов Иоанна Кассиана на роль благодати.

Любопытно, насколько библиотека Кассиодора была ориентирована на актуальные для монахов VI в. вопросы. Очевидно, что формирование основ христианского знания строилось на постижении глубинных смыслов Писания, отчего необходимым виделось знакомство монаха с различными подходами к истолкованию той или иной книги Библии, или ее части (как, например, рассказа о шести днях Творения). Для этого знакомства, как мы увидели, Кассиодор не страшится рекомендовать читателям даже «сомнительных» и откровенно опасных авторов. При этом он совершенно не упоминает целый ряд латинских авторов II—IV столетий, чистота суждений которых либо никогда не ставилась под сомнение, либо в литературном наследии которых были как произведения, написанные в период уклонения их авторов в ересь, так и произведения авторитетные и безопасные. Речь идет в первую очередь об апологетах. По всей видимости, Кассиодор уже ничего не слышал о Лактанция [7, р. 204], хотя свой труд (*Institutiones divinarum et saecularium litterarum*) называет по аналогии с сочинением этого знаменитого апологета нач. IV в. (*Institutiones divinae*). Нет среди книг библиотеки и трудов известных ересиологов Иринея Лионского и Тертуллиана. По всей видимости, полемика с язычеством к VI в. перешла на иной уровень и велась посредством сравнительно простых проповедей, что не требовало обращения к богатой риторической традиции, связанной с именами Лактанция и Арнобия. Не удивительно поэтому, что Кассиодор полемический труд Орозия, главной целью которого было обличение языческих времен, характеризует совершенно нейтрально, поясняя, что в нем сопоставляются языческие и христианские времена (*Cass. Inst. I, 17, 1*). Также и борьба с лжеименным гносисом стала частью уже пройденного Церковью пути, поэтому даже такой наставленный в христианской литературе человек, как Кассиодор, мог ничего не слышать о книгах против ересей Иринея или против Маркиона Тертуллиана.

На фоне «забвения» многих ранних церковных авторов, что в большей степени характеризовало не столько сознательную позицию Кассиодора, сколько саму эпоху, поставившую перед представителями интеллектуальных кругов новые вопросы, отчего значительный пласт христианской литературы оказался к VI в. утрачен, важным становится обращение Кассиодора к современным ему авторам. Это обращение, порой служившее данью дружеским отношениям, демонстрирует среди прочего осознание Кассиодором непрерывности в деятельности Церкви по утверждению и распространению истинной веры; эта общность усилий церковных авторов позволяет поставить в один ряд и обладающих безусловным авторитетом Амвросия и Августина, и мало кому известного Беллатора или более знаменитого (хотя и не уровня Августина или Иеронима) Дионисия Малого. Выбор современных авторов для того, чтобы рекомендовать их труды читателям, традиционно сложен и часто случаен. На этот выбор могут влиять самые разные обстоятельства. Так, Дионисий Малый заслуживает у Кассиодора не только упоминания, но и получает пространную, полную хвалы, характеристику во многом из-за личного знакомства. И именно Кассиодору мы знаем важнейшие подробности жизни Дионисия, о преподавании им диалектики, о его переводческой деятельности и др. (*Cass. Inst. I, 23, 2–4*). Также личное знакомство с Кассиодором обеспечило пресвитеру Евгиппию место для его книг в библиотеке

Вивария. Как признает сам Кассиодор, Евгиппий, «сделав для нашей родственницы Пробы, святой девы, выдержки из трудов святого Августина, [содержащие] рассуждения по весьма сложным вопросам, различные высказывания и выводы, собрал их в одном томе, разделив их на необходимые части, и уложил в 338 главы. Прочтешь этот кодекс, я думаю, весьма полезно, поскольку исполненный усердия муж смог собрать в одном томе то, что едва ли удастся найти даже в крупной библиотеке» (*Cass. Inst. I, 23, 1*).

Также в библиотеке были представлены труды еще одного друга Кассиодора — Беллатора, который выступил не только в роли переводчика, но и автора толкований на книгу Руфь (*Cass. Inst. I, 1, 9*), а также на книгу Товита, Есфирь, Юдифь, Макковеев (*Cass. Inst. I, 6, 4*). Насколько можно судить, идеи этого современника Кассиодора оказались не востребованы Церковью и до сего дня не дошли. На этом фоне удивительно, что Боэций, чьи труды вошли в сокровищницу философской мысли христианского Средневековья, представлен в перечне Кассиодора, а значит и в библиотеке, исключительно как толкователь на аристотелевские книги, переведенные Марием Викторинном (*Cass. Inst. II, 3, 18*).

Кассиодор, прежде всего благодаря Виварию, традиционно признается исследователями в качестве одного из создателей новой, средневековой цивилизации на мощном фундаменте античной культуры [4, р. 336—338; 5, р. 51; 6, р. 433—442; 7, р. 177]. Библиотека, содержание которой может быть хотя бы отчасти восстановлено на основе «Наставлениями» Кассиодора, поражает не только значительным для раннего Средневековья количеством книг, но прежде всего наличием в ней большого числа книг нехристианских авторов. Важно, что Кассиодор связывает эти книги с той или иной стороной монашеского служения.

Отдельную главу своих «Наставлений» Кассиодор посвящает книгам по медицине, подчеркивая при этом, что важнейшей составляющей монашеского служения является странноприимство и забота о здоровье ближнего (*Cass. Inst. I, 31, 1*). Для того, чтобы монахи Вивария достойным образом несли это служение, он оставляет в библиотеке книги Гиппократ и Галена, переведенные на латинский язык, «Гербарий» Диоскорида, «О медицине» Целия Аврелия (*Cass. Inst. I, 31, 2*). Также Кассиодор говорит о сочинении Гаргилия Марциала «О садах», в котором можно было найти немало советов, следование которым способно укрепить телесное здоровье (*Cass. Inst. I, 28, 6*). Кроме этого, Кассиодор сознает, что Виварий мог принять в себя насельников, далеких от тонкостей теологических вопросов, поэтому предлагает для них книги, посвященные не только садоводству, но и возделыванию полей, разведению пчел, голубей и рыб. Таким образом, среди книг библиотеки можно было встретить одноименные трактаты «О сельском хозяйстве» (*De re rustica*) римских авторов Луция Колумеллы и Рутилия Тавра Эмилиана Палладия (*Cass. Inst. I, 28, 6*).

Однако главный акцент Кассиодором сделан на интеллектуальном труде монахов, что вполне очевидно для монастыря, задуманного в качестве образовательного центра. Мы знаем, что заботой Кассиодора и, соответственно, монастырской братии было чтение, копирование и исправление книг.

Кассиодор является, пожалуй, первым создателем библиотеки, о котором известно, что он постарался максимально облегчить работу читателя с книгой, снабдив кодексы с трудами церковных писателей специальными пометами. При чем речь идет не только об уже упомянутых предостережениях

по поводу опасных суждений Оригена или Тикония, что, впрочем, также является важными маргиналиями в монастырских книгах, но о пометах, облегчающих чтение Отцов. Кассиодор не без гордости за себя пишет, что приготовил братии «подарочек» (*munusculum*) в виде помет, сделанных красными чернилами, указав в начале кодексов с толкованиями Отцов, используя при этом сокращения, где содержатся толкования на тот или иной раздел Писания: «мы сделали следующие пометы к толкованиям: на Восьмикнижие (*Octateuchi*) — OCT; другую — REG — на [Книги] Царств (*Regnum*); третью — PSL — на Псалтирь (*Psalterii*); четвертую — SAL — на Соломона (*Salomonis*); пятую — PROP — на Пророков (*Prophetarum*); шестую — AGI — на Агиографов (*Agiographorum*); седьмую — EV — на Евангелия (*Evangeliorum*); восьмую — AP — на Послания апостолов (*Epistulis Apostolorum*); девятую — AAA — на Деяния апостолов и Апокалипсис (*Actibus Apostolorum et Apocalypsi*). Я всегда надписывал их в начале кодексов, которые я смог специально просмотреть, чтобы вы могли точно знать, какие находятся в них тексты, даже если пытливым умом будете спешно просматривать отдельные страницы» (*Cass. Inst. I, 26, 1*).

Все эти пометы, по мнению Кассиодора, должны были не только помочь чтению, но и помочь в подготовке новых толкований Писания: «После этого... вам легче будет подражать самым надежным толкователям; и случится так, что из этого родится новый вид истолкования, самый что ни на есть яркий и изящный, и то, что наши предшественники, возможно, едва ли смогли разъяснить в комментариях своих, там в известной мере будет раскрыто» (*Cass. Inst. I, 26, 2*). Виварий явно задумался Кассиодором как центр теологической мысли, в котором бы происходило обобщение уже накопленного опыта и на основе этого рождение новых идей.

Если идея Кассиодора сделать монастырь богословским учреждением вряд ли могла найти широкий отклик в западноевропейском обществе VI в., то практика переписывания и исправления книг, которую утверждал Кассиодор, стала необходимым элементом жизни средневековых монастырей. Однако в организации копирования и исправления книг мало было полагаться на уже имеющийся образовательный уровень приходящих в обитель монахов, нужно было создать условия для обучения мало просвещенных и для углубления знаний насельников, уже имевших образование. Создавая учебный центр, Кассиодор позаботился дать монахам необходимые рекомендации по изучению семи свободных искусств, привнеся, таким образом, основы римской школы в монастырь и в христианскую педагогику [2, с. 114—124]. Это также потребовало привлечения книг, способных выступить в качестве своеобразных учебников по грамматике, риторике, диалектике, музыке, арифметике, геометрии и астрономии.

К VI в., конечно, уже были предприняты попытки со стороны самих христиан выступить наставниками в тех или иных свободных искусствах. Сам Кассиодор вспоминает, что Августин написал небольшое сочинение по грамматике, которое хранилось в библиотеке. Также и другой труд Августина «О христианской науке» мог быть прекрасным подспорьем при изучении риторики. Важное место в учебном процессе также должны были занять книги Марии Викторина, в том числе «Объяснение *Риторике* Цицерона». Однако предпочтение отдавалось прежде всего тем авторам, на основе чьих книг сам Кассиодор и его многочисленные современники постигали когда-то базовые для того времени науки. Экскурс в грамматику во второй книге «Наставлений»

Кассиодор строит на «Искусстве грамматики» Доната (*Cass. Inst.* II, 1, 1), небольшой раздел о риторике ориентирован преимущественно на Цицерона и Квинтиллиана; о диалектике — на Аристотеля и Порфирия; об арифметике — на Пифагора; о музыке — на Эвклида, Птолемея, Цензорина; о геометрии — на тех же Цензорина и Эвклида; наконец, об астрономии — на Варрона и Птолемея [3, с. 129—130].

Впрочем, привлечение в качестве учебников трудов Доната по грамматике или сочинений Цицерона и Квинтиллиана по риторике вряд ли грозило опасностью заразить монахов «языческим заблуждением». Довольно сухой материал справочного характера, составляющий значительный объем учебников по грамматике или риторике вряд ли мог нанести какой-то урон монашескому благочестию. В то же время эти тексты давали необходимые для христианина сведения о нормативной стороне латинского языка и, в конечном счете, позволяли через чтение уже Писания и святоотеческой литературы непросвещенному читателю начать свой путь к истине.

Если попытаться соотнести между собой так называемую светскую и святоотеческую литературу в библиотеке Вивария, то пусть и было очевидным превосходство церковной литературы, тем не менее представительство языческих авторов поразительно для монастыря. Кассиодор упоминает более 25 нехристианских авторов, чьи книги хранились в Виварии. При этом надо учитывать, что некоторые писатели были представлены не одним произведением. Например, в библиотеке было три сочинения Аристотеля, два — Цензорина.

Исправление и переписывание книг требовало от монахов не только общей школьной (или внешкольной) подготовки, но и специальных навыков. Так, Кассиодор предлагает монахам не забывать правил каллиграфов (*regulae atrigraphorum*) и читать книги знатоков орфографии (*Cass. Inst.* I, 15, 9–10). Однако главное содержание его советов переписчикам сводится к предостережениям от необдуманного приложения к Священному Писанию (в версии Вульгаты) правил латинской грамматики. Кассиодор намеренно дает пояснения о своеобразии библейского языка, особо говорит об идиомах, которые встречаются в псалмах, но противоречат правилам речи (*Cass. Inst.* I, 15, 2). Так, он приводит примеры: «слабы очи мои для слова Твоего» (Пс. 118:82), «к Тебе прилепилась душа моя» (Пс. 62:9), «изливайте пред Ним сердце ваше» (Пс. 61:9). Особо он говорит, обращаясь к переписчикам, что «не следует изменять те слова, которые, хотя порой и кажутся написанными вопреки человеческому искусству [грамматики], но защищены авторитетом многочисленных кодексов» (*Cass. Inst.* I, 15, 5). Кассиодор также замечает, что в Писании существительные или местоимения порой получают падеж или число, а глаголы — времена и наклонения вопреки грамматической норме. Так он вспоминает фразу из Псалтири: «блажен народ, у которого Господь есть Бог их» (Пс. 143:15), — в которой одно и то же существительное «народ», стоящее в единственном числе, выражено местоимениями, которые стоят в единственном числе («у которого») и во множественном («их») (*Cass. Inst.* I, 15, 6). Увещевая своих читателей, Кассиодор пишет: «Эти и им подобные [выражения], которых, как нам известно, весьма много, хотя они не встречаются в обычной речи, не следует исправлять, поскольку они, без сомнения, внушены святой властью» (*Cass. Inst.* I, 15, 2). Более того, чтобы кто из переписчиков не решился вдруг внести ненужные правки в священный текст,

среди особых помет, которыми Кассиодор снабдил кодексы, был и значок PP, которым обозначились идиомы Священного Писания (*Cass. Inst. I, 26, 2*).

Сохранение особенностей языка Писания важным было не только потому, что само Писание имеет небесное происхождение и потому не подчиняется грамматическим правилам, имеющим человеческое происхождение (*Cass. Inst. I, 15, 5*), но и потому, что имена, встречающиеся в Библии, содержат некую тайну, которую еще следует истолковать. Кассиодор, конечно, знал труд Иеронима по истолкованию еврейских имен и надеялся, что сокровенный смысл многих библейских имен и фраз еще будет раскрыт (*Cass. Inst. I, 15, 4*), а потому призывал переписчиков оставлять для пытливых умов библейские имена в исходной форме.

Подводя итог этому небольшому исследованию, следует сказать о значении библиотеки Вивария, которое трудно переоценить. Она представляла собой, пожалуй, крупнейшее книжное собрание на Западе поздней Античности, а многие книги из ее фондов со временем разошлись по Европе. Опыт же Кассиодора по составлению библиотеки указывает на потребность сформировать особый круг книг, состоящий прежде всего из святоотеческих сочинений, призванных стать основой для упрочения веры и формирования объема знаний, необходимого для воина Христова. Однако не менее важным было то, что в рамках библиотеки формировалось особое отношение к книге, отношение, предполагавшее поиск здравого зерна не только в святоотеческой, но и в языческой и даже еретической литературе; сама работа с книгой призвана была учить монахов отличать правду от заблуждения, полезное от опасного.

Список литературы

1. Сидоров А. И. Историческая книга во времена Каролингов в контексте книжной культуры франков (VIII—X вв.). СПб. : Гуманитарная академия, 2015. 320 с.
2. Тюленев В. М. Традиции римской школы и Виварий Кассиодора // Интеллигенция и мир. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2017. № 2. С. 114—124.
3. Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего Средневековья. М. : Наука, 1989. 320 с.
4. Courcelle P. Late Latin Writers and their Greek Sources. Cambridge : Harvard University Press, 1969. 488 p.
5. Dales R. C. The Intellectual Life of Western Europe in the Middle Ages. Leiden : Brill, 1992. 332 p.
6. Jones L. W. Influence of Cassiodorus on Medieval Culture // *Speculum*. Vol. 20. 1945. P. 433—442.
7. O'Donnell J. J. Cassiodorus. Berkeley : University of California Press, 1979. 303 p.
8. Richü P. Education and Culture in the Barbarian West. Columbia : University of South Carolina Press, 1976. 557 p.
9. Vukoviж M. The Library of Vivarium: Cassiodorus and the Classics. Budapest : Central European University, 2007. 86 p.

УДК 930.1
ББК 63.1(2)53

Т. В. Чугунова

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПОИСКИ РОССИЙСКИХ АНТИКОВЕДОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Поднимается вопрос о путях и духовно-нравственных поисках российских антиковедов с привлечением античных ценностей и идеалов, рецепции наиболее ценного в историческом наследии. Обосновывается их вклад в формирование высоконравственной и гуманной личности в гимназиях и университетах России второй половины XIX — начала XX века, раскрывается система методов и подходов в решении этой сложной задачи.

Ключевые слова: антиковеды, античность, духовность, образование, воспитание.

T. V. Chugunova

SPIRITUAL AND MORAL SEARCH OF THE RUSSIAN ANTIQUITY RESEARCHERS OF THE SECOND HALF OF THE 19th — THE BEGINNING OF THE 20th CENTURIES

In the article the question of ways and spiritual and moral search of the Russian antiquity researchers using antique values and ideals, the assimilation of the most valuable in historical heritage is brought up. Their contribution in formation of highly moral and humane personality in gymnasiums and universities of Russia of the second half of the 19th — the beginning of the 20th centuries is proved, the system of methods and approaches in the solution of this difficult task is revealed.

Key words: antiquity researchers, antiquity, spirituality, education, upbringing.

Русская школа антиковедения к рубежу XIX—XX веков стала органичной частью мирового антиковедения и принадлежала к числу ее лидеров. Благодаря своему междисциплинарному, синтетическому характеру, нахождению на стыке филологии, истории и археологии с примыкающим к ней искусствоведением российское антиковедение отвечало высокому уровню мировых требований к этой науке. Данный подход в изучении античного мира согласовывался также с отечественной гуманитарной традицией комплексного исследования феномена античности с акцентом на духовно-нравственные поиски.

В русле современной терминологии данная тенденция отвечает «новой культурно-интеллектуальной истории», направленной на изучение истории «в человеческом измерении». По мнению академика А. Ф. Лосева, академическое оперирование с источниками мало что дает, а применительно к античности тем более, так как, по его мнению, античность вырастает только на мирозерцательных выводах, на которых восстанавливается целое античное мировоззрение. И если ученый-гуманитарий не имеет никакого мировоззрения и никакого мирозерцательного вывода не делает, это плохой ученый [23].

Сегодня, также как и сто лет назад, переосмысление феномена античной культуры, ее вневременных культурных ценностей является одним из важнейших способов преодоления насущных проблем, достижения духовного роста. По мнению В. С. Библера, «...типологически различные культуры... втягиваются в одновременное и духовное пространство» [4, с. 32], в котором происходит «диалогическая встреча двух культур» и их взаимное обогащение (М. М. Бахтин).

В связи с этим обращение не только к академическому опыту российского дореволюционного антиковедения, но и к его интеллектуально-духовной, «человеческой» составляющей представляется актуальным и своевременным.

Российские ученые-антиковеды XIX века в полной мере обладали не только пониманием, но и своей системой подходов в рецепции наиболее ценного в историческом наследии. Как достигалось ими решение этой непростой задачи с помощью идеалов тысячелетней давности сформировать жизнеспособную систему нравственного воспитания и образования?

Необходимо вначале отметить, что идеалом русской гуманитарной интеллигенции XIX века являлась высоконравственная, самостоятельно и критически мыслящая личность. Эти качества человека были также центральными для теории и практики образования и воспитания в дореволюционной России, так как на их выработку и претворение в жизнь оказывала влияние научно-педагогическая интеллигенция. В этом было ее отличие от других слоев населения, ориентированных на утилитарные, профессиональные идеалы. Воспитательный идеал носил характер «научного идеализма» и абстрагированности представлений о добре и нравственности [5].

Поисками духовности отличались традиции восприятия античного наследия в России. Поэтому взглядам и деятельности ученых и преподавателей, профессионально занимавшихся античностью (не только «любительствующим»), были присущи позиции идеального, а не эмпирического. Этим объяснялось преобладание в их научном творчестве, несмотря на различие антиковедов по политическим взглядам, этнической принадлежности, научному менталитету («фактопоклонники» и «импрессионисты»), направлений антиковедных исследований (социально-экономический, политический аспекты и т. д.), симпатии и антипатии друг к другу, культурно-исторической детерминанты. Смысл ее заключался:

- в создании цельной картины эпохи с помощью сравнительного анализа и обширного исходного материала, использовании принципа историзма;
- выделении роли человеческой личности в истории;
- изучении психического строя личности и формирующейся на этой основе культуры (психологизирующая составляющая);
- присутствию морально-нравственной категории в исследованиях;
- идеализированном подходе в изучении античности.

Отход от привычных стереотипов отношения к прошлому, от исследования в «чистом» виде к нравственному восприятию был обусловлен:

во-первых, особенностью российского менталитета, имеющего в своем основании духовные приоритеты;

во-вторых, спецификой российской действительности (ее изолированность, отсутствие прочной традиции классического образования как системы (но не традиций античности!) на русской почве);

в-третьих, наличными потребностями российского общества и его искомым будущим;

в-четвертых, созвучием эллинской и римской образованности понятиям и требованиям, предъявленным к античности (это, прежде всего, специфика классической этической мысли — стремление обосновать мораль путем апелляции к представлениям о человеческой природе) российским интеллигентским сознанием.

Общей для российского антиковедения являлась также тенденция «стоять несколько в стороне» от различного рода пристрастий [7, с. 6]. Разделяя те или иные общественно-политические мнения, научные изыскания «всеобщих» историков, в том числе и антиковедов, в целом носили внеполитический, надклассовый, наднациональный, вневероисповедальный характер. Сфера свободного творчества духа в истории, «беспристрастная и внепартийная оценка результатов, достигнутых в результате исследований» — отличительная черта крупнейших ученых-историков второй половины XIX — начала XX века — П. Н. Кудрявцева, С. В. Ешевского, В. И. Герье, М. С. Корелина, И. М. Гревса [27, с. 23]. Нейтральной позиции антиковеды придерживались не только в научных исследованиях. В критические моменты жизни российского общества (революционная ситуация) им также она была присуща [2]. Данное качество ученых-классиков было проявлением определенной аполитичности большинства педагогов России дореволюционного периода. Подтверждением этого являются работы современного исследователя по истории учительства И. В. Сучкова. По его мнению, откровенная революционность не была свойственна подавляющему большинству учителей. Это объяснялось, по его мнению, тем, что разрушительные революционные процессы противоречили специфике их деятельности. Учительство как часть интеллигенции с большим чувством ответственности относилось к общественно-педагогической работе, формированию знаний у воспитанников. Поэтому учителя, находившиеся на государственной службе, предпочитали законные формы выступлений [29].

Важной особенностью, которая отличала антиковедов не только от западноевропейских, но и отечественных ученых-историков, занимающихся иной исторической проблематикой, на наш взгляд, являлось проникновение духа античности в самих исследователей. Пребывая в атмосфере антиковедных занятий, историки становились личностями, выделявшимися среди своих коллег высокими духовными качествами. Резонно заметить, что далеко не все из них заслуживали наивысшей оценки. Например, С. А. Жебелев, характеризуя Ф. Ф. Соколова как выдающегося антиковеда, ссылается на характеристику, данную ему профессором М. И. Касторским и высказанную В. С. Григорьевым в книге «Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования», вышедшей в 1870 году. Известный ученый предстает, с их точки зрения, как человек, который мало содействовал развитию «вкуса к историческим занятиям, ...несмотря на обширные его начитанность и основательность классического образования» [16, с. 5]. Однако более справедливым является тезис, обосновывающий общие черты, характерные для антиковедов, выделяющий их среди других. Современники подчеркивали, что лучшие среди них «при довольно низком общем уровне ... настолько [выдавались], что казались выше, чем были в действительности» [10, с. 301].

Представляется возможным отнести эту часть историков к одной из категорий интеллигенции, которые выделил известный публицист и общественный деятель Н. А. Гредескул. Одну из них он называл «интеллигенцией идеологического типа» (Новиков, Радищев, декабристы), другую — интеллигенцией, которая «находит смысл жизни в ... самом труде, при очевидности его пользы» [15, с. 219]. Научно-педагогическая интеллигенция в лице историков-антиковедов может быть отнесена ко второй из данных категорий. Обогащение идеалами классической культуры, знание античности «изнутри» способствовало формированию педагогов и ученых, отличных по своему менталитету от других профессиональных категорий.

Русское историческое антиковедение так же, как и философствование носило характер антропоцентричности. Проблемы, связанные с человеком и его духовными исканиями, а значит тема морали и нравственности, так необходимая русскому обществу во второй половине XIX века, являлись ключевыми в научной деятельности отечественных антиковедов. В этой связи необходимо отметить наличие тенденции обращения ученых к науке в целом и исторической, в частности, как одному из средств формирования полноценной в образовательном и духовном отношении личности. Она рассматривалась в качестве орудия в борьбе за умы и души. «...одна только нелицемерная независимая наука (по словам профессора В. И. Модестова. — *Т. Ч.*) возвышает нравственно человека, сообщает обаяние словам лица, говорящего от ее имени, и дает добрые плоды на пользу общества и государства» [31, с. 4].

Наиболее цельный взгляд не только на значение науки в воспитании образованной и нравственной личности, но и на место педагогики как проводника ее идей в процессе формирования оснований и принципов интеллигентного человека, был сделан И. М. Гревсом во вступительной лекции к курсу педагогики перед гимназистками выпускного 8-го класса. Являясь ученым беспристрастным, профессор исторического отделения Петербургского университета И. М. Гревс, по воспоминаниям его ученика Анциферова, в то же время обладал «глубоким и горячим моральным чувством». Оно находило почву в научно-педагогической деятельности Ивана Михайловича, которая была обращена к духовно прекрасным личностям или к тем, «кто был (ее. — *Т. Ч.*) носитель /или искатель правды/» [1]. Это ярко отразилось в авторском университетском курсе И. М. Гревса под названием «Духовная культура конца Римской империи». Поэтому не случайно, выступая перед слушательницами Санкт-Петербургской гимназии А. С. Таганцевой 7 октября 1887 года, профессор выразил надежду на обоюдный внутренний духовный союз, на «общее настроение, проникающее и преподающего, и слушающих и стремление найти в их лице людей с “цельным мировоззрением”, духовных личностей. Для выработки цельного мировоззрения, для того, чтобы подготовить себя к жизни (сознательной и хорошей. — *Т. Ч.*) надо сделаться образованным и нравственным человеком» [14, с. 4]. Что, в первую очередь, предполагает овладение научными знаниями. Наука имеет первостепенное значение в образовательном уровне человека. Хотя, как подчеркивал автор, необходимы пояснения, как и каким образом надо ею заниматься, чтобы она привела к желаемому результату. Нравственными людей делает также наука, но только отчасти. «Она дает толчок к усовершенствованию нравственной природы, доканчивают же нравственность другие силы» [14, с. 5]. Указав путь нравственного прогресса (идеалы добра и правды), наука убедит в том,

что составляет несомненную истину и еще раз докажет свое облагораживающее значение и свой нравственный характер и даже раскроет людям понимание их долга. Но влияния науки здесь недостаточно! Для того чтобы стать нравственным, по мнению профессора, необходимо «сознание своего долга одушевить ... чувством любви к добру и людям, создать в себе совокупность таких навыков, влечений, склонностей, которые помогали бы ... претворить благою мысль и благородное чувство в хорошее дело» [14, с. 4]. Претворение в жизнь, «доканчивание нравственности» происходит с помощью работы над собой (самосовершенствование с целью развития доброго, благожелательного отношения к людям), ориентира на хорошие примеры, взаимную помощь, трудовую жизнь и так далее. В конце лекции, говоря о месте педагогики, И. М. Гревс подчеркивал, что достигнуть желаемого — помочь выработать навыки и склонности, можно только с помощью долгого периода подготовки, воспитания и самостоятельного «довоспитывания», а также изучения душевного развития человека с обращением к философии и истории.

Данный тезис не являлся беспочвенным и нереальным теоретизированием. Основанием служила назревшая потребность российского общества не только в оформлении и передаче исторических знаний, но в исторической теории, способной стать национальной идеей [30, с. 36]. По словам Н. И. Кареева, русского историка, известного широтой своих взглядов на историю и воспитание молодежи, XIX столетие можно с уверенностью назвать «историческим», подобно тому, как XVIII век — философским.

Обращение к истории все чаще привлекало внимание не только историков, но ученых и педагогов, общественных деятелей, не имеющих образования в этой области. Но их понимание значимости исторических знаний не всегда было глубоким. Так, Комиссия по организации домашнего чтения при Обществе распространения технических знаний признавала общеобразовательное значение исторической науки, не видя в ней «нравственного воспитателя».

Однако, по мнению профессора всеобщей истории Петербургского университета Н. И. Кареева, нравственное воспитание «должно рассматриваться только как естественный результат разумного преподавания истории» [22, с. 163—164]. История помимо образовательной функции (наряду со школой, семьей, окружающей средой), призвана оказывать серьезное воспитательное воздействие на молодежь. Но для этого в школе должны быть созданы соответствующие условия, учитывающие высокое предназначение данной науки. Это, в первую очередь, наличие хороших учебных пособий. Вспоминая свои школьные годы, ученый отмечал: «Если я в гимназии не сделался историком, вина лежала на учебнике и преподавателе» [21, с. 140]. Роли педагога Н. И. Кареев придавал первостепенное значение. «Преподавателю истории нет надобности быть учителем морали, но он, несомненно, должен быть морально настроенным человеком в более сильной степени, нежели преподаватель математики или физики, которому на своих уроках не приходится иметь дело с такими нравственными ценностями, каких сплошь и рядом касается историческое преподавание» [там же]. По признанию Н. И. Кареева, преподавание истории должно быть одной из наиболее интеллигентных профессий. Так как история, в своем роде, единственный предмет, требующий широкого и всестороннего образования в смысле широкого и всестороннего понимания исторической жизни. Не менее важны в интеллигентном облике педагога-историка проявление его личной инициативы и личного понимания встающих вопросов [20, с. 26]. Педагог характеризовал

историческое знание не только как свод примеров, поясняющих и подтверждающих моральные истины. Он вполне справедливо предостерегал от многочисленных ошибок в обращении с исторической наукой. Преподающий историю не должен становиться морализатором. Этическое отношение к жизни и прошлому, его уважение к правде будет лучше понято юношеством, чем назидательные сентенции и детальные разборы «казусов добра и зла».

Традиция русской исторической науки в XIX веке заключалась в стремлении раскрыть причинность исторических событий и их закономерности, внутренние связи, найти подходы к решению общечеловеческих проблем и, в первую очередь, морально-нравственных. Наибольший вклад в формирование этой традиции, на наш взгляд, внесли историки древности. Большинство из них стремилось выходить за рамки специализации своего труда. Многие великолепно ориентировались в других разделах всеобщей истории, обладали исключительной эрудицией. Она помогала ученым наряду с изучением экономических, социальных, политических, правовых, языковых отношений древности, глубоко осмысливать вопросы культурной истории, философско-этические проблемы. Широта их исторического мировоззрения способствовала поставленной цели — отражению полноты картины исторических процессов. Основание этой традиции было заложено Т. Н. Грановским, а поддержано его многочисленными продолжателями из числа антиковедов.

Достижение общего смысла исторических процессов, обнаружение его в частных явлениях достигалось с помощью применения сравнительного анализа и привлечения обширного сходного материала. Как писал В. И. Модестов, он на стороне тех, «кто добивается в частных явлениях обнаружения общего смысла, кто заглядывает в глубь исторических событий и пытается на основании широкого изучения исторического, археологического, этнографического, статистического материала создать цельную картину века и таким путем приблизиться к пониманию законов, действующих в судьбах человечества» [24, с. 4].

Этим требованиям в полной мере соответствовала научно-педагогическая деятельность одного из выдающихся историков конца XIX — середины XX века М. И. Ростовцева. Его имя наши современники ставят в один ряд с такими немецкими учеными, столпами науки об античности, как Э. Мейер и Т. Моммзен, относят к лучшим представителям русской интеллигенции [28, с. 7]. В статье, посвященной 50-летию со дня рождения М. И. Ростовцева, И. Н. Бороздин в перечне заслуг юбиляра подчеркнул в числе главных внимание к вопросам духовности и культурно-исторический подход к событиям древности. Историк и классический филолог, специалист по проблемам экономического развития древнего мира, политической и социально-правовой истории эллинистических монархий и римского общества, тщательный и обстоятельный «археолог» М. И. Ростовцев в то же время не признавал абстрактных идей, схем, догм. Он блестяще оживлял, интерпретировал «сухие» источники, искал в древности ответы на современные вопросы.

Говоря о цели и смысле истории, ее изучении в одноименной лекции на открытии общеобразовательных курсов, Ф. Ф. Зелинский подчеркивал двоякое ее назначение. Прежде всего, кажущееся, на первый взгляд, необычным практическое назначение. Оно заключалось, по мнению ученого, в постоянной необходимости людей применять на деле уроки, извлеченные ими из истории, ибо история представляет собой тысячелетний свод наблюдений (практического опыта), который ни одна наука не может больше дать. Нельзя

не учитывать стремление лучшей (в умственном отношении) части человечества постичь смысл и причины окружающих явлений и событий [18, с. 26].

«Весьма немногие события», по мнению историка Т. Н. Грановского, были «отмечены характером совершенно новых, небывалых явлений. Для большей их части всегда существовали и существуют поучительные исторические аналогии...» [9, с. 4].

По свидетельству коллег-современников, профессор С. В. Ешевский постоянно старался связывать отдельные явления в общую картину взаимодействия интересов. Многосторонность натуры и широта взгляда отражались в его исторических работах и суждениях о науке [30, с. 28—29].

Академик В. П. Бузескул, характеризуя научную и преподавательскую деятельность профессора В. Ф. Цыха, подчеркивал замечательное свойство, заключающееся «в возражении против обычного деления истории на древнюю и новую, находя (его. — Т. Ч.) не соответствующим современному состоянию науки и самому понятию об истории...», допуская эти термины лишь в смысле фазиса или стадии в развитии того или другого народа, общества» [8, с. 7]. Сам В. П. Бузескул также придерживался точки зрения, что «всемирная история работает при помощи старых идей». Свои позиции по этому вопросу он отразил в работе [6], основной тезис которой заключался в аналогии античного мира со средними и новыми веками и с современностью; совпадением «жизненных жгучих нерешенных вопросов», волновавших древний мир и современного человека [6, с. 3].

В целях понимания глубокой связи и причинности явлений в судьбах цивилизации ученые-антиковеды не отрицали взаимосвязи истории как дисциплины гуманитарного цикла с науками естественными, считая, что только ограниченность или невежество могут не замечать великих успехов химии и физиологии [9, с. 6], что история всегда нуждалась и нуждается в разнообразных знаниях, заимствованных из других наук. Кареев замечал, что сегодня «экономист, юрист, политик и т. п. должен до известной степени быть историком, а историк — экономистом, юристом, политиком и т. д.» [21, с. 140].

При этом историки неизменно подчеркивали важную отличительную особенность своей науки от наук точных. Она заключалась в «педагогическом» ее назначении и интересе к ней не только специалистов [13, с. 1]. Изучение деятельности человеческого духа не может обойтись одной констатацией фактов, пусть и добытых научным путем. В истории всегда присутствует субъективный элемент, «который вносится личностью историка (берущего на себя обязательство быть нравственным. — Т. Ч.), ...обуславливается уровнем образования, нравственным состоянием, складом ума целой эпохи» [13, с. 2]. Поэтому, несмотря на признание значения и положительного влияния естественнонаучных дисциплин, в том числе и на науки исторические, антиковеды решительно отстаивали приоритетность гуманитарных наук в системе воспитания человека. В ситуации того времени, очень похожей на новейший период нашей истории технократизации общества, ученые не признавали за естествознанием способность удовлетворить нравственные потребности людей. Науки гуманитарные, в первую очередь классического цикла, по их мнению, сообщают уму «математическую точность и определенность», а духовные силы наполняют чистым понятием о красоте и возвышенным чувством нравственного долга и человеческого достоинства [9, с. 10].

Нравственное основание в истории и историке постоянно подчеркивал профессор всеобщей истории Харьковского университета Владимир Францевич Цых. Историю он понимал как науку, изображающую течение нравственной жизни рода человеческого. Преподаватель истории, по его мнению, должен был быть «прежде всего, человеком, а потом гражданином известного общества и иметь гуманное настроение духа» [8, с. 2].

Только владение умственной и нравственной силой возвеличивает народ. Обладающие таким источником могущества должны были явиться примером для остальных. К ним, по словам профессора В. И. Модестова, относятся греки и римляне.

Воспитание историей прослеживалось в мировоззрении целого ряда антиковедов. Так, С. А. Жебелев, выступая 19 декабря 1922 года с докладом на заседании «Кружка друзей греческого языка и литературы», ставит вопрос: «Чем дорога нам древняя Греция?». Сам же отвечает: «Греция дорога нам тем, что она первая провозгласила веру в человека в его настоящем, вселила в человека надежду на его будущее, привила к человеку любовь к его прошлому» [17, с. 148].

Личность человека главное и для Р. Ю. Виппера: «Надо уметь проникнуть глубже и найти за ними [фигурами в тогах и сандалиях] живых людей, (в которых. — Т. Ч.) мы видим самих себя» [12, с. 297].

Портреты героев древнего мира в изображении П. Н. Кудрявцева также выделяются живым и ярким характером. Ученый был признанным мастером филигранного психологического анализа исторических личностей.

Т. Н. Грановский характеризовал *личность* как «все активное, беспоконно толкающее вперед, ставящее запросы...» [11, с. 219]. Именно такими он видел историков Древней Греции и Древнего Рима, принадлежавших преимущественно к высшим слоям общества, заслуга которых заключалась «в возбуждении в читателях нравственного чувства или эстетического наслаждения», с которой «соединялась нередко другая, более положительная...» — служение «примером и уроком для будущих» [11, с. 219].

Таким образом, можно прийти к выводу, что на рубеже XIX—XX веков сформировались теоретические подходы российских антиковедов к преподаванию древней истории, распространению знаний об античности. Они выражались в продуманной и взвешенной системе взглядов на воспитательное значение истории в системе наук, задачи и методы классического образования с акцентом на духовно-нравственные ценности.

Список литературы

1. *Анциферов Н. П.* Дневники // НИОР (Научно-исследовательский отдел рукописей) РГБ Ф. 27 Н. П. Анциферов. Ед. хр. 56. Л. 26.
2. *Анциферов Н. П.* Воспоминания. Ч. V. «Петербургский университет» // НИОР (Научно-исследовательский отдел рукописей) РГБ. Ф. 27 Н. П. Анциферов. Ед. хр. 56. Л. 2.
3. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. *Библер В. С.* Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопр. философии. 1989. № 6. С. 13—42.
5. *Блинов В. И.* Развитие теории и практики образования в России XVIII — начала XX века под влиянием изменений ценностных ориентаций, представлений об идеале человека и целях его воспитания: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2001. С. 17. URL: <http://www.oim.ru/reader> (дата обращения: 20.04.2019).

6. Бузескул В. П. Античность и современность. Современные темы в античной Греции. СПб., 1913. 196 с.
7. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России : в 2 ч. Ч. 1. Л., 1929. 218 с.
8. Бузескул В. П. О лекциях В. Ф. Цыха, профессора Харьковского университета в 30-х годах прошлого века. Харьков : тип. «Печ. дело», 1910. [1], 7 с.
9. Бузескул В. П. Об отношении Т. Н. Грановского к античному миру: (По поводу столетия со дня рождения Т. Н. Грановского). СПб. : Тип. В. Д. Смирнова, [1913]. 10 с.: портр.; 24 см. Отг. из журн. «Гермес», 1913 г. № 7. Без тит. л. и обл. Авт. указан в конце текста.
10. Бузескул В. П. Харьковский Грановский (Профессор М. Лунин) // Бузескул В. П. Исторические этюды. СПб., 1911. С. 301—325.
11. Винпер Р. Ю. Общественно-исторические взгляды Грановского // Две интеллигенции и другие очерки. 1900—1912 : сб. ст. и публ. лекций. М., 1912. С. 189—219.
12. Винпер Р. Ю. Сумерки людей // Две интеллигенции и другие очерки. 1900—1912 : сб. ст. и публ. лекций. М., 1912. С. 202—297.
13. Герье В. Очерк развития исторической науки. М., 1865. 114 с.
14. Гревс И. М. Вступительное чтение в курс педагогики в гимназии А. С. Таганцевой в 1887/8 г. 7 октября 1887 г. СПб., 1887 // НИОР (Научно-исследовательский отдел рукописей) РГБ. Ф. № 1148. Ед. хр. 84. С. 4, 5.
15. Гредескул Н. А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Интеллигенция в России : сб. статей. СПб., 1910. С. 8—58.
16. Жебелев С. А. Федор Федорович Соколов. СПб., 1909. 50 с.
17. Жебелев С. А. Чем дорога нам древняя Греция? // Журн. всеобщ. ист. 1923. № 3. С. 139—148.
18. Зелинский Ф. Ф. О цели и смысле изучения истории // Вестн. самообразования. 1903. № 26. С. 10—27.
19. Иванчик А. И. Антиковедение в России: проблемы развития в современных условиях. URL: <http://racs.igh.ru/Antikovedenie.pdf> (дата обращения: 23.03.2019).
20. Кареев Н. И. Идеалы общего образования СПб., 1909. 128 с.
21. Кареев Н. И. О школьном преподавании истории. Пг., 1917. 220 с.
22. Кареев Н. И. Письма к учащейся молодежи о самообразовании. СПб., 1895. 167 с.
23. Лосев А. Ф. Из бесед и воспоминаний. URL: <http://www.philosophy.ru/library/losev/vosp.htm> (дата обращения: 23.03.2019).
24. Модестов В. И. Законы истории // Статьи для публики по вопросам историческим, политическим, общественным, философским и прочее. СПб., 1883. Т. 1. С. 280—313.
25. Мурзанаева Е. Н. Культурно-просветительские функции российского антиковедения XIX — начала XX века : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Иваново, 1999. 204 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kulturno-prosvetitel'skie-funktsii-rossiiskogo-antikovedeniya-xix-nachala-xx-vekov> (дата обращения: 23.03.2019).
26. Мурыгина Н. Ф. Значение работ В. И. Модестова в развитии науки об античности // Труды IV научной конференции (31 мая — 2 июня 1956 года). Новосибирск, 1957. Т. 1. С. 150—200.
27. Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке: опыт русской исторической школы. Казань, 2000. 298 с.
28. Скифский роман / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. 623 с.
29. Сучков И. В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX—XX веков // Отеч. история. 1995. № 1. С. 62—77.
30. Трачевский А. С. В. Ешевский. М., 1865. 36 с.
31. Цветаев И. В. Профессор В. И. Модестов: по поводу сорокалетия его учено-литературной деятельности. М., 1908. 12 с.

УДК 141.201
ББК 87.3(2)-688

М. М. Прохоров

РУССКИЙ КОСМИЗМ, КОНЦЕПЦИЯ НООСФЕРЫ И МАРКСИЗМ

В статье подвергается критике распространенное представление о марксизме, как философии активизма. Дан сравнительный анализ марксистской философии и философии русского космизма. Последняя, будучи активистской концепцией, основана на противопоставлении активистской и созерцательной позиций. Философия марксизма по сути является концепцией коэволюции мира и человека, их соразвития. Русский космизм охватывает неоднородные направления, среди которых обнаруживаются религиозно-философские и натуралистические, на пересечении которых оказывается «философия общего дела» Н. Ф. Федорова, имеющая пантеистический характер. Его пантеизм пытался преодолеть С. Н. Булгаков, исходя из последовательно религиозных позиций. Раскрыта противоположность концепции С. Н. Булгакова и натуралистической концепции ноосферы В. И. Вернадского. В то же время автор считает, что общим для них является самовозрастающее до чрезмерности представление о противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом как наследие средневековой философии, которое закладывается мыслителями в основание интерпретации отношения человека к миру и которое преодолевается в марксистской философии коэволюции.

Ключевые слова: марксизм, русский космизм, концепция ноосферы, осевое время, созерцательность, активизм, коэволюция, компаративистика, историческое и логическое.

М. М. Prokhorov

RUSSIAN COSMISM, THE NOOSPHERE CONCEPT AND MARXISM

The article criticizes the widespread notion of Marxism as a philosophy of activism. A comparative analysis of Marxist philosophy and the philosophy of Russian cosmism is given. The latter, being an activist concept, is based on the opposition of activist and contemplative positions. The philosophy of Marxism is essentially a concept of co-evolution of the world and man, their co-development. Russian cosmism embraces heterogeneous trends, among which religious-philosophical and naturalistic ones are found, at the intersection of which is N. F. Fedorov, having a pantheistic character. His pantheism tried to overcome S. N. Bulgakov, based on consistently religious positions. The opposite of the concept of S. N. Bulgakov and the naturalistic concept of the noosphere V. I. Vernadsky. The author believes that the common idea for them is self-expanding to excessiveness about the opposite between spirit and matter, man and nature, soul and body, the legacy of medieval

---

© Прохоров М. М., 2020

philosophy, which is laid by thinkers in the basis of the interpretation of man's attitude to the world and which is overcome in Marxist philosophy of co-evolution.

Key words: Marxism, Russian cosmism, the concept of the noosphere, axial time, contemplation, activism, co-evolution, comparative studies, historical and logical.

Началом марксизма принято считать «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса, в которых зафиксирована, как считается, противоположность философии активистской и философии созерцательной [1, с. 25—29]. Такой подход сегодня не может быть признан удовлетворительным. В русской традиции существует философия русского космизма [15], сделавшая своей основой противоположность активистского (обеспечивающего господство человека над миром) и созерцательного (адаптирующего человека к миру) отношения человека к миру. Она действительно разрабатывала и защищала «философию активизма». Марксистская философия предлагает иной тип мировоззренческого отношения человека, отличный от активистского.

Для подтверждения сказанного проведем сравнительный анализ марксизма и русского космизма, включая ноосферную концепцию В. И. Вернадского. Их «сходство» в том, что они предложили переход от первого «осевого времени» ко второму. Согласно К. Ясперсу, «осевое время» в Новое время обернулось в Европе «катастрофичным обеднением» человечности, «обеднением всей духовной жизни»; лишь достижения в сфере науки и техники составляют суть величия этого времени. Но, допускал К. Ясперс, возможен выход человечества во второе осевое время, когда реализуется подлинная человеческая, человеческая сущность, реализуется «универсальным и всеохватывающим» способом. Вопрос в том, по К. Ясперсу, «сохранит ли грядущее развитие свою открытость и завершится ли оно... созданием настоящего человека, хотя то, каким образом это произойдет, мы еще совершенно не можем себе представить» [23]. Марксизм, русский космизм и ноосферная концепция предложили различные варианты реализации этого проекта.

Анализ русского космизма логично начать с его определения. Обращение к литературным источникам обнаруживает, что под определение философии русского космизма «падают неоднородные направления философии», научно-философские и религиозно-философские, на пересечении которых оказывается «философия общего дела» Н. Ф. Федорова. Отличительной особенностью ее представителей является внимание к анализу отношений человека с миром, с космосом. В ней зафиксированы различные типы мироотношений: созерцательное (А. Л. Чижевский), активистское (Н. Ф. Федоров), реже, коэволюционное (Н. Н. Моисеев) [20]. Например, А. Л. Чижевский известен разработкой учения о непосредственном влиянии солнечной активности и энергетических процессов в Галактике на индивидуальную и социальную деятельность человека (теория гелиотараксии). Однако ведущим в философии русского космизма является активистски-преобразовательский тип отношения человека к миру.

С. Г. Семенова, стремясь избежать при определении русского космизма *неопределенности* за счет неправомерного и безмерного его расширения, полагает, что нужно зафиксировать «принципиально новое качество мироотношения», которое является *определяющей* «генетической чертой» этого философского направления. Таковой ею признается «*идея активной эволюции*», т. е. необходимости «нового сознательного этапа развития мира, когда

человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует его разум и нравственное чувство, берет, так сказать, штурвал эволюции в свои руки». Поэтому логично определить это направление «не только как *космическое*, но как активно-эволюционное». Человек — существо сознательно-творческое, призванное преобразить не только внешний мир, но и собственную природу, включая преодоление болезни и смерти. В определение философии русского космизма входит, в качестве одной из самых ярких черт этой философии, гуманизм, основанный на глубоком знании и вытекающий из целей и задач самой природной, космической эволюции». Охватывается и вопрос об одухотворении мира и человека, даже об управлении духом материи [18, с. 4].

Сложность при определении философии русского космизма и концепции ноосферы, с нашей точки зрения обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, «слож(ен)ностью» различных типов мироотношения, в столкновении которых пробивает себе дорогу, в качестве ведущей, концепция активистского мироотношения. Во-вторых, «слож(ен)ностью», следовательно, столкновением различных позиций (парадигм) в ходе решения основного вопроса философии, каждая из которых способна проникнуть «на территорию» обоснования концепции мироотношения. Этим определяется полемика внутри русского космизма, включая концепцию ноосферы. Например, учения Н. Ф. Федорова и С. Н. Булгакова являются выражением активистского типа мироотношения. Это позволяет перечислять их «через запятую», как однотипные. С другой стороны, С. Н. Булгаков является одним из критиков учения Н. Ф. Федорова, в котором он видит представителя пантеистической позиции. Он критикует ее с более последовательной религиозной и идеалистической концепции. Здесь уместно напомнить, что С. Н. Булгаков прошел сложный путь духовной эволюции. От увлечения марксизмом он повернул «к идеализму», стремился обосновать хозяйственную, культурную деятельность человека с религиозной точки зрения, внести ее в христианскую концепцию развития мира, в которой видит не только нравственную проповедь, но и деятельность, творчество, в которых проявляется ее «мироустроительный» смысл.

С. Н. Булгаков стремился раскрыть «онтологические, космологические» стороны христианства, с позиций которого и ведет критический анализ учения Н. Ф. Федорова, рассуждая о «хозяйстве и теургии». Указывая на пантеизм концепции Н. Ф. Федорова, С. Н. Булгаков пишет, что тот «*превращает хозяйство в теургию*, или, вернее, то и другое до неразличимости сливает, поскольку для него воскрешение мертвых перестает быть теургическим, но всецело становится хозяйственно-магическим» [4, с. 310]. Вследствие этого появляется неясность в вопросе «что такое жизнь и что такое смерть», чем вносится «печальная двусмысленность и неопределенность во все учение». Получается своеобразное соединение материализма и спиритуализма, которому соответствует чисто *механическое* понимание и смерти, и воскрешения. «Исключается возможность того, что душа, прошедшая через врата смерти, вообще не может возвратиться в отжившее и разрушенное смертью тело и его собой оживить». Значит, «не одно только тело утратило силу жизни». «Воскрешение, как и рождение, — возражает С. Н. Булгаков, — есть творческий акт Божьего всемогущества, которым возвращается душе усопшего животворящая ее сила», оно есть «акт теургический». Федоровский же «проект» хозяйственно-трудового, магического воскрешения «грешит недолжным смешением областей хозяйства и теургии», представляя собой «впадение в магизм»,

ставящее человека в зависимость от «хозяйства» [4, с. 311]. Поэтому С. Н. Булгаков выступает за «упразднение материи» (как начала. — *М. П.*), этого «источника смерти и смертности», отрицая взгляд Н. Ф. Федорова, который «идет в направлении Мечникова, стремится к научному бессмертию, принимая за него отсутствие смерти, или неопределенную продолжительность жизни». Н. Ф. Федоров думает об оживлении трупа, а не о воскресении «тела духовного, прославленного и преображенного» [4, с. 312].

В этой критике С. Н. Булгаков демонстрирует самовозрастающее до чрезмерности представление о противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, ведущее к признанию первичности духа ценой «ничтоизации» материи. Указывая на него, Ф. Энгельс писал, что такое противопоставление «распространилось в Европе со времени упадка классической древности и получило, наивысшее развитие в христианстве» [22, с. 495—496]. Оно сформировалось в ходе постановки и решения основного вопроса философии. Выступая против идеи о подобном нарастании альтернативности духа и материи, человека и природы, души и тела, закрепившейся в средневековой традиции, Ф. Энгельс указывал, напротив, на все большее осознание людьми «своего единства с природой», отмечая вклад в него современного естествознания. Поэтому он возражал против установки человека на господство над природой, представляющего «как кто-либо находящийся вне природы». Напротив, мы принадлежим природе и находимся внутри нее, мы должны научиться регулировать природные процессы. Но для преодоления этой «противоположности» мало простого познания, нужен переворот в самом способе нашего производства, чтобы освободить его от слепой игры неконтролируемых сил. В этом Ф. Энгельс следует идеям совместной с К. Марксом работы «Немецкая идеология» [12], непосредственно примыкающей к «Тезисам о Фейербахе» К. Маркса, которые проникнуты гуманизмом коэволюции.

Противоположный С. Н. Булгакову подход демонстрирует В. И. Вернадский, предлагая концепцию ноосферы с позиций «натуралиста» и оставаясь в русле активистской парадигмы. У В. И. Вернадского представления о созерцательности и активизме присутствуют в представлениях о противоположности косной материи жизни, он утверждает, что эволюционный процесс присущ только живому веществу, в косном веществе нашей планеты нет его проявлений, за исключением биокосных природных тел, всегда связанных с живым веществом, коему они подчинены [5, с. 306]. Вместо понятия жизни ученый вводит понятие «живого вещества», совокупности «живых организмов» как научного, эмпирического обобщения всем известных и легко и точно наблюдаемых бесчисленных, эмпирически бесспорных фактов. Человечество как живое вещество неразрывно связано с биосферой, оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту, хотя «в общежитии» обычно говорят о человеке как о свободно живущем и передвигающемся на нашей планете индивидууме, который свободно строит свою историю. Историки, гуманитарии и даже биологи сознательно не считаются с законами природы биосферы, где только и может существовать жизнь, тогда как стихийно человек неотделим от биосферы [5, с. 304—305]. В отличие от марксизма, социальная философия которого предстает как предельно общая теория исторического процесса, В. И. Вернадский считает, что понятие жизни выводит за пределы истории людей в более широкую область единого большого земного *геологического* процесса, охватывающего и косную и живую

природу с одной и той же точки зрения. Биосфера есть планетное явление космического характера, подразумевающая активизм: В. И. Вернадский пишет, что, согласно Гюйгенсу, «жизнь есть космическое явление..., резко отличное от косной материи» [5, с. 305]. История живого вещества выражается в изменении форм жизни, форм живых организмов от поколения к поколению, без перерыва, отлившись в учение об эволюции видов, растений и животных. Важно, что эволюция живого вещества идет в определенном направлении, названном Д. Дана цефализацией, ростом нервной системы (мозга). Геологически она приводит к царству человека, согласно И. П. Павлову, к антропогенной эре: человек становится могучей геологической силой, все растущей. В результате изменилось положение человека на нашей планете. Человечество стало единым целым. Все это есть результат цефализации Дана, роста человеческого мозга и направляемого им труда. Мощь человека связана не с его материей, но с его мозгом, его разумом и направленным этим разумом его трудом. Хотя нужно учитывать и возможности разрушений ценностей — вследствие варварского нашествия «немцев и их союзников»; этого обстоятельства невозможно игнорировать, оставаясь на эмпирических позициях.

В то же время у В. И. Вернадского мы видим приверженность *абстрактному* гуманизму, исходя из которого он пишет, что в «геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление». «Геологический эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей... Это закон природы. Все расы между собой скрещиваются и дают плодовитое потомство». В современной войне (с фашистами. — *М. П.*) победит тот, кто этому закону следует, ибо «нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы» [6, с. 308]. История людей, встроенная в природный геологический процесс «меняется... интересы народных масс — всех и каждого — и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы... и есть «ноосфера», современная стадия, геологически переживаемая биосфера, где человек впервые становится крупнейшей геологической силой [6, с. 308—309]. Дальше такого, абстрактного гуманизма рассуждения В. И. Вернадского не идут.

В. И. Вернадский указывает и на «непонятность» или «загадку» этого процесса. Вот как он их описывает: «Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы? Вопрос этот до сих пор научно не разрешен» [6, с. 309]. В. И. Вернадский попадает в тиски постановки вопроса о чрезмерной противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом. Эта проблема Ф. Энгельсом во второй главе работы «Людвиг Фейербах...» характеризуется как «великий основной вопрос всей, в особенности новейшей философии» «об отношении мышления к бытию», уходящая своими корнями в период дикости, и который «со всей резкостью» был поставлен после христианского средневековья. В. И. Вернадский ставит этот вопрос как натуралист, попадая в тиски противоположности созерцания и активизма. Он пишет: «*Ноосфера* — последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории — состояние наших

дней» [6, с. 310]. Он отделил жизнь от неживой материи, исключая ее «самозарождение» из неживой материи, т. е. чрезмерно противопоставив друг другу живое как носитель психики, сознания, мысли, косному. Тем самым человеческая мысль, сознание не могла пониматься как высшая форма свойства отражения, присущего всей материи. «Автотрофность» человека есть лишь другое название чрезмерной противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, отрицающая материальное единство мира: «В биосфере существует великая геологическая сила, быть может космическая, сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе... Эта сила, по-видимому, не есть проявление энергии или новая особенная ее форма... Эта сила есть разум человека... Проявление этой силы в окружающей среде явилось после мириада веков выражением единства совокупности организмов — монолита жизни — «живого вещества», частью которого является человечество... Оно становится все более независимым от других форм жизни и эволюционирует к новому жизненному проявлению» [5, с. 288]. Обосновывается такой подход В. И. Вернадским как «эмпирическое обобщение» существования в земной коре «единого целого жизни», а не как материального единства мира. Он видит в этом «самую глубокую космическую тайну», «загадку», перед которой «остановилась» «мысль великих греков» (вспомните Анаксагора. — М. П.). «Эта загадка осталась для нас... столь же неразрешенной, какой была для них» [5, с. 289]. В. И. Вернадский ссылается на утверждение Ф. Реди (1626—1698): «всякий живой организм происходит от другого живого же организма». Он возводит его в «принцип Реди», в «идею о вечности жизни, отрицание ее начала, мысль о загадчанепереходимом — в аспекте известных физико-химических явлений — различии, существующем между косной и живой материей» [5, с. 289—290]. Он не признает, что «прямой синтез организма из его материальных элементов должен быть необходимым завершением развития науки», что «был момент, в который организм зародился в земной коре в силу самопроизвольного изменения косной материи».

В то же время В. И. Вернадский исключает возможность *философского* обоснования происхождения живого, на основе учета общих свойств движущейся материи или материального движения, хотя и «нельзя их считать научно опровергнутыми». В. И. Вернадский пишет, что «ничто не указывает на их вероятность», он относит «проблему самозарождения» к проблемам типа «квадратуры круга», «трисекции угла», «*perpetuum mobile*», «философском камне». «Если самозарождение не фикция, созданная нашим умом, оно может осуществляться лишь вне области известных нам физико-химических явлений», ибо эмпирически «не было найдено следов самозарождения жизни», «нет ни одного организма... генезис которого не отвечал бы принципу Реди», живое вещество «резко отделено от косной материи. Человек неразрывно связан в одно целое с жизнью всех живых существ, существующих или когда-либо существовавших» [5, с. 290—291]. В. И. Вернадский напоминает, что немецкий физиолог В. Пфеллер (1845—1920) автотрофными назвал организмы, не зависящие в своем питании от других организмов [5, с. 293] и выражает надежду, что и человечество освободится от зависимости от другого живого вещества, превратившись из существа социально гетеротрофного в автотрофное, используя активизм, первичность мысли. Для «натуралиста» это явилось бы «не действием свободной воли (прихоти. — М. П.) человека, а проявлением естественного процесса» [5, с. 302]. Тот *приоритет мысли*,

который С. Н. Булгаков пытался обосновать с религиозных позиций, В. И. Вернадский предлагает обосновать с позиций «натуралиста».

Получается, что мысль нельзя рассматривать с точки зрения материального единства мира, на чем настаивает марксизм, с точки зрения взаимообусловленности материи и движения как неразрывных моментов действительности, в которой движение есть всеобщий способ существования материи, материальной субстанции, внутренне присущий ей атрибут, который «обнимает собой все происходящие... изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» [21, с. 391]. В. И. Вернадский рассуждает «наоборот», от мышления как наиболее сложного к простому, выражением такого подхода и является его «ноосфера», превращающаяся в первое понятие, в точку отсчета для размышления. Тем самым им устраняется *вопрос о возможности* выхода человечества во второе осевое время, когда реализуется подлинная человеческая, человеческая сущность, которую лишь допускал К. Ясперс, задаваясь вопросом «сохранит ли грядущее развитие свою открытость и завершится ли оно созданием настоящего человека». В. И. Вернадский устраняет вопрос К. Ясперса о том произойдет ли это, ибо, по К. Ясперсу, каким образом это произойдет, «мы еще совершенно не можем себе представить». В. И. Вернадский исходил из *действительности* ноосферы, которую обнаруживал в прошлом, настоящем и будущем, не рассуждая о переходе от возможности к действительности.

Онтологически материя есть всеобщая основа, общее содержание всех состояний изменения, гносеологически она есть объективная реальность, отражающаяся в ощущениях, представлениях и понятиях субъекта познания. Следовательно, движение абсолютно, ибо в целом мир есть движущаяся материя или материальное движение, отдельные состояния которых есть результат движения материи или материального движения. В то же время движение относительно, ибо абсолютная природа движения материи не выступает непосредственно, а реализуется всегда и только в конкретных, качественно и количественно определенных, локально и исторически ограниченных, зависимых от конкретных условий, преходящих и в этом смысле относительных формах движения. «Ничто не вечно, кроме вечно изменяющейся, вечно движущейся материи, законов ее движения и изменения». На любое состояние материи следует смотреть как на состояние ее движения и всегда нужно ожидать ее изменения и перехода в иное состояние движения. Согласно диалектике, изменения порождаются противоречиями, *противоречивость движения* выступает в форме единства устойчивости и изменчивости: любое изменение состояния сопровождается сохранением, устойчивостью, покоем основы данного изменения; само движение, изменение, развитие предполагает относительную устойчивость того, что изменяется; без устойчивости объектов изменения невозможно само изменение, как таковое. Движение, изменение, развитие связаны с устойчивостью, сохранением, и без него не существуют, наоборот, всякий покой, устойчивость есть лишь выражение состояния движения и развития. Движение и развитие устойчивы, а устойчивость есть устойчивость самого движения и развития. «Мир состоит не из готовых, законченных *предметов*, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в беспрерывном изменении» [8, с. 363, 391, 554.] и «философская теория о любых

проявлениях материи всегда должна покоиться на адекватном отражении общих свойств движения» [17, с. 5].

Исходя из альтернативности активистского типа мироотношения созерцательному, А. В. Сухово-Кобылин, один из первых представителей философии русского космизма, тоже главную роль отдавал сознанию, «...работе духа, которая естественную форму — природу упраздняет», он утверждал, что природа исходит в дух, что «одухотворение природы есть сотворение человека», что «сам человек и есть это исхождение природы в дух, ибо человек, как и Янус, имеет два лица, два фаса». Правда, при этом он ссылается на Библию: «Боги будете, сказано в Писании» [19, с. 63].

Созерцательная организация человеческого разума приспособливает человека к окружающему миру и его законам, усматривая в них фундамент деятельности человека. Она может согласовываться с диалектикой: изменяя мир, создавая новое, человек толкует изменения как движение «самого» мира. Себя человек видит существом, которое действует «от лица» субстанции мироздания и ее закономерного изменения. Мир абсолютен, человек относителен, есть носитель фундаментальных параметров самого мира. Поэтому ему нельзя приписывать черты субъекта, самодостаточного творца, в нем надлежит видеть являющую себя во всем жизнь «субстанции». Она являет себя и в образе человека, а его сознание обеспечивает человека знанием законов мироздания, в соответствии с которыми он и действует, в отличие от всех прочих, бессознательных вещей и процессов. Именно так представляет положение человека в Космосе и созерцательную организацию человеческого разума философия Гераклита, размышляющего о космосе и человеке.

Классическое естествознание может сохранять приверженность созерцательной позиции постольку, поскольку в нем человек изображается как существо, которое возникает в процессе естественной эволюции, в ее «конце», будучи высшим «цветом» природной эволюции. Значит, человек остается природным сознательным существом, которое не могло быть творцом предшествовавшей ему природы. Созерцательную позицию может разделять и объективный идеалист. Так, Гегель, настаивал на разумности *примирения* с действительностью, обосновывая необходимость устранения «непокорности личности» по отношению ко всякому целому, например, исторической эпохе, сыном которой она выступает, находясь «внутри» нее. Никто не в состоянии, пишет Гегель, «перепрыгнуть через свою эпоху» [7, с. 16, 59].

Однако такое положение человека в мире таит для него большую опасность. На нее, в частности, указал русский космист В. Ф. Одоевский, обращаясь к характеристикам возможных «естественных бедствий», природных катастроф, нередко обрекающих человека на гибель. Например, он обращается к случаю, когда комета способна разрушить Землю [16, с. 38—48]. Чтобы не погибнуть, человеку приходится перейти к активным, преобразующим естественный ход событий действиям, отказавшись от «созерцания». Только таким путем можно преодолеть «ситуацию смертности». Человек оказывается перед необходимостью взять бразды управления «мировым процессом» в свои руки, выйти из подчинения мировому процессу, продемонстрировать новую форму организации человеческого разума и отношения к миру. При этом человек в состоянии опереться на религиозную мечту о покорении всего сущего. Иначе говоря, религия выступила первой предпосылкой «активизма», которую человек обнаружил в культуре. Она несет в себе учение о творчестве и творце, которое человек принимает как новый образец своего

поведения, как существо, созданное по образу и подобию бога. Представляется, что религия имеет технологические корни, в меньшей степени она укоренена в процесс познания того, «что есть». Эту «склею» религии и технологии по-разному, но демонстрируют философские учения А. В. Сухова-Кобылина, Н. Ф. Федорова, С. Н. Булгакова и др.

С нашей точки зрения активизм религии Средневековья стал предпосылкой концепции человеческого творчества эпохи Возрождения и всего Нового времени, сделав возможным переход от феодализма к капитализму, который широко развернул в природном пространстве вышедшее «из потаенности» у мира «производство», взрастил новый тип отношения человека к окружающему миру и форму организации человеческого разума. Так, исторически и логически, мир попал в зависимость от человека. Это и выразила философия русского космизма, которая в лице своих представителей обожествляет технократическое отношение человека к миру, соединяя воедино науку и технику, как ныне говорят, в «технонауку». Н. Ф. Федоров, основоположник философии русского космизма, переосмысливает понятие «космизма», заявляя, что его суть не в господстве космоса над человеком, как у Гераклита, а в господстве человечества над космосом, претворяющего в нем свое «общее дело». Он критикует науку, которая занимается познанием, лишь созерцающим мир, тогда как ее дело состоит в его преобразовании человеком; критике подвергается даже позиция И. Канта, расцениваемая как воплощение созерцательности. Фантастичность возможности такого перехода, пишет Н. Ф. Федоров, «только кажущаяся; необходимость такого перехода несомненна для трезвого, прямого взгляда на предмет, для тех, кто захочет принять во внимание все трудности к созданию общества вполне нравственного, к исправлению всех пороков и зол...», а отказаться от решения этой проблемы, значит «отказаться быть человеком» [16, с. 71—72]. Переход, по Н. Ф. Федорову, осуществит либо сам человек, либо его претворит Бог.

Как показал Х. Ортега-и-Гассет важным фактором экспансии активизма стала, после религии, идеалистическая философия: Лейбниц назвал человека маленьким богом, И. Кант провозгласил «Я» высшим законодателем Природы, а склонный к крайностям И. Фихте заявил, что «Я — это все» [13, с. 81]. Фактически Ортега подтверждает мысль Ф. Энгельса, что основанием активизма на идеалистической основе выступает самовозрастающая противоположность духа и материи, человека и природы, души и тела, ведущая к идее первичности духа. Созерцание и активизм он характеризует как две великие метафоры. Они одноименны концепциям созерцания и активизма, находящимся в основании организации человеческого разума двух величайших исторических эпох — Древнего мира и Нового времени, начиная уже с эпохи Возрождением [13, с. 76]. Для древнего человека «быть» значило пребывать среди множества других вещей, громоздящихся во Вселенной. Сам субъект есть один из множества предметов, образующих «море бытия», в котором Субъект или «Я» не играет большой роли, поскольку в это время учили жить «в согласии с природой» [13, с. 82]. Ортега обращается к известному образу «*tabularasa*», «метафоры печати», хорошо известных в теории познания, которые определили развитие философии на многие века [13, с. 78]. Инвертировало эти отношения между субъектом и объектом Возрождение [13, с. 79], а Новое время однозначно отдает приоритет творчеству человека. Ортега раскрывает логику активизма, субъективности, «прехождения» созерцания и возникновения буквально

из ничто и самовозрастания активизма, отрывание его от созерцания и превращение в некое самостоятельное начало мысли.

Альтернативность этих типов организации человеческого сознания, как и противоположных типов мироотношения, продемонстрировал Л. Фейербах, защищая созерцательность от «субъективности», «творчества» (в религии древних иудеев). Этому выбору вполне соответствует признание им первичности, субстанциальности Природы. Определенное решение им основного вопроса философии проникло «на территорию» обоснования предложенной Л. Фейербахом концепции мироотношения. В отличие от марксизма он не поднялся к материализму в сфере философии истории, к учету того, что сознание человека и его телесная организация формируются под влиянием исторически развивающейся трудовой деятельности. Поэтому чувственность Л. Фейербах рассматривает как *созерцание*. Человек остался в его философии внеисторическим существом, абстрактным, созерцающим мир теоретиком, не помышляющим изменить мир, хотя миллионы трудящихся до сих пор не удовлетворены условиями своей жизни, своей трудовой деятельности [11, с. 41]. *В таком состоянии трудящиеся остаются и сейчас*. Из этого проистекает задача революционизировать мир, изменить это состояние, и она до сих пор сохраняет свою актуальность. Напротив, Л. Шестов защищает активистский тип мироотношения, в разработке которого заметную роль сыграл его идеализм. Н. А. Бердяев верно указал на эту «связку» концепции мироотношения с определенным решением основного вопроса философии, когда констатировал: «Космос античности и средневековья... исчез, человек нашел компенсацию и точку опоры, перенесся центр тяжести внутрь человека... Идеалистическая философия нового времени и есть эта компенсация за потерю космоса, в котором человек... чувствовал себя окруженным высшими силами... Мошь техники продолжает дело раскрытия бесконечности пространств и миров...» [3, с. 154].

При переходе к активистской парадигме бытие снимается в деятельности, развитие превращается в деятельность, которая отличается от стихийного развития целеполагающим характером: внутрь него вводится цель, средства и методы ее реализации, что превращает его в полностью управляемый и контролируемый человеком в своих собственных интересах процесс. Причем, цель достигается быстрее, чем результат в процессе развития, совершаемый путем проб и ошибок. Универсализация же деятельности означает, что мир становится вторичным по отношению к «делу» человека, который был в свое время порожден и детерминирован миром. По Н. А. Бердяеву, в начале своей истории человек был рабом природы; и «он начал борьбу за свое освобождение. Он создал культуру, государства, национальности, классы, но стал их рабом. Тогда он вступил в новый период — для овладения *иррациональными* общественными силами: создает *организованное* общество, развитую *технику*, но это делает человека *орудием* организации жизни и окончательного овладения природой. Он, человек, становится рабом организованного общества и техники, машины, в которую *превращено* общество и незаметно *превращается* сам человек» [3, с. 162]. Н. А. Бердяев видел противников созерцательного мироотношения и в революции большевиков, распространяя на них философию активизма [2, с. 228].

Раскрытие идеи соразвития, коэволюции развития бытия и человека применительно к истории дано К. Марксом в первом томе Капитала. Исследуя исторический генезис капиталистического накопления, К. Маркс, во-первых,

указывает на уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде, «карликовой собственности» «многих» людей, которая превращается в гигантскую собственность немногих эксплуататоров в ходе экспроприации у народных масс их жизненных средств, орудий труда. Он указывает на беспощадный вандализм, на грязные, мелочные, бешеные страсти, с которыми действовали сторонники новой формы, капиталистической частной собственности. Индивидуальная частная собственность была добыта трудом собственника, она была основана на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами производства. Капиталистическая частная собственность, напротив, покоится на эксплуатации чужой, хотя и формально свободной рабочей силы. В результате прежние «работники» превращаются в «пролетариев», а условия их труда в капитал. В условиях свободной конкуренции один капиталист побивает многих капиталистов, происходит централизация капиталов.

В условиях развитого капиталистического способа производства экспроприации подлежит уже сам капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Экспроприация эксплуататоров совершается игрой *имманентных (объективных. — М. П.) законов* самого капиталистического производства: оно с необходимостью естественного процесса порождает свое собственное отрицание, восстанавливает «индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры», т. е. на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства. Таким образом, капитализм на высшей стадии своего развития сам создает материальные средства для своего уничтожения: в его недрах «начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Он должен быть уничтожен, и он уничтожается» [10, с. 771—773]. В «Манифесте коммунистической партии» основоположники марксизма указали на пролетариат как на тот *субъект*, что представляет все человечество, интересам которого эти изменения соответствуют и который является противником буржуазного класса. «Буржуазия сама производит и своего могильщика, революционный пролетариат, ее гибель и победа пролетариата одинаково, — по их мнению, — неизбежна» [11, с. 434—435]. Так выстраивается идея соразвития, коэволюции социального бытия и человечества, их соответствии друг другу.

Итак, сравнительный анализ философских оснований русского космизма, включая ноосферную концепцию, с основным содержанием марксизма свидетельствует о неадекватности интерпретации марксистской философии посредством его противопоставления созерцательной концепции. Марксизм является философией соразвития, коэволюции бытия и человека: обладая способностью развиваться, созидать новый материальный мир порождает *homo sapiens*, в практической деятельности которого бытие и его развитие пролонгируется так, что далее имеет место их соразвитие, коэволюция бытия и человека. Учет этого обстоятельства приводит к более адекватным представлениям и оценкам марксизма, русского космизма и ноосферной концепции, которые должны учитываться в научных исследованиях и в ходе преподавания философии.

Список литературы

1. *Алексеев П. В., Панин А. В.* Маркс Карл. Философия активистская и философия созерцательная // Алексеев П. В., Панин А. В. Хрестоматия по философии : учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 1997. С. 25—29.
2. *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991. 446 с.
3. *Бердяев Н. А.* Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 142—162.
4. *Булгаков С. Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М. : Республика, 1994. 415 с.
5. *Вернадский В. И.* Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли. М. : Педагогика-Пресс, 1993. С. 288—303.
6. *Вернадский В. И.* Несколько слов о ноосфере // Русский космизм: Антология философской мысли. М. : Педагогика-Пресс, 1993. С. 303—311.
7. *Гегель Г. В. Ф.* Философия права // Гегель. Сочинения. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1934. Т. VII. 380 с.
8. *Гутов Е. В.* «Русский космизм» // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; Москва ; Минск : ПАНПРИНТ, 1998. С. 752—756.
9. *Зиновьев А. А.* Нашей юности полет // Зиновьев А. А. Светлое будущее. М. : Астрель, 2008. С. 257—446.
10. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М. : Госполитиздат, 1968. Т. 1. 908 с.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 434—435.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 3. 827 с.
13. *Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. 512 с.
14. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? М. : Наука, 1991. 140 с.
15. *Прохоров М. М.* Бытие, гуманизм и второе осевое время. М. : Российское гуманистическое общество, 2008. С. 154—184.
16. Русский космизм: Антология философской мысли. М. : Педагогика-Пресс, 1993. 368 с.
17. *Свидерский В. И.* Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М. : Мысль, 1965. 288 с.
18. *Семенова С. Г.* Русский космизм // Русский космизм: Антология философской мысли. М. : Педагогика-Пресс, 1993. С. 3—33.
19. *Сухово-Кобылин А. Ф.* Философия духа или социология (учение Всемира) // Русский космизм: антология философской мысли. М. : Педагогика-пресс, 1993. 120 с.
20. *Хабибуллина З. Н.* Мировоззренческая парадигма русского космизма: социально-философский анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Уфа : Изд. Башк. гос. ун-та: 2012. 32 с.
21. *Энгельс Ф.* Основные формы движения // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения : 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1961. С. 391.
22. *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961. Т. 20. С. 495—496.
23. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. 2-е изд. М. : Республика, 1994. 527 с.

УДК 502:17
ББК 60.023

М. А. Меликян, Г. С. Смирнов

НООСФЕРНОСТЬ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЛОГИКА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНЗИТИВНОСТИ

В статье рассматривается феномен человеческого качества в условиях глобального экзистенциального выбора. Авторы анализируют антропологическую транзитивность через призму концепции всечеловеческого академика А. В. Смирнова. Раскрыт системный характер логико-смысловой парадигмы как методологического регулятива философского форсайта, показан ее ноосферный потенциал. Зафиксировано антропологическое измерение концепции всечеловеческого, представленное через категории «общечеловека» и «всечеловека». Рассмотрена их специфика через модусы противоречивости и дополнительности. Выявлены этологические установки общечеловека и всечеловека. Сделан вывод о возможности снятия противоречия между этими антропологическими модусами в контексте основного морального отношения и ноосферного императива.

Ключевые слова: общечеловеческое, всечеловеческое, логико-смысловая парадигма, обще-человек, все-человек, ноосферность, антропологическая транзитивность, постцифровая цивилизация, форсайт-концепт.

М. А. Melikyan, G. S. Smirnov

NOOSPHERITY: CONCEPTUAL LOGIC OF THE ANTHROPOLOGICAL TRANSITIVITY

The article considers the phenomenon of human quality in the context of global existential choice. The authors analyze anthropological transitivity through the prism of the «all-humanity» concept. The systemic nature of the logical-semantic paradigm as a methodological regulation of the philosophical foresight is revealed, its noospheric potential is shown. An anthropological dimension of the «all-humanity» concept is fixed, represented through the categories of «uni-human» and «all-human». Their specificity through counter-contradictority and complementarity modes is considered. The ethological settings of the «uni-human» and «all-human» are revealed. It is concluded that the contradiction between these anthropological modes can be possibly overcome in the context of the basic moral reference and the noospheric imperative.

Key words: all-humanity, uni-humanity, logical-semantic paradigm, uni-human, all-human, noosphere, anthropological transitivity, post-digital civilization, foresight-concept.

Человеческая история буквально пронизана политическими, экономическими, социальными, научными революциями, которые в определенный момент ее развития коренным образом меняли выработанные не одним поколением устоявшиеся традиции. Итогом этих разновекторных революций всегда становилось изменение человеческого качества — антропологии и этологии homo sapiens sapiens. Реалии современности — завершающейся первой четверти XXI века — свидетельствуют об очередной кардинальной

© Меликян М. А., Смирнов Г. С., 2020

перестройке онто-гносеологических и аксио-праксиологических координат индивидуального и общественного бытия.

В настоящее время человечество (в каждом своем этно-национальном лице) находится перед экзистенциальным выбором, от которого будет зависеть весь дальнейший ход синергийной мировой истории. Каждая область знания предлагает свои видения и видения глобального будущего. В рамках современного философского дискурса наиболее эвристичным представляется обращение к формуле академика А. В. Смирнова «всечеловеческое vs общечеловеческое», которая рассматривается в качестве фундамента масштабного социокультурного форсайта. Он убедительно показывает, что мировоззренческий выбор определяют всего лишь три подхода — универсалистский, цивилизационный и логико-смысловой, задающие «методологические перспективы, которые имеют различный вес сами по себе и как инструменты разработки идеи многоцивилизационного мира» [16, с. 25]. Для нас представляет интерес логико-смысловой подход, который, по словам автора, «определяет культуру как способ смыслополагания» [16, с. 26] и дает возможность сплошной и целостной интерпретации культуры, так как «всегда идет от ее материала и логики» [16, с. 27]. В такой постановке проблемы мы видим близкий нам по научному духу системный подход.

Логико-смысловая парадигма во многом противопоставляет тренду общечеловеческого концепцию *всечеловеческого*: если первая «предполагает моно-, а не много-, логичность культуры и объявляет логику одной, определенной локальной культуры безальтернативной и подлежащей воплощению в глобальном цивилизационном проекте» [16, с. 28—29], то вторая постулирует «самоценность и нередуцируемость логик каждой из культур, составляя важнейшее обоснование многоцивилизационного проекта» [16, с. 29]. Суть *всечеловеческого* здесь представлена через культурное многообразие как залог устойчивости (по аналогии с биоразнообразием экосистемы в экологии). При этом многоцивилизационный проект не есть воплощение мультикультурализма, а предстает как результат действия принципов эмерджентности и синергичности на глобальном этно-национальном субстрате.

В нашей системе референций транзитивность от *общечеловеческого* к *всечеловеческому* носит ярко выраженный ноосферный характер уже в силу того, что она представляет собой опыт использования качественной логики (логики качественного понимания вещей в терминологии И. В. Дмитриевской). Кванторизация, на которую обращает внимание А. В. Смирнов, указывает на столкновение двух логик — количественной (с квантором «общее») и качественной (с квантором «все»). Появление общечеловеческой парадигмы, на наш взгляд, обусловлено дедуктивной логикой — от умозрительного (во многом императивистского) тезиса к форсайтным формам «социального и социоприродного сожительства». Возникновение *всечеловеческой* концепции задается индуктивистской логикой, «идущей» от реальных цивилизационных практик к модели потребного планетарного будущего.

Концепция транзитивности социокультурных доминант с *общечеловеческого* на *всечеловеческое* имеет, наряду с онтологическим и гносеологическим срезами, и антропологическое измерение, ибо каждая из указанных концепций задает определенную модальность человека: это либо *всечеловек*

либо *общечеловек*¹. Для прояснения нашей системы референций обратимся к дискурсу языкознания. Русская языковая модель (как, наверное, и другие рядоположенные лингвистические модели) не позволяет провести четкую смысловую линию между условными кванторами «все» и «обще». Англосаксонский вариант подобной репрезентации позволяет, если не установить водораздел между этими концептами, то, по крайней мере, зафиксировать принципиальные смысловые различия. Качественная ориентация «все» соответствует в английском тегу *all*, тогда как количественная ориентация «обще» соотносится с тегом *general* (с сопутствующими пометками «*universal*», «*common to all mankind*»). Как мы видим, кванторизация по типу «обще» предполагает установление единых (универсальных) и главных (генеральных) правил, тогда как тип «все» формирует, скорее, универсумный (ср. универсальный), мультиверсальный, ноосферный дискурс. Можно предположить, что в антропологическом измерении эти смысловые линии окажутся более отчетливыми концептами, усиливая эвристичность исходной формулы «всечеловеческое vs общечеловеческое»².

Применяемый нами системный подход [24] предполагает, что именно концепт определяет систему, в которой элементы находятся в определенных отношениях: «исследование начинается с фиксации свойств отношений или отношений между свойствами, понимаемыми как особого рода качественно трактуемые вещи. Как всякая научная методология, системный подход опирается на онтологические предпосылки структурного характера, то есть неявно предполагает некоторую “картину мира”» [4, с. 5]. В нашем случае *всечеловек* предстает как «качественно трактуемая вещь», которая фиксирует свойства отношений. При таком понимании «внешние, пространственно-временные характеристики не всегда являются достаточными для раскрытия сущности вещи. Вещь рассматривается как *система качеств*. Это означает также, что свойства и отношения в определенном смысле приобретают статус относительно самостоятельных вещей» [8, с. 5]. Таким образом, мы полагаем, что представления об *общечеловеке* и *всечеловеке* соотносятся как план выражения и план содержания.

Как справедливо замечает Д. Г. Смирнов, современная культура находится в переходной ситуации от этоса к эстетизму, а сама эта «транзитивность может рассматриваться как характерная черта всего XX века», где происходит смена доминант в системе «план выражения — план содержания»:

---

¹ В некотором смысле в качестве предвестников анализируемых модальностей можно рассматривать парадигмы богочеловека Вл. Соловьева и сверхчеловека Ф. Ницше, о диалектике которых мы подробно писали ранее [12, с. 41—46]. Интересно ставит эту проблему П. С. Гуревич справедливо отмечая, что «некоторые авторы, ставя проблему целостности человека сразу меняют ее другой темой — проблемой комплексного изучения человека. <...> Философское постижение человека невозможно без осознания целостности человека» [3, с. 258]. Наша точка зрения вполне укладывается в целеполагание современной интегральной антропологии [15, с. 40], «задача которого — целостное изучение человека» [25, с. 418].

² Связь концепции всечеловеческого и представлений о всечеловеке может быть хорошо проиллюстрирована обращением к традиции качественного понимания вещей Платона, для которого основополагающим является императив «разобрать, какими свойствами обладает тот, о ком идет речь, и то, причиной чего он является» [14, с. 103]. Эта мысль позволяет рассматривать разные имплицативные варианты соотношения: от всечеловека к всечеловеческому или от всечеловеческого к всечеловеку.

обнаруживает себя акцентуация на визуализации с потерей интереса к концептуализации [21, с. 11—117]. Свою задачу мы видим как раз в обратном — в «апологии» плана выражения современного социального бытия через категорию «ноосферность», которая как мы показали ранее позволяет качественно рассмотреть аксиологию и праксиологию цивилизационного развития через анализ антропологических и этологических моделей (см.: [11, 13]).

«Человек традиционно рассматривается в философии как уникальная качественная определенность “природозаданных” и “надприродных” свойств, которые, интегрируясь в целостность, порождают такие интегральные качества, как телесность, социальность и духовность, где каждое качество выступает как элемент и результат упорядоченного функционирования всех частей целого» [6, с. 23]³. Мы же, вслед за И. В. Дмитриевской, будем рассматривать в качестве родового качества *всечеловека* — ноосферность, которая представит как «способность таким образом строить свое поведение и организовать среду обитания, чтобы не разрушать целостности живого, а сохранять ее и приумножать» [5, с. 31]. Следует признать, что вся антропология строится по бинарному принципу: Гамлету противостоит Дон Кихот, сверхчеловеку — богочеловек, техносферному человеку — ноосферный. Подобная контрадикция в постановке проблемы эвристична своей зеркальностью, за счет которой, познавая одну из сторон оппозиции, мы «автоматически» приближаемся к познанию противной. Значит, более точно определив *всечеловека* (ноосферного человека), мы сможем более ясно представить себе его визави — *общечеловека*.

Подобные размышления заводят нас в кантианский дискурс, где *общечеловека* уместно представить как *человека-для-нас*, а *всечеловека* — как *человека-в-себе*⁴. Дальнейшая логика заставляет увязать анализируемые антропологические модальности с этологией: *общечеловек* ориентирован на гипотетический императив («*будь как все*»), а *всечеловек* существует в кантианско-пришвинском хронотопе, жизнью утверждая принцип «*будь как сам*», в известной мере репрезентующий категорический императив. *Общечеловек* уже самой формулировкой намекает, что он общий (средство, используемое для достижения каких-то целей), *всечеловек*, напротив, отсылает к формуле «все для человека, все ради человека». Заметим здесь, что подобные соотнесения носят условный характер, помогая лишь подчеркнуть момент несовпадения цивилизационных парадигм и их антропологических эманаций.

Антрополого-этологическая транзитивность (которая может на первый взгляд показаться контрадикторностью) в данном ключе разворачивается следующим образом. Ноосферность в глобальном масштабе утверждает несводимость к определенной локальной безальтернативной культуре, подлежащей тотальному воплощению, а в антропологическом ракурсе предполагает

---

³ Можно дополнить этот перечень интегральных качеств другими, такими как религиозность, интеллектуальность, нравственность, интеллигентность, универсумность, пассионарность, образованность, культурность, цивилизованность.

⁴ Исходя из того, что в объяснении человечество ориентируется на «прямые» построения (например, жесткие, темпорально близкие детерминации), то становится понятно, почему парадигма *общечеловеческого* нашла отклик в умах многих исследователей: она проста и очевидна. Вместе с тем она фактически не имеет смысла (сохраняя при этом определенное значение), ибо не имеет статуса целе-ценности.

«всемерность» этологии человека, идеалом которой оказывается «живущая ради целей общечеловеческого благоденствия, не созерцающая, но переделяющая несовершенство жизни» личность [10, с. 319]. Смысл ее глубинной динамики заключается в том, чтобы «знать, понимать, сопротивляться, сохранять свою духовную самостоятельность и не участвовать во лжи» [8, с. 7], будучи свободным от властных принуждений и партикулярных обязательств, главным регулятивом чего является требование «любить в человеке человека» [9, с. 20].

Природа этоса двойственна: он предстает как «реально-должное, выходящее за полюсы стихийного состояния нравов, с одной стороны, строгого порядка идеально-должного — с другой» [1, с. 600]. Бинарность общечеловека и всечеловека можно представить через привлечение понятия «габитус», под которым мы будем понимать *первичную (сигнальную)* систему приобретенных схем восприятия и оценивания, сложившуюся на практике и позволяющая обеспечивать взаимную коммуникацию в обществе (ср.: [23, с. 69]). Подобная логика размышления позволяет говорить, что всечеловеческий этос ориентирован на безусловную «мораль по совести» (*этос должного*, или целе-ценностные нормы), тогда как общечеловеческий габитус задается условной «моралью по обычаю» (*габитусом сущего*, или действием по обстоятельствам).

Этос всегда требует лояльности: познающий субъект должен либо признать власть конкретного этоса, либо воспротивится ему и выбрать иной (иногда, противоположный), что отсылает нас к проблематике идентичности — общечеловеческой и всечеловеческой. Поверхностный экскурс в этимологию позволяет сформировать производные: общечеловеческая идентичность (общая, единая идентичность) и всечеловеческая идентичность (цельная идентичность)⁵. Смысл *цельности* (целостности) заключается в том, чтобы все элементы системы так или иначе «работали на» системообразующее свойство (которое, собственно, их опосредованно отбирает), они не исключаются произвольно за ее границы (если, конечно, они не противоречат целеполаганию), а инкорпорируются через трансформацию системообразующего отношения. Смысл же *общности*, которая ориентирована на уровень системообразующего отношения, напротив, состоит в том, то она отбирает элементы не по качеству, а по количественным характеристикам, иными словами по «форме соответствия». Мы не знаем, станет ли ноосферный тип идентичности востребованным. Вместе с тем, принятие такой логики оказывается весьма эвристичным регулятивом, форсайт-концептом новой постцифровой⁶ (по своей сути, нооиндустриальной [7]) цивилизации, где обнаруживаются «факторы взаимообусловленности материального и идеального в развертывании исторического процесса» [18, с. 99].

---

⁵ Такой поворот еще больше убеждает нас в правильности предположения, что всечеловеческая идентичность имеет множество точек пересечения с ноосферной идентичностью, которая понимается как результат *качественной* «экстраполяции» системы общечеловеческих ценностей, сложившейся в истории развития мировой философской мысли» [20, с. 86].

⁶ Использование термина «постцифровой» отнюдь не намекает на очередную научно-техническую революцию, а лишь указывает на неизбежную смену доминанты антропологической динамики с искусственного интеллекта на естественный разум.

Очевидно, что снятие противоречия (а именно такой характер приобрела их исходная дополнительность⁷) между дискурсами *всечеловеческого* и *общечеловеческого* возможно лишь в рамках основного морального отношения, постулирующего регулятив «отношения личности к благу общества и к благу личности как к первичной и конечной целям и к их единству как к высшей цели» [2, с. 26—27], где этос сферы общественного бытия «уравновешивает» габитус сферы личностного бытия, связанного с удовлетворением индивидуальных потребностей и интересов. Для всечеловека более «регулятивным» может считаться ноосферный императив, разворачивающий основное моральное отношение в дискурс «перехода биосферы в ноосферу». Формула «благо ноосферы (единого космопланетарного тела человеческой цивилизации) — высшая цель, благо человека — конечная цель, а их единство — абсолютная цель» [17, с. 321], демонстрируя сложную деонтологическую диалектику, вместе с тем показывает, что духовное производство как основа очередного технологического уклада в качестве целеполагания предполагает *всеобщее* благо, для которого свойственна не событийная детерминация (когда сначала общечеловеческое, а затем, как следствие, всечеловеческое), а семиотическая детерминация (когда всечеловеческое предвосхищает общечеловеческое).

Формирование парадигмы всечеловеческого более чем актуально в контексте цифровизации планетарного общественного и индивидуального бытия, которая во многом обуславливает интенсификацию процессов «дегуманизации культуры» и «деантропологизации» самого человека. Концепция всечеловечества является реперной точкой ноосферной безопасности [19], а концепт всечеловека представляется нам системообразующим свойством (качественно понимаемой вещью) нового многоцивилизационного планетарного бытия. Принцип, введенный П. Тейяром де Шарденом — «специфическое свойство земных субстанций все больше оживляется с увеличением усложнения», при этом «усложнение, временно приостановленное, при благоприятных условиях тотчас же возобновится» [22, с. 229], находит свое обоснование в условиях нового технологического уклада. Концепт всечеловека (всечеловеческого) выступает триггером нового витка усложнения духовного производства, приостановленного технократической ориентацией общества массового потребления.

Список литературы

1. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Этос // *Этика : энциклопедический словарь* / под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001. С. 600.
2. Гумницкий Г. Н. Основы этики. Иваново : ИВГПУ, 2016. 132 с.
3. Гуревич П. С. Проблема целостности человека // *Человек в единстве социальных и биологических качеств* / отв. ред. А. А. Гусейнов. М. : Книжный дом «Либроком», 2012. С. 254—274.

⁷ Подчеркнем еще раз, что позиция «vs» для фиксации отношения общечеловеческого и всечеловеческого предполагает, с нашей точки зрения, скорее, сопоставление (сравнение), нежели жесткую контрадикторность, почти также, как в случае с глобальным и локальным, точнее глобализацией и локализацией, противопоставление которых, впрочем, вылилось в конечном итоге в возникновении представления о глокализации.

4. *Дмитревская И. В.* Текст как система: понимание, сложность, информативность : учебное пособие. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1985. 87 с.
5. *Дмитревская И. В.* «Тимей» Платона: миф о Живом космосе // Ноосферная идея и будущее России : тезисы межгос. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рожд. ак. В. И. Вернадского. Иваново, 28—29 мая 1998 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1998. С. 29—32.
6. *Келеман Л. А.* Интеллигентность как интегральное качество человека. Ставрополь : Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2005. 222 с.
7. *Лесков Л. В.* Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М. : Экономика, 2003. 446 с.
8. *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 3. С. 3—9.
9. *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном. М. : Дет. лит., 1988. 238 с.
10. *Лосев А. Ф.* Дерзание духа. М. : Политиздат, 1988. 366 с.
11. *Меликян М. А.* Ноосферность и информационность человека: философско-антропологическое осмысление нового человеческого качества // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. № 2 (18). С. 68—78.
12. *Меликян М. А.* Совершенный человек и ноосфера: лично-персоналистическая репрезентация человеческой революции. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2016. 200 с.
13. *Меликян М. А.* Феномен ноосферного человека в контексте антропологической катастрофы // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 64—72.
14. *Платон.* Пир // Платон. Собр. соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1993. Т. 2. С. 81—135.
15. *Резник Ю. М.* «Интегральная антропология» как форма междисциплинарного синтеза // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV, вып. 1—2 (11—12). С. 34—52.
16. *Смирнов А. В.* Всечеловеческое vs общечеловеческое. М. : Садра : ЯСК, 2019. 216 с.
17. *Смирнов Г. С.* Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.
18. *Смирнов Г. С.* Философия интеллигенции и ноосферная история: синергетический подход // Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук : исследования и учебно-методические разработки. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. С. 98—128.
19. *Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г.* Рискология ноосферной истории: эколого-семиотические проблемы безопасности // Сахаровские чтения 2019 года: экологические проблемы XXI века : материалы XIX науч. конф. : в 3 т. Беларусь : ИВЦ Министерства финансов Республики Беларусь, 2019. Т. 3. С. 497—500.
20. *Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г.* Философия и семиотика ноосферной идентичности: религиозный аспект (общее и особенное) // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 2 (4). С. 84—95.
21. *Смирнов Д. Г.* Символический этос международных отношений периода Холодной войны в кинематографическом измерении: к постановке проблемы // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. Вып. 1. С. 116—128.
22. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.
23. *Тимофеева Л. Н.* Противоречивость этосов политико-административного управления: есть ли выход? // Конфликтология. 2014. № 2. С. 64—74.
24. *Уемов А. И.* Вещи, свойства и отношения. М. : АН СССР, 1963. 186 с.
25. *Человек.* Философско-энциклопедический словарь. М. : Наука, 2000. 514 с.

УДК 327:14
ББК 66.01

Д. Г. Смирнов

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЭТОС МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Статья обращается к проблеме этоса международных отношений через призму когнитивно-семиотического подхода. Предлагается дефиниция символического этоса международных отношений в сопоставлении его с политическим этосом. Показана специфика этоса в сравнении с габитусом, показано преломление этого дискурса в кинематографическом пространстве Холодной войны. Зафиксированы модели киноэтоса, дана его базовая характеристика в контексте системного подхода. Теоретические выкладки подкреплены анализом двух кинематографических кейсов (американского и советского).

Ключевые слова: этос, политический этос, символический этос, габитус, Холодная война, кинематограф.

D. G. Smirnov

SYMBOLIC ETHOS OF INTERNATIONAL RELATIONS DURING THE COLD WAR IN CINEMATOGRAPHIC MEASUREMENT: TO STATEMENT OF THE PROBLEM

The article addresses the problem of international relations ethos through the prism of the cognitive-semiotic approach. A definition of the symbolic ethos of international relations is proposed in comparison with the political ethos. The specificity of ethos — in comparison with habitus — is stated; the refraction of this discourse in the cinema space of the Cold War is shown. The film-ethos models are listed, its basic characteristic is given in the context of a systematic approach. Theoretical calculations are supported by the analysis of two cinematic cases (American and Soviet).

Key words: ethos, political ethos, symbolic ethos, habitus, Cold War, cinema.

Вместо Введения

Современная российская культура [12] и шире мировая культура [4] находятся в переходной ситуации от этоса к эстетизису. Вообще эта транзитивность может рассматриваться как характерная черта всего XX века, по инерции захватывающая век XXI: модерн и в большей степени постмодерн обозначили и закрепили курс на эстетизацию жизненного мира индивидов, этносов, наций, обществ и человечества в целом. В терминах семиотики это можно «изобразить» в тренде смены доминант в системе «план выражения —

© Смирнов Д. Г., 2020

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике Холодной войны: компаративный анализ».

• Серия «Гуманитарные науки»

план содержания»: обнаруживает себя акцентуация на визуализации с потерей интереса к концептуализации.

Для сферы международных отношений, на первый (собственно геополитический) взгляд, указанная проблема нерелевантна, ибо план выражения здесь почти соответствует плану содержания. Вместе с тем, семиотический расклад изменяется при переходе в пространство символической политики¹, где план содержания может иметь некоторое количество планов выражения, различающихся между собой по «точности» его репрезентации. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы очертить пространство символического этоса международной политики (международных отношений) на примере кинематографических текстов периода Холодной войны. Данная эпоха эвристична в силу двух моментов: во-первых, она может быть целостно отрефлексирована в исторической ретроспективе (противоборствующие империи сошли с международной арены), во-вторых, новый виток противостояния требует понимания и ревизии семиотического арсенала для более эффективной обороны и адекватного «нападения».

Если для «чистой политики» этический срез выстраивается чаще всего в макиавелевском стиле, то для символической политики, где образ должен быть одновременно и этичен, и эстетичен, и политичен, такой подход не совсем адекватен. Сложную взаимосвязь этики, политики и культуры, равно как и проблемы их взаимодействия, в этом ключе уже давно хорошо продемонстрировал Г. П. Федотов (на что обратила внимание С. А. Симонова): «если этика умирает в политике, то это политический нигилизм, если этика покидает эстетику, то это “эстетический вампиризм”, ведущий к имморализму, который является культурным нигилизмом» (см.: [18, с. 74]). Позволим себе здесь предположить, что устойчивость политической картины мира напрямую зависит от принимаемости и разделяемости образов, ее наполняющих и структурирующих. Политический нигилизм, с которым сейчас столкнулась Россия, есть во многом результат символической политики (точнее ее отсутствия), где советские техники применимы в ограниченном масштабе. Нигилизм, помноженный на эстетический вампиризм, по экспоненте разрушает *резистентную идентичность* населения, которая складывалась в период Холодной войны через формирование (в том числе и с помощью кинематографа) советского этоса [11]².

---

¹ В понимании символической политики мы ориентируемся на дефиниции, предложенные О. Ю. Малиновой и С. П. Поцелуевым. Так, О. Ю. Малинова предлагает мыслить базовое понятие как деятельность, «направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих», как специфический аспект «реальной» политики [9, с. 8]. Трактовка С. П. Поцелуева выглядит более семиотически ориентированной: это «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов. Символическая политика — это не просто действие с применением символов, а действие, само выступающее как символ» [16, с. 62].

² Юрий Мурашов показывает в частности, что формирование советского этоса (структурным признаком которого оказалось смещение границ политической и приватной сфер), определявшего в новом социуме «культурные формы установления и укрепления социальной общности», во многом обуславливалось «взаимодействием традиционного средства коммуникации — литературы и нового медиума — радио» [11, с. 47]. Думается, что формирование примерно в то же время «сверхнового медиума» —

Этос: пространство категоризации

Понятие этос — одно из наиболее востребованных в современных отечественных социогуманитарных исследованиях, хотя его категориальному осмыслению и посвящено немного работ (см., напр.: [8, 14])³. Вместе с тем, как и в случае с любым другим широким понятием, оно обладает целым спектром профильных и метапредметных дефиниций. Заметим, что существующие интерпретации не противоречат друг другу, а скорее демонстрируют междискурсивность рассматриваемого феномена. Остановимся ниже на трактовках, которые наиболее близки семиотической направленности нашей концепции.

Этос. Мы исходим из признания того, что этос есть социальный конструкт. В этом смысле он, конечно, более подходит для характеристики социальных групп, нежели индивидов⁴: он рождается вместе с социальным миром и существует в мире [14, с. 21]. В этом смысле он представлен и может быть обнаружен как «совокупность морально-этических качеств, которые интегрированы в непосредственные экзистенциальные практики индивидов, в структуры их бытия-в-мире» [14, с. 17]. Этос как сложный динамический феномен включает в себя не только морально-этические ценности. В этом плане нам импонирует позиция В. Ш. Сабирова, согласно которой этос есть мотивированное поведение, обусловленное морально-этическими, эстетическими, религиозными, политическими и правовыми факторами: «поскольку в обычном человеческом сознании все эти мотивы тесно переплетены, воздействуя на поведение людей, нельзя их рассматривать изолированно друг от друга» [17, с. 232—233].

Сложная структура этоса обуславливается его двойственной природой: он предстает как «реально-должное, выходящее за полюсы стихийного состояния нравов, с одной стороны, строгого порядка идеально-должного — с другой» [2]. Можно представить эту бинарность более явно через привлечение понятия «габитус», под которым мы будем понимать *первичную (сигнальную) систему* приобретенных схем восприятия и оценивания, сложившаяся на практике и позволяющая обеспечивать взаимную коммуникацию в обществе (ср.: [19, с. 69]). Подобная логика размышления позволяет говорить, что в этосе слиты воедино собственно этос (безусловная «мораль по совести») и габитус (условная «мораль по обычаю»), или иначе *этос должного* (целе-ценностные нормы) и *габитус сущего* (действия по обстоятельствам)⁵.

Политический этос. Эвристично в интересующем нас ключе понимание этоса как особого морального порядка, который вначале присутствовал в

массового кинематографа — только усилило указанные тенденции: «приватизировало политику» (сделало ее более прозрачной) и «визуализировало этос» (сделало его более наглядным).

³ Мы не включаем сюда исследования этоса науки, библиография которого насчитывает десятки, а то и сотни публикаций.

⁴ Тем не менее есть работы, демонстрирующие эвристичность исследования этоса личности [25]. Думается, что подобный поворот в рамках международной политики мог бы быть востребован.

⁵ Забегая немного вперед, скажем, что несоответствие между этосом и габитусом задают отклоняющиеся поведенческие реакции. Так, в нашей концепции в ситуации зазора между этосом и габитусом эффективнее всего «работает» образ врага.

качестве идеи в умах некоторых влиятельных мыслителей, но впоследствии стал «оформлять собой социальное воображение широких слоев, и затем, постепенно, целых обществ» [33, р. 1]. Думается, именно здесь возникает то, что уместно обозначить как политический этос. Схожую позицию выражает теория «мирового этоса» (Weltethos) Г. Кюнга [27], позиционируемая как «макроэтический проект». В рамках этой концепции этос предстает как некий [политический] минимум, «который нуждается в моральных основаниях для того, чтобы люди ... могли совместно жить и работать». Справедливости ради скажем, что идея мирового этоса Г. Кюнга (ср. «глобальный этос» А. А. Гусейнова [7]), носит отчасти партикулярный характер, ибо он говорит о людях «одной конторы», «одного университета» и т. п. Поэтому вполне логичной выглядит точка зрения Ф. И. Гиренка, который «этос глобального мира» уподобляет «этосу коммунальной квартиры», в которой делят неделимое [5, с. 217]. Думается, что подобное деление неделимого происходит по причине вымывания этического из этоса. Так, скорее можно вести речь о габитусе мировой политики, где миропорядок устанавливается по правилам функционирования первой семиотической сигнальной системы, ориентированной на схемы восприятия и оценивания, но не понимания.

Политический (включая сюда и внешнеполитический) этос привлекает внимание исследователей в рамках определенных его измерений — лингвистического [1], религиозного [15], социологического [3]. Вместе с тем, все острее назревает необходимость комплексного взгляда на этос международных отношений. В нашем случае мы предлагаем сделать это, взяв в качестве регулятива системно-семиотическую парадигму.

Символический этос. В методологическом ключе можно зафиксировать сближение дискурса этоса и дискурса власти [21, с. 39], но сделать это не только в «архетипической» плоскости, но и в семиотической (символической).

Обобщение отечественных научных исследований дискурсов этоса и символической политики позволяет заключить, что этот синтез находится еще в самом начале пути. Политический этос упрочил свое положение в научном пространстве политологии [19, 21], но когда речь заходит об «этосах социальных миров» [14], формах и способах их конструирования (см.: [13]), символическая политика оказывается вытесненной из фокуса внимания⁶.

Для наших последующих размышлений важно подчеркнуть, что «этосы — это то, что естественным образом объединяет людей без всяких принуждений и убеждений» [13, с. 44—45]. Самым эффективным средством здесь оказывается сфера идей, убеждений, принципов и т. п., концентрировано выраженная в виде образов, метафор, символьных комплексов, закрепленная в культуре. Не случайно, наверное, М. Хайдеггер определил этос как «естественную совместность бытия-с-другими на основе принимаемых “по умолчанию” правил общежития», как «символическое место, в котором обитает человек» [23, с. 215]. В этом символическом месте «обитают» образы должного и метафоры сущего [19, с. 69]⁷. Символическая политика для удобства восприятия делает это место конкретным и адекватным тезаурусу вос-

⁶ Исключение составляет здесь, наверное, реклама (см.: [6]).

⁷ В модели Л. Н. Тимофеевой к этосу относится еще и то, что отстоит (отклоняется) от должного. Мы здесь видим некоторое противоречие, ибо обычный порядок вещей есть тоже отклонение от должного. Что же имеет в виду автор, говоря о девиации не совсем понятно.

принимающего субъекта. Эта задача решалась сначала с помощью литературы и изобразительных средств (в частности, карикатуры см., напр.: [28]), затем при посредстве радио, но наиболее эффективным средством стал, несомненно, массовый кинематограф. Он оказался наиболее «достаточным» инструментом, ибо «показывал» порядок целиком, прямо, реально, что не удавалось ни литературе (здесь требовалось воображение), ни радио (здесь не хватало визуализации), ни карикатуре (здесь не доставало реальности).

Быть может термин «символический этос» не совсем удачен, ибо задает сразу несколько смыслов, но для нас главное через него обратить внимание на то, что это особый «порядок» (мыслей и действий), являющий собой ориентир для габитуса.

Резюме. Ход размышлений подводит нас к выводу, что символический этос оказывается одним из наиболее значимых результатов (но его вполне можно рассматривать и как цель) символической политики. Он может быть различным — семейным, партийным, спортивным, гендерным и т. п., при этом под определенным углом зрения он задает конкретные политические мотивы. Символический этос — это, одновременно, и образец для габитуса, и самодостаточная модель индивидуального и социального мира — это особый «жизненный мир». Жизненный мир по Ю. Хабермасу — это естественный миропорядок, воссоздаваемый самими его участниками (см.: [22]). Символический этос отличается в этом ключе лишь тем, что конструирование и поддержание (воспроизведение) этого порядка опосредовано семиотической средой, с которой этот порядок считывается и далее реализуется в повседневной жизни.

Киноэтос Холодной войны

Кинематограф (как, впрочем, и другие жанры искусства) конструирует этос как «промежуточный уровень между различными нравами и собственно моралью, что-то среднее между сущим и должным» [19, с. 69]. Он задает через образы координаты определенного порядка, дистанцируясь от крайностей, что только добавляет кинотексту реалистичности: так этос и габитус «двигаются» навстречу друг другу. Момент «встречи», очевидно, всегда разный, ибо определяется реальной (чистой) политикой.

В этом контексте интересна концепция А. П. Павлова, которая позволяет посмотреть на кинематограф с различных позиций. В первом приближении за кинематографом закреплён последний структурный компонент этоса как сложного гомеостатического комплекса социальных ментальных и физических действий: социальные акторы, этические образцы, поведенческие комплексы, *посвящение*, которое есть процедура вхождения индивида в этическое сообщество, осуществляемая с помощью особых обрядов и ритуалов посвящения — инициаций [13, с. 45]. Вместе с тем, конкретный кинематографический кейс сам по себе есть этос, ибо в нем имплицитно присутствуют и социальные акторы, репрезентующие определенные этические образцы посредством реализации поведенческих комплексов. В этом смысле фильм как своеобразная форма инициации, одновременно, задает определенный миропорядок, конкретизируя этос Холодной войны в целом.

Модели киноэтоса. В самом общем плане можно выделить две модели символизации этоса, то есть его конструирования при помощи образов и метафор (в том числе и применительно к кинематографу) — политическая

и семиотическая⁸, которые на самом деле представляют собой единство, и разделяемые лишь для удобства анализа.

Для первой модели — *инструментально-прагматической* — характерна ориентация на реальную политику, подстраивание образного ряда под ее конкретно-исторические ориентиры и задачи. Так, уже общепризнано, что «политическая корректность является частью киномира, вступая в неоднозначные отношения с творчеством и этикой» [10, с. 108]. Здесь выбор образов — названий фильмов, актеров на определенные роли, сюжетные коннотации, — их «жесткость» определяются текущим состоянием мировой политики, непосредственными отношениями между государствами⁹. Эту модель можно условно считать «внешней», ибо она задает формальные рамки прочтения кинотекста, ориентируясь во многом на сигнальную парадигму производства и прочтения фильмов.

Семиотическая модель¹⁰ — *целе-ценностная* — востребует более «тонкие» конструктивные механизмы. Она представляется нам мене разработанной, но именно с ней, на наш взгляд, связаны перспективы изучения семиотики международных отношений. Речь здесь идет о своеобразном семиотическом императиве, где выбор образа (и, шире, этоса) обуславливается не только его адекватностью конкретной семиотической ситуации (кинотексту), но и культурному тезаурусу в целом. Иными словами, главное для символического этоса в производстве (воспроизводстве) образов по этой модели — цель, выраженная формулой «здоровый семиозис» [31, р. 106]. Отношение к образам не как к средствам-сигналам символической политики, создает предпосылки для семиоэтики, на чем в данной статье мы подробно останавливаться не будем. Ограничимся лишь замечанием о том, что данная модель, в силу ориентации на значения и смыслы, предоставляет гораздо большую свободу в реконструкции киноэтоса как в рамках конкретного фильма, так и в контексте Холодной войны в целом.

Киноэтос: базовая характеристика. Киноэтос периода Холодной войны вполне можно охарактеризовать как «конфликтный этос», который является производным от неразрешимых конфликтов¹¹. Последний предстает как «относительно стабильное мировоззрение, которое задает концептуальные рамки, позволяющие организовывать и осмысливать длительный контекст конфликта и действовать в направлении его сохранения или изменения

---

⁸ Нам представляется, что в дискурсе карикатуры обнаруживает себя примат политической модели, что выражается в использовании собственно политических маркеров. В кинематографе политическая и семиотическая модель «выравниваются», достигается определенная форма динамической дополнительности.

⁹ Это, например, хорошо видно по фильмам «Манчжурский кандидат» (The Manchurian Candidate), вышедшим в 1962 и 2004 годах. В первом фильме антисоветский пафос преподносится явно и открыто, в отличие от второго фильма, где главным врагом оказывается транснациональный капитал.

¹⁰ Семиоэтика рассматривается в контексте международных отношений (без отсылки к кинематографическому дискурсу) как ключевой критерий устойчивости миропорядка, ибо фиксирует связку «знак-ценности» (sign/values) [30], которая в зависимости от концепта задает конкретные формы международных отношений.

¹¹ Думается, что феномен Холодной войны сам по себе свидетельствует в пользу такой постановки проблемы. Подчеркнем, что к неразрешимым конфликтам относятся противостояния, не допускающие нахождения консенсуса при сохранении жизнеспособности участников конфликта.

в соответствии с этой точкой зрения» [26, р. 42]. Формирование конфликтного этоса посредством кинематографа предполагает учет ряда «вероятельных» стереотипов, воспроизведение которых крайне значимо в рамках символической политики. Они таковы — убеждения в справедливости целей группы, ответственности за безопасность, позитивном коллективном представлении о себе, патриотизме, единстве, внутригрупповой виктимизации, делегитимации оппонента, экзистенциальности мира (как невойны) [26, р. 42—43].

Конфликтный символический этос по-особому разворачивает указанные стереотипы в рамках киноповествования. Можно зафиксировать лишь несколько общих, характерных для его конструирования моментов.

Во-первых, этос *историчен*, он востребует образы из прошлого, которые помогают зрителю выстроить чаще всего бинарную модель миропорядка — Свой / Чужой. Здесь при помощи кинометафор конструируется позитивное представление о своей группе посредством различных форм делигитимации врага.

Во-вторых, этос *эмотивен*, он не может быть принят сугубо в когнитивном плане, без разворачивания в аффективную плоскость. За это отвечают отбираемые образы из истории, отсылающие к феномену виктимизации. Аффективен (противоположен инстинкту самосохранения) и патриотизм, итогом целеполагания которого оказывается концепт единства.

В-третьих, этос *проективен*, он чаще всего не имеет прототипа в реальной политике, но воспринимается в качестве одного из вероятностных вариантов развития событий. Образы легитимируют здесь справедливость целей одной из противоборствующих групп и почти мессианскую ответственность за глобальную безопасность.

В данной логике историчность киноэтоса отсылает нас к модели когнитивного восприятия, которая органично дополняется эмотивностью, ответственной за связку ментального (в первом случае) и соматического (во втором случае) действия. Виртуальным итогом такой психо-соматической модели становится кинематографический проект потребного мирового порядка.

Система киноэтоса. Киноэтос может быть представлен как система — на трех уровнях: субстрата (уровень элементов), структура (уровень системообразующих отношений) и концепта (уровень системообразующего свойства). Элементы представлены чередой киногероев первого и «вторых» планов; структура задается рафинированными моделями отношений (чаще всего бинарными по типу Свой / Чужой); концепт выводится через интерпретацию или понимание главной идеи киноповествования.

В парадигме системного подхода анализ кинотекста должен отталкиваться от концепта, нисходя к структуре, а затем и субстрату, в то время как чаще всего зрительская модель, предполагающая «полное погружение» в виртуальную реальность, предполагает обратную логику. Обратное познавательное восхождение чревато тем, что анализ может остановиться на уровне системообразующего отношения без понимания его онтологических «причин»¹². Можно предположить, что цель глубинного понимания глобального

---

¹² Поясним здесь, что вторжение агрессора в рамках конкретного кинокейса все же следует рассматривать как «праксиологическую причину» военного конфликта, тогда как «онтологическая причина», лежит в области столкновения идеологических концептов, то есть относится к глобальному этосу, например, Холодной войны.

этоса и не была регулятивом производства фильмов, а акцент делался на формировании стереотипных моделей поведения.

Фильмический этос кинолента Холодной войны задается концептом, который оказывается шире частного киноконцепта, будучи обусловливаем конфликтном идеологий. Динамичность и темпераментность реальной политики предопределяла специфику каждого конкретного киноэтоса, который, развернутый из транзитивного конфликтного этоса Холодной войны¹³, в свою очередь, задавал формы отношений в рамках конкретного киноповествования, выраженные через соответствующие поведенческие модели. Эти модели поведения могут быть также динамичны, демонстрируя определенные этологические вариации, зависящие уже от набора киноперсонажей, состав которого определяется «нужностью» тех или иных героев для экспликации концепта.

Подчеркнем, что если этос конкретного кинематографического кейса может быть представлен как система, то есть с явно обнаруживаемыми субстратом, структурой и концептом, то этос международных отношений предстает, скорее, как сверхсистема, в которой при сохранении субстрата и структуры концепт размывается (трудно реконструируем)¹⁴. Именно поэтому восприятие конкретных фильмов вне их исторического контекста тяготеет к интерпретативной модели, когда концепт задается познающим субъектом как бы «извне» (из «современности»), что во многом объясняет семиотическое инобытие фильмов рассматриваемого периода для некоторых зрительских групп современной России¹⁵.

Таким образом, думается, правильно будет сказать, что сверхзадача кинематографа в рамках символической политики (в том числе и периода Холодной войны) заключается в сближении этосов государства и общества как представлений о потребном миропорядке, которые в реальности не всегда соответствуют друг другу в силу разномасштабности восприятия (см.: [19, с. 70]).

---

¹³ Конфликтный этос Холодной войны ориентирован на противостояние из-за целей, которые воспринимаются как экзистенциальные [26, р. 41], что определяет для них центральное место в жизни вовлеченных обществ. Подчеркнем, что, с нашей точки зрения, конфликтный этос в контексте Холодной войны не обязательно выступает в форме насильственных действий (как, например, полагают указанные выше авторы), но вот в рамках кинотекстов рассматриваемого периода фильмический этос зачастую носит именно такой характер.

¹⁴ Вообще, семиотический анализ кинотекстов Холодной войны провоцирует ситуацию когнитивного диссонанса (у исследователя, который смотрит фильмы и той и другой стороны конфликта): использование одних и тех же — зеркальных — образов для конструирования схожих моделей отношений должно подчиняться единому концепту. Единство в концепте, структуре позволяет вести речь о схожести этосов как моделей миропорядка. Хорошо иллюстрирует эту логику, например, привлечение образа фашизма (нацизма, гитлеризма) для маркирования врага. И советский кинематограф активно использовал указанный маркер, и американский кинематограф также прибегал к подобному семиотическому приему.

¹⁵ В этом контексте для нас интерес представляет семиотический контекст «новой риторики» Х. Перельмана, которая оказывается востребованной при анализе политических высказываний (текстов) [32]. Новая риторика выделяет два класса объектов согласия, с которыми имеет дело в нашем случае зритель — реальные (включают в себя факты, истины и презумпции) и предпочтительные (включают ценности и предпочтения аудитории) [29, р. 66]. Подобная логика характерна и для концепции символических ориентаций Элдера и Кобба [24], которая еще отчетливее демонстрирует эвристику дихотомии когнитивности — аффективности в рамках восприятия политизированных образов определяющей для понимания / интерпретации кинотекстов.

Семиотика киноэтоса: анализ кейсов

Конструирование этоса как некоторого порядка (в том числе и мирового) можно проследить на конкретных кинематографических кейсах.

«*Красный рассвет*» (реж. Джон Милиус, 1984). Фильмический этос повествования разворачивается из пролога, который вербально извещает зрителя о происходящих в текущий момент кардинальных переменах в мироустройстве. Киноэтос оказывается производным из этоса фильмического. Бинарность с глобального (абстрактного) уровня снисходит на уровень локальный (конкретный). Неожиданное нападение врага, нарушающее размеренное течение жизни одного американского городка, призвано маркировать стороны: американцев, подвергшимся агрессии, и интервентов, говорящих на испанском (предположительно кубинцев). Только потом становится ясно, что кубинцы оказываются лишь авангардом русских агрессоров. Киноэтос подкрепляется частными этологическими кейсами, наполняющими повествование.

На уровне субстрата (элементарном уровне) киноэтос и этос фильмический совпадают: противостояние СССР и США отражается через противостояние американцев и русских. Различие начинается на уровне системообразующего отношения, которое задается гендерным дискурсом — оппозицией «Ребенок (дети) — Взрослый(ые)». Эта символическая бинарность разворачивается в двух ипостасях — «внешней» и «внутренней». Отношения во «внутренней» системе «ребенок — взрослый» (применительно к американцам) оказываются инверсивными: несмышленные, неразумные, неподготовленные дети меняются местами с предавшими свое отечество, безвольными и жалкими взрослыми. Традиционная этологическая модель «взрослый всегда прав» оказывается дискредитированной. Экстремальная ситуация ускоряет процесс взросления, обретения качеств «Своего», в то время как процесс (духовного) старения провоцирует фактический переход на сторону врага. Модель трансформируется под слоган «устах младенца глаголет истина». «Внешний» срез отношений в системе «ребенок — взрослый» (маркирующий оппозицию американцы / агрессоры) отсылает к проблеме «насилия и священного». Надругательство (насилие) над детьми (непорочными и безгрешными созданиями) — самое страшное преступление взрослого, за которое нет ни прощения, ни пощады. Взрослый враг изображается как нелюдь, лишенный всего человеческого. Так, происходит конструирование «категорического этоса», который делит мир на «черное и белое». Именно радикальный этос обуславливает казнь «росомахами» одного из своих.

Столкновение этологий агрессоров и «росомах» остается без логического завершения, финал фильма намекает на возможность снятия диалектического противоречия, ибо имеет место намек на отказ от взаимного истребления. Анализ повествования на уровне системообразующего свойства позволяет выявить концепт киноэтоса, «действие» которого не выходит в пространство фильмического (глобального), ибо выполняет сугубо мобилизационную функцию. Сущность киноэтоса наиболее полно, на наш взгляд, раскрывается через метафору инициации (перехода в новое состояние), когда дети проходят своеобразный обряд посвящения в тайну бытия и где они наконец-то узревают истинную сущность жизни как борьбы, «призывая» последовать своей поведенческой модели.

«В квадрате 45» (реж. Юрий Вышинский, 1955)¹⁶. Фильмический этос киноповествования, в отличие от американского фильма, представлен не явно. Он реконструируется из контекста и задается противопоставлением затерянного в лесах локуса с пространством «где-то на западе». Изначально эти топосы даже не связываются повествованием, но затем становится ясно, что вокруг них и будет развиваться сюжет — проникновение на советскую территорию диверсантов.

Интересно, что киноэтос разворачивается вокруг противопоставления «советских» людей: враги здесь не американцы и даже не европейцы, это русские (завербованные военнопленные). В этом видится специфика именно советского кинематографа, где подобное противопоставление занимало заметное место¹⁷. Этология героев задается через ключевой момент убийства одним из диверсантов раскаявшегося и хотевшего сдаться «своим» подручного: если так он относится к тем, с кем прибыл в одной команде, то как он может обойтись с врагом. Преступление маркирует убийцу и его поделщика как врагов.

Этос фильма более прост — в противостояние (по крайней мере активное) вовлечены исключительно мужчины (хотя два образа женщин в картине присутствуют). Один (главный диверсант) — преступник (как потом выяснится еще и «нацистский»), другой (пожарный Валентин) — борец с огнем (символом опасности, смерти). Первый отзывчив, любезен (порой даже чересчур), но от его поведения веет фальшью. Последний несовершенен, пренебрегает советами более опытных коллег, горяч и несдержан. В его образе узнает себя практически каждый советский человек, что позволяет примерить поведение Валентина на себя. Этос советского фильма менее «кровожаден», экзистенциален. Противостояние врагов носит состязательный характер, хотя оно и онтологично (неизбежно и неотвратимо) и в некотором смысле естественно. Враг не обязательно должен быть уничтожен, но его смерть (если таковая происходит) — результат «самонаказания» (самоубийства)¹⁸.

Анализ повествования на уровне системообразующего свойства позволяет выявить концепт киноэтоса, «действие» которого не выходит в пространство фильмического (глобального), ибо выполняет пропедевтикомобилизационную функцию (как это имеет место и в случае с американским фильмом), наиболее полно выражаемую формулой ГТО — «будь готов к труду и обороне».

Резюме. В советском и американском кинематографе глобальный (фильмический) контрадикторный этос задается с разной степенью интенсивности, сохраняя при этом свой онтологический статус. Для СССР характерно смягчений градуса противостояния (вне зависимости от периода отношений), а для США регулятивом здесь выступает «гипертрофированный»

---

¹⁶ Крайне трудно найти фильм, который бы выступал в качестве визави американской кинокартине. Мы остановили свой выбор на киноленте «В квадрате 45» по причине аналогичного сюжета, связанного с борьбой с врагом на своей территории.

¹⁷ Очевидно, что открытое столкновение между СССР и США (Западом) мыслилось в этот исторический период мало вероятным, но противостояние рассматривалось как «естественное» развитие отношений с бывшими союзниками.

¹⁸ Подчеркнем, что все враги в фильме получают по заслугам. Советская модель этологии ориентирована на неотвратимость наказания, пусть даже за вынужденное предательство.

реализм, который требует ужесточения дискурса с мобилизационными целями. Этос СССР менее кровав — враг изображается в меру жестоким, но все же не заслуживающим снисхождения.

Вместо Заключения

Если этос вообще представляет собой мотивированное поведение, в котором находят отражение стереотипные мировоззренческие установки, определяющие поведенческие практики, то символический этос является собой конструируемый семиотическими способами социально-эмпатический образ мира, своего места и роли в нем, разворачивающийся в политическую реальность посредством физических или ментальных конкретных поведенческих практик. Символический этос международных отношений (не только в кинематографическом дискурсе, а в максимально инструментально широком) выступает как синергичный защитный механизм, препятствующий трансформации Холодной войны в горячее противостояние. В условиях конфликтного этоса «обоснование морали на философских или религиозных началах становится весьма проблематичным. Место последних занимает массовое искусство, создающее “социально-эмпатический” тип отношений между людьми» [12, с. 289].

«Каждое общество, вовлеченное в неразрешимый конфликт, должно оправдать цели конфликта, настаивать на его самопрезентации в позитивном свете и, будучи жертвой конфликта, делегировать конфликт сопернику и создавать психологические условия, которые позволят ему адаптироваться к конфликту...» [26, р. 57]. Одним из наиболее эффективных способов конструирования подобного символического этоса оказался кинематограф, который в силу привлекаемых техник, смог реально создать «символическое место обитания», где работают свои правила общежития, режимы коммуникации со Своими и Чужими. Игровой характер кинематографа предопределил его востребованность в рамках дефицита «зрелищности», равно как и интерактивность его восприятия.

Можно говорить по крайней мере о двух типах образов, задающих символический этос: реальных и виртуальных. Для реальных (прототипных) образов характерна связь с конкретными кейсами исторической действительности, для виртуальных (логотипных) образов характерен отрыв от фактуальности. В когниции эти образы не различимы, ибо обладают одинаковыми семиотическими признаками. При этом нужно учитывать, что логотипные образы, конструируемые произвольно, имеют большие адаптивные возможности по отношению к среде (индивидуальному и коллективному сознанию)¹⁹.

Корреляция между фильмическим этосом и реальными поведенческими установками обуславливается природой используемых метафор: чем сигнальнее уровень привлекаемого образа, тем более существеннее корреляция. Символьный уровень привлекаемого образа ориентирует на онтологическую модель отношений, отодвигая праксиологию взаимодействий на второй план.

---

¹⁹ Прототипный образ (для того, чтобы сохранять свой статус) «вынужден» цепляться за историческую фактуру, репрезентуя реальные черты своего означаемого. Логотипный образ, конструируемый «из ничего», подобными правилами не ограничен.

Список литературы

1. *Абрамзон Т. Е.* Мифологические образы как составляющие ломоносовского одического этоса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 13. С. 425—429.
2. *Бакитановский В. И., Согомонов Ю. В.* Этос // Этика. Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001. С. 600.
3. *Богданова М. В.* Каким образом возможно социологическое исследование этоса // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 47—66.
4. *Герасимова А. Д.* Ценностные аспекты костюма и моды (к вопросу об этической семиотике костюма) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (118). С. 201—206.
5. *Гиренок Ф.* Удовольствие мыслить иначе. М. : Академический Проект, 2008. 235 с.
6. *Григорьева Д. Д.* Реклама как инструмент конституирования этоса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 4. С. 97—101.
7. *Гусейнов А. А.* Еще раз о возможности глобального этоса // Век глобализации. 2009. № 1. С. 16—27.
8. *Лысак К. Ф.* Этос: понятие, сферы выявления национального этоса // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. 2016. № 2 (26). С. 62—70.
9. *Малинова О. Ю.* Конструирование макроскопической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6, № 1. С. 5—28.
10. *Милевич И. Г.* Переводы названий художественных фильмов: тактики эвфемизации и деэвфемизации // Медиалингвистика. 2016. № 2 (12). С. 103—112.
11. *Мурашов Ю.* Советский этос и радиофикация письма // Новое литературное обозрение. 2007. № 4 (86). С. 47—63.
12. *Назаров В. Н.* История русской этики. М. : Гардарики, 2006. 319 с.
13. *Павлов А. П.* О природе и механизмах формирования этоса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 7 (112). С. 44—46.
14. *Павлов А. П.* Этосы социальных миров // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 8. С. 17—22.
15. *Панова Ю. В.* Истоки политического этоса США // Манускрипт. 2018. № 7 (93). С. 98—101.
16. *Поцелуев С. П.* Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Политические исследования. 1999. № 5. С. 62—75.
17. *Сабиров В. Ш.* Изучение этоса как социокультурная и этико-правовая проблема эпохи информационных войн // Евразийский юридический журнал. 2016. № 6 (97). С. 232—234.
18. *Симонова С. А.* От этоса к эстетизму: некоторые аспекты абсолютизации красоты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2008. № 2 (8). С. 73—77.
19. *Тимофеева Л. Н.* Противоречивость этосов политико-административного управления: есть ли выход? // Конфликтология. 2014. № 2. С. 64—74.
20. *Труфанова А. С.* «Новая риторика» Х. Перельмана с точки зрения системной модели аргументации // РАЦИО.ru. 2009. № 2. С. 283—293.
21. *Тульчинский Г. Л.* Этосы справедливости и типы власти // Философские науки. 2015. № 2. С. 24—41.
22. *Хабермас Ю.* Отношение между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. 1993. Весна. Т. 1, вып. 2. С. 123—136.
23. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. 448 с.
24. *Кобб Р., Элдер Ч.* Использование символов в политике // Политическая лингвистика. 2009. № 29. С. 131—145.

25. Яницкий О. Н. Этнос В. И. Вернадского и проблемы современности // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 125—139.
26. Bar-Tal D., Sharvit K., Halperin E., Zafran A. Ethos of conflict: The concept and its measurement // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2012. Vol. 18 (1). P. 40—61.
27. Küng H. Global Responsibility: In Search of a New World Ethic. N. Y. : Crossroad Publishing Co., 1991. 158 p.
28. Lazari de A., Riabov O., Zakowska M. The Russian Bear and the Revolution: the Bear Metaphor for Russia in Political Caricatures of 1917—1918 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2019. Т. 9, № 2. С. 325—345.
29. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation. Notre Dame etc.: University of Notre Dame Press, 1969. 566 p.
30. Petrilli S. Signs and Values: For a Critique of Cognitive Semiotics // Journal of Pragmatics. 1993. Vol. 20. P. 239—251.
31. Petrilli S., Ponzio A. Semiotics Today. From Global Semiotics to Semioethics, a Dialogic Response // Signs. 2007. Vol. 1. P. 29—127.
32. Rutovuori-Apunen H. World community as a reasoned community? A retrospective analysis of the us diplomatic persuasion on the Iraq war // Европа. 2004. № 4. С. 137—158.
33. Taylor C. Modern Social Imaginaries. Durham and London : Duke University Press, 2004. 215 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гавриков Виталий Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и управления персоналом, Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Брянск. yarosvettt@mail.ru

Gavrikov Vitaliy Alexandrovich — Doctor of Philology, Professor, Department of State and Municipal Management, Personnel Management, Bryansk Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Russia, Bryansk. yarosvettt@mail

Ковров Тимур Артушевич — аспирант, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново. covrov.t@yandex.ru

Kovrov Timur Artushevich — Postgraduate student, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo. covrov.t@yandex.ru

Коптелова Наталия Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии, Костромской государственной университет, Россия, г. Кострома. nkoptelova@yandex.ru

Koptelova Nataliya Gennadievna — Doctor of Philology, Professor of the National Philology Department, Kostroma State University, Russia, Kostroma. nkoptelova@yandex.ru

Корников Аркадий Андрианович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново. histgerb@mail.ru

Kornikov Arkady Andrianovich — Doctor of History, Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo. histgerb@mail.ru

Лакербай Дмитрий Леонидович — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории литературы и культурологии, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново. lakomotion@yandex.ru

Lakerbay Dmitry Leonidovich — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory, History of Literature and Cultural Studies, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo. lakomotion@yandex.ru

Околотин Владимир Сергеевич — доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново. okolotin.vladimir@yandex.ru

Okolotin Vladimir Sergeyeovich — Doctor of History, Associate Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo. okolotin.vladimir@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Россия, г. Нижний Новгород. mmpro@mail.ru

Prokhorov Mikhail Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Russia, Nizhny Novgorod. mmpro@mail.ru

Прохорова Татьяна Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь, Россия, г. Казань. tatprohororova@yandex.ru

Prokhorova Tatiana Gennadievna — Doctor of Philology, Professor, Independent Scientist, Russia, Kazan. tatprohororova@yandex.ru

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, г. Санкт-Петербург. dissovet_212@mail.ru

Smirnov Dmitry Grigoryevich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Senior scientific officer of the Department of Political Science, St. Petersburg University, Russia, St. Petersburg. dissovet_212@mail.ru

Тюленев Владимир Михайлович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново. tyulenev.vl@yandex.ru

Tyulenev Vladimir Mikhailovich — Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo. tyulenev.vl@yandex.ru

Цветков Юрий Леонидович — доктор филологических наук, профессор кафедры германо-романских языков и литературы, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново. jzvetkow@mail.ru

Tsvetkov Yuri Leonidovich — Doctor of Philology, Professor of the Department of Germanic-Romance Languages and Literature, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo. jzvetkow@mail.ru

Чугунова Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, Россия, г. Иваново. chugunova1@mail.ru

Chugunova Tatyana Vladimirovna — Candidate of History, Associate Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Russia, Ivanovo. chugunova1@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)).

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.).

Периодичность издания – четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

vestnik.ivgu@mail.ru

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

1) текст статьи с аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языке;

2) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученые степень и звание, должность и место работы / учебы или соискательства – на русском и английском языках; домашний и служебный адреса, номера контактных телефонов, адрес электронной почты);

3) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля: верхнее – 2,7 см, левое и правое – 4 см, нижнее – 4,6 см; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 11; межстрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы – не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи – не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

В верхнем левом углу индексы УДК и ББК.

На следующей строке в верхнем правом углу *полужирным курсивом* (Times New Roman 12) – *инициалы и фамилия автора* статьи на русском и английском языках.

Через интервал название статьи – выравнивание по левому краю, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, полужирным шрифтом**, Times New Roman 12 – на русском и английском языках.

Через интервал аннотация на русском и английском языках (150–250 слов) – Times New Roman 10; словосочетание «*ключевые слова*» и «*key words*» – *полужирным курсивом* – Times New Roman 10, сами ключевые слова и/или словосочетания на русском и английском языках (5–6) – Times New Roman 10.

Далее через интервал – основной текст.

После основного текста через 1 интервал следует *Список литературы* (Times New Roman 10, ФИО авторов *курсивом*). Список литературы формируется по алфавитному принципу, нумерация порядковая.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1–2003, 7.0.5–2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс – даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически;
- между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой цифровой клавиатуре) от «-» (дефиса);

- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

Порядок рецензирования рукописей статей

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование.

Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя/консультанта. Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью (присылаются сканом на электронную почту).

О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций.

Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, цельсообразность публикации статьи.

Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев.

При наличии отрицательной рецензии на рукопись статья отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Не допускаются к публикации в научном журнале статьи:

- содержащие ранее опубликованный материал;
- содержащие недобросовестные заимствования;
- представленные без соблюдения правил оформления публикаций;
- авторы которых отказываются от технической доработки публикации;
- авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их;
- представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакционная этика

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие *этические правила сотрудничества редколлегии и авторов*.

Для авторов:

- авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе;
- автор подтверждает, что его материалы публикуются впервые, не представлены в несколько журналов одновременно, а также не содержат плагиат в какой-либо форме;
- все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, должны быть указаны как соавторы;
- авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или любые другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в «Вестнике ИвГУ».

Для редколлегии:

- журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики;
- редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента:

- рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументированно выражать свое мнение, неприемлема персональная критика автора(ов);
- рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, рецензент не может использовать в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, д. 37/7, к. 406.

Более подробная информация – на сайте Ивановского государственного университета: http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
**Серия «Гуманитарные науки»
2020. Вып. 1**

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
технический редактор *И. С. Сибирева*
корректор *В. А. Киселева*
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 31.03.2020 г.

Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 11,9.
Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 40 экз. Заказ № 60. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Вестник Ивановского государственного университета

Научный журнал

В соответствии с тематикой научных исследований журнал издается в 3 сериях:

- **ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ - 4 ВЫПУСКА**
- **ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ - 2 ВЫПУСКА (online)**
- **ЭКОНОМИКА - 4 ВЫПУСКА (online)**

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых учеными Ивановского
государственного университета, по гуманитарным,
общественным, естественным и техническим наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит ежеквартально